

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта

Петрозаводск

2003

Научные редакторы:

д. ф. н. Н. Г. Зайцева, д. ф. н. И. И. Муллонен, к. ф. н. Ю. Э. Коппалева

Рецензенты:

к. ф. н. М. И. Муллонен, Т. П. Бойко

Сборник статей «Прибалтийско-финское языкознание» посвящен 80-летию юбилею известного финно-угроведа доктора филологических наук Г. М. Керта. В него вошли статьи признанных и начинающих ученых по проблемам ономастики, а также по различным вопросам грамматики, лексикологии финно-угорских языков, по практике перевода на литературные и бесписьменные языки, социолингвистике и социологии, истории филологической науки. Сборник содержит библиографию работ Г. М. Керта и список публикаций о нем.

ISBN 5-9274-0092-2

© Карельский научный центр РАН, 2003
© Институт ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2003

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВИЧ КЕРТ. К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Г. М. Керт, известный ученый-лингвист, специалист по прибалтийско-финским и саамскому языкам, родился 1 февраля 1923 года в деревне Каменка Ораниенбаумского района (ныне Ломоносовский) Ленинградской области в семье лесничего.

Годы войны, как на всех выпускниках 1941 года, сказались и на судьбе Георгия Мартыновича: после окончания школы в 1941 он был призван в ряды действующей армии и познал все ее тяготы. Служил в саперном батальоне; с августа 1942 года и до ранения (октябрь 1944) служил в составе 376-й стрелковой дивизии: сначала в разведке, затем в химвзводе. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Инвалид Великой Отечественной войны.

В 1950 году Георгий Мартынович с отличием окончил кафедру финно-угорской филологии Ленинградского государственного университета и поступил в аспирантуру Карельского филиала АН СССР с прикомандированием к Институту языкознания АН СССР (Ленинградское отделение), где подготовил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «М-овые инфинитивные формы в финском литературном языке (так называемый III инфинитив)» под руководством видного ученого – академика И. И. Мещанинова.

После защиты кандидатской диссертации в 1953 году Г. М. Керт стал работать в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. С 1959 года – он заведующий сектором языкознания; в данной должности он проработал вплоть до 1986 года, определяя направления языковедческой науки в Карелии.

На становлении Г. М. Керта как ученого сказалось влияние известного российского языковеда Д. В. Бубриха. Именно Дмитрий Владимирович «благословил» молодого лингвиста на исследование саамского языка. Один из своих трудов Г. М. Керт посвятил Бубриху Д. В., где с большой

теплотой раскрыл различные стороны научной и личной жизни талантливого ученого и обаятельного человека («Д. В. Бубрих. 1890–1945». Л., 1975). А в последние годы в составе редколлегии Г. М. Керт в память об этом большом ученом готовит переиздание работ Д. В. Бубриха. Труды Д. В. Бубриха не переиздавались с 1956 года. В то же время некоторые из них в условиях принудительного единодушия советского языкознания издавались с большими купюрами: только из «Исторической морфологии финского языка» издания 1955 года (М., Л.) было изъято 28 параграфов. Таким образом, понимая всю значимость трудов известного ученого для отечественной науки и высоко ценя его наследие, Георгий Мартынович, как его верный ученик, готовит к переизданию том работ Д. В. Бубриха, в который войдут «Историческая фонетика финского-суоми языка» (14,5 а. л.), «Историческая морфология финского языка» (15 а. л.), «Грамматика карельского языка» (5 а. л.), «Происхождение карельского народа» (3,25 а. л.).

Самого Г. М. Керта интересовали различные стороны лингвистической науки вообще и финно-угорской науки в частности: соотношение языка и мышления, диалектология, членение предложения, экспериментальная фонетика, грамматика, социолингвистика, этногенез народов, ономастика и т. д. Долгие годы Г. М. Керт работал в области саамского языка. Языковедческим плодом данной деятельности стали многочисленные статьи, а также монография «Саамский язык» (Л., 1971), на основе которой год спустя после ее выхода в свет Георгий Мартынович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. Следует отметить, что для названной монографии Г. М. Керт под руководством профессора М. И. Матусевич провел большую экспериментальную работу: в лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского государственного университета в 1957–1958 гг. на основе прослушивания и записей на звукорегилирующих приборах саамской речи (кимограммы, осциллограммы, палатограммы) была выявлена фонологическая система саамского языка, что дало возможность впоследствии создать научно обоснованный алфавит саамского языка. При исследовании данных проблем Г. М. Керт совершил многочисленные научные экспедиции на Кольский полуостров. Он обладает прекрасными навыками диалектологической работы, что проявилось в сборе текстового и магнитофонного материала по языку и фольклору саамов. За время экспедиций им был собран уникальный материал по языку и этнографии саамов, насчитывающий свыше 140 часов магнитофонной записи, а также создан значительный фотоархив. Часть диалектологического материала по саамской речи была опубликована в двух томах «Образцов саамской речи» (М. – Л., 1961 – кильдинский и йоканьгский диалекты; Петрозаводск, 1988 – в соавторстве с учеником Зайковым П. М., ныне доктором филологических наук, профессором Петрозаводского университета – бабинский и йоканьгский диалекты).

В годы возрождения саамской письменности Г. М. Керт не мог быть в стороне от проблем исследуемого им языка. Он принял активное участие в разработке саамской письменности, подготовил и опубликовал «Саамско-русский, русско-саамский словарь» для школ (Л., 1986), а также учебник саамского языка [в соавторстве с А. Антоновой для педучилищ (1981)]. Керт Г. М. принимает активное участие и в обсуждении проблем карельского младописьменного языка. Опубликованная им в 2000 году книга «Очерки по карельскому языку» (Петрозаводск; в 2002 году вышло 2-ое издание книги) не задумывалась специально. В нее вошли те статьи и работы, отдельные из которых были вызваны именно оживленной дискуссией по проблемам карельского языка и культуры, возрождения карельской письменности.

За годы научной деятельности он опубликовал более двух с половиной сотен публикаций по исследуемым им проблемам (список трудов Г. М. Керта прилагается), которые изданы, в том числе, и в иностранных журналах, и научных сборниках (Финляндия, Франция, Германия, Венгрия).

Под руководством Г. М. Керта в секторе языкознания выполнялись такие крупные темы как «Лингвистический Атлас Европы», «Сопоставительно-ономастиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков», «Саамы» и другие. Одним из новейших научных интересов Г. М. Керта является работа по применению ЭВМ в исследованиях топонимии, чему посвящен ряд его статей и вышедшая в 2002 году монография «Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская)» (Петрозаводск). В данной монографии излагается разработанное в том числе при содействии математиков Карельского научного центра РАН описание структуры базы данных прибалтийско-финской и русской топонимии из 18 полей, учитывающее грамматические, семантические, функциональные и другие свойства топонима, а также экстралингвистические данные объектов, именуемых топонимами, для ввода последних в компьютер и многофункционального их использования.

Г. М. Керт активно пропагандирует свои научные взгляды, принимая участие в российских и международных конференциях и конгрессах. Отметим, что он принимал участие в работе 5 международных конгрессов по финно-угроведению, в двух международных конгрессах по ономастике, а также многочисленных отечественных и международных конференциях и симпозиумах. Он умело популяризирует свои знания в газетных и журнальных статьях, популярных книгах. Так, в Москве готовится уже третье издание написанной им (совместно с Н. Н. Мамонтовой) книги «Загадки карельской топонимии».

Георгий Мартынович – счастливый ученый в том смысле, что он имеет много благодарных ему учеников. В течение ряда лет он читал курс лекций по саамскому языку в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена, в настоящее время оказывает всемерную помощь

кафедре карельского и вепсского языков Карельского государственного педагогического университета. Он был членом специализированного Ученого совета по защите докторских диссертаций Марийского университета, являлся членом редколлегии журнала «Лингвистика Уралика» (Эстония, 1956–1996 годы), а также в настоящее время он – член редколлегии журнала «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), член Совета по топонимии РАН; он длительное время был членом Советского комитета финно-угроведов, членом советско-финской рабочей группы по сотрудничеству в области языкознания. Керт Г. М. является также иностранным членом-корреспондентом трех научных обществ – «Общества финляндской литературы» (1974 год), «Финно-угорского общества» (1975), «Саамского просветительского общества» (1974).

В интересах учеников Г. М. Керта сказались широта и его разнообразных научных взглядов: грамматика, лексика, синтаксис, словообразование прибалтийско-финских языков, саамский язык, ономастика. В общей сложности под руководством Георгия Мартыновича готовили свои диссертации 15 аспирантов и соискателей. Среди учеников Г. М. Керта есть и кандидаты, и доктора филологических наук.

Наряду с научной деятельностью Г. М. Керт активно занимался общественной работой. Многие годы он возглавлял Объединенный комитет профсоюзов Карельского научного центра РАН, был членом парткома, председателем Общества «Знание» и др.

Г. М. Керт награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, военными медалями и почетными грамотами Президиума РСФСР и Президиума АН СССР. Ему присвоены звания «Заслуженный деятель науки КАССР» и «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Г. М. Керт – многосторонний человек. Петрозаводским болельщикам он известен как спортсмен – кандидат в мастера спорта по настольному теннису; 16 лет он даже возглавлял Федерацию настольного тенниса Карелии. Он прекрасно поет, играет на гитаре, мандолине, русской балалайке, является знатоком и ценителем бардовской песни.

Коллеги желают Георгию Мартыновичу крепкого здоровья и дальнейших успехов в области исследования прибалтийско-финских языков.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Г. М. КЕРТА

1953

1. М-вые инфинитивные формы в финском литературном языке (т. н. III инфинитив): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкознания. Карело-Фин. фил. – Петрозаводск, 1953. – 20 с.

1954

2. Изучение диалектов саамского языка // Поляр. правда. – 1954. – 25 сент.

1956

3. Значение саамского языка для финно-угорского языкознания: (Тез. докл.) // Науч. сессия, посвящ. 10-летию деятельности Карело-Фин. фил. АН СССР и итогам науч.-исслед. работ за 1955 г. – Петрозаводск, 1956. – 2 с. [С. 263–264].
4. К вопросу о второстепенных членах предложения в современном финском языке: (Тез. докл.) // Там же. – 3 с. [С. 253–255].

1958

5. Грамматика финского языка: Фонетика и морфология / АН СССР. Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории; Ред. кол.: Б. А. Серебренников, Г. М. Керт. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 298 с.
Имя прилагательное: [Разд.] . – С. 96–107.
Глагол: [Разд.] / Хямляйнен М. М., Керт Г. М. – С. 137–191.
Словообразование: [Разд.]. Гл. 3: Синтаксико-морфологический способ словообразования. – С. 276–284.
6. Значение саамского языка для финно-угорского языкознания // Прибалтийско-финское языкознание. – Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1958. – С. 104–117. – (Тр. Карел. фил. АН СССР; Вып. 12).
7. М-овые инфинитивные формы в финском языке // Изв. Карел. и Кол. фил. АН СССР. – 1958. – № 4. – С. 156–165.
8. О работе лингвистического семинара // Изв. Карел. и Кол. фил. АН СССР. – 1958. – № 2. – С. 185.
9. Об аналитическом способе выражения сослагательности в саамском языке // Изв. Карел. и Кол. фил. АН СССР. – 1958. – № 5. – С. 140–142.
10. Состав фонем вороньинского говора саамского языка // Совещ. по вопросам диалектологии финно-угорских языков, г. Тарту, 23–27 июня 1958 г.: Тез. докл. – Ротопр. – Тарту, 1958. – С. 24–26.

1959

11. Именная и глагольная основы в кильдинском диалекте саамского языка // Совещ. по вопр. ист. грамматики и ист. диалектологии финно-угорских языков: (Тез. докл.). – М., 1959. – С. 80–83.

1960

12. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // Вопр. языкознания. – 1960. – № 2. – С. 86–92.
13. Большой ученый: [Д. В. Бубрих] // Ленин. правда. – 1960. – 6 авг.

1961

14. Образцы саамской речи: Материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова: (Кильдинский и иоканьгский диалекты) / Отв. ред.: П. А. Аристэ, В. З. Панфилов, К. К. Конт; АН СССР. Карел. фил. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 216 с. – Рец.: 1. Szabó L. // Nyelvtudományi közlemények. – Budapest, 1966. – Köt. 68, sz. 1. – L. 202–203; 2. Szabó L. Eine kolalappische Textsammlung // Ural-altaische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1966. – Bd. 37. – S. 173–175.
15. Отчет о командировке в Финляндию: [для ознакомления с работой по сбору диалектного материала] / АН СССР. ВИНТИ. – М., 1961. – 4 с.
16. Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. – М.; Л., 1961. – С. 110–134. – (Тр. Карел. фил. АН СССР; Вып. 23).
17. О работе карельских диалектологов // Всесоюз. совещ. по вопр. финно-угорской филологии, г. Петрозаводск, 26–30 июня 1961 г.: Тез. докл. – Петрозаводск, 1961. – С. 94–95.
18. Список печатных работ Д. В. Бубриха // Прибалтийско-финское языкознание: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. – М.; Л., 1961. – С. 10–15. – (Тр. Карел. фил. АН СССР; Вып. 23).
19. Над чем работают диалектологи Карелии / Мещерский Н., Керт Г. // Ленин. правда. – 1961. – 28 июня.
20. Трудолюбивая, отзывчивая: [О депутате горсовета Хельми Иогановне Лех-мус] // Ленин. правда. – 1961. – 5 марта.

1962

21. Именная и глагольная основы в кильдинском диалекте саамского языка // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха. – М., 1962. – С. 143–153.
22. К вопросу о составе согласных фонем в вороньинском говоре саамского языка / Керт Г. М., Матусевич М. И. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1962. – Вып. 63, № 314. – С. 19–37: табл. – Рец.: 1. W. V. // Ural-Altische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1966. – Bd. 37. – S. 216.

1963

23. Научная командировка в Финляндию // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы грамматики и лексикологии. – М.; Л., 1963. – С. 109–110. – (Тр. Карел. фил. АН СССР; Вып. 39).
24. О противоречивости некоторых критериев при определении второстепенных членов предложения // Там же. – С. 90–97.
25. О характере лексики саамских диалектов Кольского полуострова // Тез. докл. и сообщ. к Всесоюз. конф. по вопр. финно-угорского языкознания. – Ужгород, 1963. – С. 8–10.
26. Дружеские встречи: [О поездке в Финляндию] // Ленин. правда. – 1963. – 24 дек.
27. Наш знаменитый земляк: [Ф. Ф. Фортунатов] // Ленин. правда. – 1963. – 27 окт.
28. Kielitieteilijäin foorumi // Neuvosto-Karjala. – 1963. – 13. lokak.
29. [Ред.] Тезисы докл. и сообщ. к Всесоюз. конф. по вопр. финно-угорского языкознания, г. Ужгород, сент.–окт. 1963 г. / АН СССР. Ин-т языкознания, МВ и ССО УССР, Ужгород. ун-т. – Ужгород, 1963. – 61 с. – Чл. ред. кол.

1964

30. Долгота согласных и гласных звуков в кильдинском диалекте саамского языка // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология: Материалы совещ... – М.; Л., 1964. – С. 44–50.
31. О рукописном наследии Д. В. Бубриха // Там же. – С. 220–222.
32. Фонетические изменения и фонологические чередования // Науч. конф., посвящ. итогам работ Института языка, литературы и истории за 1963 г., май 1964 г. Секция языка и лит.: Тез. докл. – Петрозаводск, 1964. – С. 8–11.
33. Ф. Ф. Фортунатов в Карелии: [К биографии лингвиста, 1848–1914] // На рубеже. – 1964. – № 6. – С. 85–87.
34. Фортунатов в Карелии / Керт И., Керт Г. // Ленин. правда. – 1964. – 3 окт.
35. Filologien ja professorien ihanne 50 vuotta venäläisen kielitieteilijän F. F. Fortunatovin kuolemasta // Neuvosto-Karjala. – 1964. – 4. lokak.
36. [Ред.] Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология: Материалы совещ., г. Петрозаводск, 20–30 июня 1964 г. / АН СССР. Ин-т языкознания, Петрозавод. Ин-т яз., лит. и истории. – М.; Л., 1964. – 287 с. – Чл. ред. кол.

1965

37. О принципах составления описательных грамматик бесписьменных языков // Науч. конф. по итогам работ за 1964 г., май 1965 г. Секция яз., секция лит. и народ. творчества: Сокр. тексты докл. – Петрозаводск, 1965. – С. 17–19.
38. Структура слова в саамском языке // Всесоюз. конф. по финно-угроведению, г. Сыктывкар, июнь 1965 г.: (Тез. докл. и сообщ.). – Сыктывкар, 1965. – С. 55–57.
39. Ф. Ф. Фортунатов и финно-угроведение // Сов. финно-угроведение. – 1965. – Т. 1, № 3. – С. 225–228.
40. Helsingin kongressissa // Neuvosto-Karjala. – 1965. – 12. syysk.
41. Tiedemies ja patriootti: [D. Bubrichista] // Neuvosto-Karjala. – 1965. – 25. heinäk.

1966

42. О взаимоотношении языка и мышления // Науч. конф. по итогам работ за 1965 г., май 1966 г. Секция языкознания, секция лит. и народ. творчества: Тез. докл. – Петрозаводск, 1966. – С. 3–9.
43. Саамский язык // Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 155–171: табл. – Библиогр.: 6 назв.
44. Über die Arbeit des Sektors der Linguistik des Petrozavodsker Instituts für Sprache, Literatur und Geschichte der Akademie der Wissenschaften der UdSSR // Сов. финно-угроведение. – 1966. – Т. 2, № 1. – С. 79–80.

1967

45. К вопросу о взаимоотношении языка и мышления // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 30–37.
46. К истории изучения германских заимствований в прибалтийско-финских и саамских языках // Всесоюз. конф. по финно-угорскому языкознанию: Тез. докл. – Ижевск, 1967. – С. 11–12.
47. Саамская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопр. фонетики, грамматики и лексикологии. – Л.: Наука, 1967. – С. 110–115.
48. Фонетические изменения и фонологические чередования // Там же. – С. 20–26.

49. Живое слово: [О работе сотрудников сектора языкознания Ин-та яз., лит. и истории Кар. фил. АН СССР в экспедициях летом 1967 г.] // Ленин. правда. – 1967.
50. История языка – история народа: [О совещ. по финно-угроведению в г. Ижевске, 1967 г.] // Ленин. правда. – 1967. – 24 июня.
51. [Рецензия] // Сов. финно-угроведение. – 1967. – Т. 3, № 3. – С. 223–224. – Рец. на кн.: Сало И. В. Влияние прибалтийско-финских языков на северно-русские говоры поморов Карелии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 20 с.

1968

52. Исследования языковедов Института // Науч. конф. Ин-та яз., лит. и истории Карел. фил. АН СССР, посвящ. 50-летию Великой Октябр. соц. революции, г. Петрозаводск, 30 окт. 1967 г.: Сокр. докл. – Петрозаводск, 1968. – С. 111–131.
53. Saamelaiskysymystä käsiteltiin // Neuvosto-Karjala. – 1968. – 22. syysk.

1969

54. Конференция, посвященная саамским проблемам: [VI конф. северных стран – Финляндии, Швеции, Норвегии – по изучению саамов, г. Энонтекио, Финляндия, 16–19 авг. 1968 г.] // Сов. финно-угроведение. – 1969. – Т. 5, № 1. – С. 85–86.
55. Отглагольные имена действия в финно-угорских языках // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. – Йошкар-Ола, 1969. – С. 35–37.
56. Förändringar i Kolasamernas andiliga kultur under Sovjetregimens år // Sjätte nordiska samekonferensen i Hetta den 16–19 augusri 1968. – Stockholm, 1969. – S. 143–147.
57. Zur altertümlichen Geschichte der Lappen: Luleå and Tromsö. – Stockholm, 1969. – 9 s. – Paper prepared for the Symposium on Citcumpolar Problems, organized by the Nordic Council for Anthropological Research, Stockholm, 15–21 st., 1969.

1970

58. Отглагольные имена действия в финно-угорских языках // Вопросы финно-угроведения. – Йошкар-Ола, 1970. – Вып. 5. – С. 72–77.
59. Прибалтийско-финское языкознание // Финно-угроведение в Ин-те яз., лит. и истории Карел. фил. АН СССР. – Петрозаводск, 1970. – С. 5–10.
60. Типологическая характеристика саамского языка // Congressus tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Part I: Acta Linguistica. – Tallinn, 1970. – S. 93.
61. Sommerliche Pfade der Dialektologen // Kodumaa. – 1970. – № 8. – S. 7.
62. Крупный ученый: К 80-летию со дня рождения Д. В. Бубриха // Ленин. правда. – 1970. – 26 июля.
63. Экзамен выдержан // Ленин. правда. – 1970. – 4 сент.
64. [Ред.] Финно-угроведение в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР: Сб. ст. / Карел. фил. АН СССР; Ред.: М. Н. Власова, Г. М. Керт. – Петрозаводск, 1970. – 25 с.
65. Itämerensomalaisia kieliä tutkitaan // Neuvosto-Karjala. – 1970. – 9. jouluk.

1971

66. Саамский язык (Кильдинский диалект): Фонетика, морфология, синтаксис / АН СССР. Карел. фил. ИЯЛИ; Ред.: М. И. Матусевич, В. З. Панфилов. – Л.: Наука, 1971. – 355 с.: ил. – Рец.: 1. Воскобойников М. Крупное исследование

- карельского ученого // Ленин. правда. – 1971. – 5 июля; 2. Voskoboinikov M. Tutkielma saamen kielestä // Punalippu. – 1972. – № 5. – С. 111–112; 3. Итконен Т. // Сов. финно-угроведение. – 1973. – № 1. – С. 63–66; 4. Сенкевич-Гудкова В. В. // Сов. финно-угроведение. – 1973. – № 2. – С. 144–150.
67. Диалектная лексика как источник для изучения истории народа (на материале саамского языка) // Тез. докл. и сообщ. совещ. по вопр. диалектологии и истории языка, г. Кишинев, 10–12 нояб. 1971 г. – М., 1971. – С. 81–82.
68. К истории изучения германских заимствований в прибалтийско-финских и саамских языках // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками. – Л.: Наука, 1971. – С. 66–69.
69. Там, где ночует солнце. [О традициях и быте саамского народа] // Север. – 1971. – № 11. – С. 96–100.
70. Kuolan saamelaisten nykypäivää // Kotiseutu. – 1971. – № 1/2. – С. 15–21: kuv.
71. [Ред.] Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 5: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками: К 80-летию со дня рождения Д. В. Бубриха / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории; Отв. ред.: Г. М. Керг, М. И. Муллонен. – Л.: Наука, 1971. – 176 с.

1972

72. Роль Д. В. Бубриха в развитии советского финно-угроведения // Вопросы сов. финно-угроведения: Языкознание: (Тез. докл. и сообщ. на XIV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвящ. 50-летию образования СССР.). – Саранск, 1972. – С. 139–141.
73. Кольские саамы // Nyheter från Sovjetunionen. – 1972. – № 6.
74. The History of Ancient Saams // Circumpolar Problems. – Oxford; New-York, 1972. – P. 81–84.

1973

75. Кольские саамы // Вопр. истории. – 1973. – № 8. – С. 216–219. – Библиогр. в подстроч. примеч.: 7 назв.
76. Некоторые морфологические особенности бабинского диалекта саамского языка // MSFOu. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. – 1973. – № 150. – С. 160–164.
77. Реформатор, которому благодарны потомки: [К 125-летию со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова] // Комсомолец. – 1973. – 13 янв.
78. Советско-финский симпозиум: [по проблемам прибалт.-фин. филологии в Таллине, май 1973 г.] // Ленин. правда. – 1973. – 31 мая.
79. Uusi Lovozero // Neuvosto-Karjala. – 1972. – 4. elok.

1974

80. Pienen kansan suuret ongelmat // Punalippu. – 1974. – № 3. – С. 109–110.
81. Симпозиум в Петрозаводске: [Дни науки и техники Финляндии в Ин-те яз., лит. и истории] // Ленин. правда. – 1974. – 14 апр.
82. Сказания и песни Ёны // Поляр. правда. – 1974. – 25 окт.
83. Kielentutkijain symposiumi Petroskoissa // Neuvosto-Karjala. – 1974. – 14. huhtik.
84. [Ред.] Вопросы советского финно-угроведения: Археология, литературоведение, этнография, фольклор: (Тез. докл. и сообщ. На XV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвящ. 250-летию Акад. наук СССР) / Ин-т языкознания

- АН СССР, Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории; Ред. кол.: Г. М. Керг, Г. А. Панкрушев, Э. Г. Карху... – Петрозаводск, 1974. – 137 с. – Отв. ред. редкол.
85. [Ред.] Вопросы советского финно-угроведения: Языкознание: (Тез. докл. и сообщ. на XV Всесоюз. конф. по финно-угроведению ...) / Ин-т языкознания АН СССР, Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории; Ред. кол.: Г. М. Керг, М. И. Зайцева, Ю. С. Елисеев. – Петрозаводск, 1974. – 133 с. – Отв. ред. редкол.

1975

86. Д. В. Бубрих: Очерк жизни и деятельности, 1890–1949. – Л.: Наука, 1975. – 104 с. – (АН СССР. Науч.-биогр. сер.).
87. Праязык и теория контактов // *Congres. Quartus. Intern. Fenno-Ugristarum.* – Budapest, 1975. – 2. – С. 68–69.
88. Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова // Учен. зап. Тарт. ун-та. – 1975. – Вып. 344: Тр. по финно-угроведению. 1. – С. 159–166. – Рез. англ. – Библиогр. в подстроч. примеч.
89. Саамский язык // Основы финно-угорского языкознания. Т. 2: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. – М.: Наука, 1975. – С. 203–247.
90. Состояние и задачи изучения языка кольских саамов // Симпозиум по финно-угорскому языкознанию, г. Петрозаводск, 26–27 марта 1974 г.: [Докл.]. – Хельсинки, 1975. – С. 114–119. – рус., фин.
91. Типологическая характеристика саамского языка (по способам выражения грамматических значений) / Керг Г. М., Панфилов В. З. // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum*, 1975. – Tallinn, 1975. – С. 440–443.
92. [Ред.] Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи: Декриптивное описание / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. – Л.: Наука, 1975. – 280 с. – Отв. ред.

1976

93. Загадки карельской топонимики: Рассказ о географических названиях Карелии / Керг Г., Мамонтова Н. – Петрозаводск: Карелия, 1976. – 104 с. – Рец.: 1. Дрыгин Ю. Изучается «язык земли» // Комсомолец. – 1977. – 15 февр.; 2. Симм Ю. // Сов. финно-угроведение. – 1980. – Т. 16, № 1. – С. 67–68.

1977

94. Д. В. Бубрих как исследователь карельского языка // Вопросы финно-угорской филологии. – Л., 1977. – Вып. 3. – С. 93–99. – Библиогр.: 18 назв.
95. Здание Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена, в котором работали ученые Д. В. Бубрих, С. В. Герд, А. Я. Кокин. Проспект Ленина, 33 / Керг Г. М., Соколова В. А., Потапова О. И. // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: (Памятники культуры). Карел. АССР. – М., 1977. – С. 91–96. – Библиогр.: с. 96.
96. Характер топонимии юго-западного ареала Кольского полуострова // *Etudes Finno-Ougriennes.* – Budapest; Paris, 1977. – Т. 14. – P. 141–145. – Res. fr.
97. Встреча исследователей // Ленин. правда. – 1977. – 22 июля.
98. [Рец.] *Arvokas tutkielma karjalan kielestä* // *Neuvosto-Karjala.* – 1978. – 24. maalisk. – Рец. на кн.: Рягов В. Д. Тихвинский говор карельского языка. – Л.: Наука, 1977. – 287 с.

1978

99. Роль антропонимов в формировании топонимии Кольского полуострова // *Nomina appellativa et nomina propria*. – Cracow, 1978. – S. 117. – Рез. реф. XIII Международ. конгр. по ономастике.
100. *Substrats-Toponymik des Terschen Küstenstreifens auf der Kola-Halbinsel // Ural-Altäische Jahrbücher*. – 1978. – Bd. 50. – S. 68–80.
101. [Ред.] Зайцева М. И. Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. – Л.: Наука, 1978. – 175 с. – Отв. ред.
102. [Ред.] Словник-вопросник. [Для сбора лекс. диалектов, кар., вепск., саам. и финск. языков]. – Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. – Петрозаводск. – 1978. 86 с.

1979

103. Задачи и перспективы сравнительного исследования лексики карельского, вепского и саамского языков // Вопросы финно-угроведения. [Ч.]1. Языкознание: (Тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов, июнь 1979 г.). – Сыктывкар, 1979. – С. 62.
104. Общие словообразовательные модели глагола в карельском и саамском языках / Керт Г. М., Маркианова Л. Ф. // К истории малых народностей Европейского Севера. – Петрозаводск, 1979. – С. 103–110. – Библиогр.: 18 назв.
105. Сравнительное исследование лексики карельского, вепского и саамского языков с помощью карт с краевой перфорацией // Симпозиум-79 по прибалт.-фин. филологии, 22–24 мая 1979 г.: Тез. докл. – Петрозаводск, 1979. – С. 50–53.
106. Какая сегодня лекция? // Ленин. правда. – 1979. – 14 июля.
107. [Ред.] К истории малых народностей Европейского Севера СССР: Докл. и сообщ. регион. совещ. по проблемам истории, этнографии, языков и фольклора народов Европ. Севера СССР, г. Апатиты, 13–15 июля 1977 г. / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории, Сев. фил. Геогр. о-ва. – Петрозаводск, 1979. – 152 с. – Отв. ред. редкол.
108. [Ред.] Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии, г. Петрозаводск, 22–24 мая 1979 г.: Тез. докл. / АН СССР. Отд-ние лит. и яз., Карел. фил. Ин-т яз., лит. и истории. Редкол.: Э. Г. Карху, Г. М. Керт, К. В. Чистов. – Петрозаводск, 1979. – 187 с.

1980

109. Eine vergleichende Untersuchung des Wortschatzen der karelischen, vepsischen und lappischen Sprache // *Congr. Quintus Intern. Fenno-Ugristarum*. – Turku, 1980. – 2. – S. 140.
110. Летние маршруты диалектологов // Ленин. правда – 1980. – 25 сент.
111. *Suomalais-ugrilaisten kielten tutkija (D. V. Bubrihin syntymän 90-vuotispäiväksi) // Neuvosto-Karjala*. – 1980. – 30. heinäk.
112. [Рец.] *Saamelaiisten historiaa ja nykyäivää // Punalippu*. – 1980. – № 7. – S. 92–93. – Рец. на кн.: Киселев А. А., Киселева Т. А. Саамы Советского Союза: история, хозяйство, культура. – Мурманск, 1979.
113. [Ред.] Саамские сказки / Сост. Е. Я Пация. – Мурманск: Кн. изд-во, 1980. – 316 с. – Под ред.

1981

114. Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 6: Вопр. лексикологии и лексикографии. – Л.: Наука, 1981. – С. 64–68.
115. Karjalan, vepsän ja saamen sanaston vertaileva tutkimus // Congr. Quintus Intern. Fenno-Ugristarum. – Turku, 1981. – 7. – S. 67–72.
116. Лингвистический атлас Европы // Ленин. правда. – 1981. – 27 дек.
117. [Рецензия] // Сов. финно-угроведение. – 1981. – № 3. – С. 236–237. – Рец. на кн.: Черных В. А. Глагольное словообразование в коми языке: Дис.... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1980.
118. [Ред.] Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепском языке: (История и функционирование форм слова) / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск: Карелия, 1981. – 217 с. – Отв. ред.
119. [Ред.] Прибалтийско-финское языкознание. Вып 6.: Вопросы лексикологии и лексикографии: [Сб ст.] / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории; Отв. ред.: Г. М. Керт, М. И. Зайцева. – Л.: Наука, 1981. – 137 с.

1982

120. Загадки карельской топонимики: Рассказ о географических названиях Карелии / Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. – 2-е изд., испр. и доп. – Петрозаводск: Карелия, 1982. – 112 с.: ил.
121. Проблемы топонимии Кольского полуострова // Ономастика Европейского Севера СССР. – Мурманск, 1982. – С. 4–9.
122. Сравнительное исследование лексики карельского, вепского и саамского языков с помощью карт с краевой перфорацией // Etudes finno-ougriennes. Ann. 1978–1979. – Budapest, 1982. – Т. 15. – S. 211–215.
123. Das Verhältnis des Grundwortschatzes in Dialekten der karelischen, vepsischen und lappischen Sprachen / Kert G. M., Markianova L. F. // Symposiumi-82: Suomalais – neuvostoliittolainen itämerensuomalaisen filologian symposiumi, Jyväskylä, 30. 8. – 2. 9. 1982. – Jyväskylä, 1982. – S. 30–31.
124. Kielikartasto // Neuvosto-Karjala. – 1982. – 9. syysk.
125. [Ред.] Мамонтова Н. Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район) / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск: Карелия, 1982. – 214 с. – Отв. ред.
126. [Ред.] Ономастика Европейского Севера СССР: [Сб. ст.] / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории, Сев. фил. Геогр. о-ва; Науч. ред.: Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. – Мурманск: Кн. изд-во, 1982. – 88 с.

1983

127. Карельский язык // Карелы Карельской АССР. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – Гл. 3. – С. 63–75.
128. [Ред.] Карелы Карельской АССР / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории; Ред. кол.: А. С. Жербин (рук.), Г. М. Керт, К. А. Морозов... – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 288 с.

1984

129. Vepsän kielen tutkija [о Н. И. Богданове] // Neuvosto-Karjala. – 1984. – 22. tammik.

1985

130. Встречи с профессором П. Аристэ // Пауль Аристэ и его деятельность. – Тарту, 1985. – С. 43–48. – (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та; 690).
131. Kielikartasto ja Venäläis-suomalainen sanakirja yhteistyönä // Punalippu. – 1985. – № 12. – S. 174–177: ill.
132. Ureigenes und Entlehntes in der Etnogenese der Lappen // VI Международ. конгресс финно-угроведов. Т. 2: Языкознание: Тез. докл., г. Сыктывкар, 24–30 июля 1985 г. – Сыктывкар, 1985. – С. 81. – нем.
133. Плоды сотрудничества: К 6-му Международ. Конгрессу финно-угроведов в Сыктывкаре // Ленин. правда. – 1985. – 27 июля.
134. Fennougristien kongressi lähestyy // Neuvosto–Karjala. – 1985. – 26. kesäk.
135. [Ред.] Маркианова Л. Ф. Глагольное словообразование в карельском языке / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск: Карелия, 1985. – 193 с. – Отв. ред.

1986

136. Словарь саамско-русский и русско-саамский: Ок. 4000 слов: Пособие для учащихся нач. школы. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. – 247 с.
137. Atlas linguarum Europae (ALE). Vol. I: Commentaires deuxième fascicule / par Mario Alinei...et al. – Assen;Maastricht:Van Gorcum, 1986. – 230 s.
138. Образование существительных в саамском языке (кильдинский диалект) // XVII Всесоюз. финно-угор. конф.: Языкознание: Тез. докл. – Устинов, 1986. – С. 115–117.

1987

139. О глагольных словообразовательных суффиксах в кильдинском диалекте саамского языка // Сов. финно-угроведение. – 1987. – № 2. – С. 93–100. – Рез. нем.
140. Словообразование имен существительных в саамском языке (кильдинский диалект) // XVII Всесоюз. фин.-угор. конф. Т. 1.: (Тез. докл.). – Устинов, 1987. – С. 115–117.
141. Neuvostovallan synnyttämä kirjallisuus // Punalippu. – 1987. – № 7. – S. 148–151.
142. Pikapiirtoja toponyymimatkalta Terin rannikolle // Punalippu. – 1987. – № 2. – S. 124–125.
143. Загадки топонимики: Память земли / Керт Г., Конкка У., Мамонтова Н. // Ленин. правда. – 1987. – 20 февр.
144. [Ред.] Зайков П. М. Бабинский диалект саамского языка: (фонологоморфолог. исследование) / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 201 с. – Отв. ред.
145. [Ред.] Травина И. К. Саамские народные песни. – М.: Сов. композитор, 1987. – 143 с. – Консультант и ред. песен.

1988

146. Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера Европейской части СССР: Препр. докл. на заседании Учен. сов. ИЯЛИ КНЦ РАН / Керт Г. М., Лебедев В. А. – Петрозаводск, 1988. – 18 с. – (Науч. докл. / Карел. фил. АН СССР. ИЯЛИ, Отд. мат. методов автоматизации науч. исслед. и проектирования).

147. Образцы саамской речи / Керт Г. М., Зайков П. М.; Карел. фил. АН СССР. ИЯЛИ. – Петрозаводск, 1988. – 192 с. – Рец.: 1. Zaitseva N. Saamen kielennäyteitä-koelma julkaistu // Neuvosto-Karjala. – 1989. – 26. heinäk.; 2. Клаус В. // *Linguistica Uralica*. – 1990. – Т. 25, № 1. – С. 71–72.
148. Взаимодействие родных и русского языков у народностей Севера // Предложения к концепции «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях науч.-техн. прогресса»: Тез. докл. Всесоюз. науч.-техн. конф. – Новосибирск, 1988. – С. 61–65. – Керт Г. М.: с. 762–763.
149. Об исследовании топонимии Севера Европейской части СССР / Керт Г. М., Лебедев В. А. // Сов. финно-угроведение. – 1988. – Т. 24, № 3. – С. 203–206.
150. Словообразование имен в саамском языке // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и грамматики. – Петрозаводск, 1988. – С. 84–91.
151. Язык – первооснова культуры (О судьбах карельской письменности) // Север. – 1988. – № 7. – С. 83–89.
152. Время практических действий // Ленин. правда. – 1988. – 25 окт.
153. Единая связь: Читатель продолжает разговор // Ленин. правда. – 1988. – 8 мая.
154. Sanakirjojen tekeminen elämäntyönä // Neuvosto-Karjala. – 1988. – 14. lokak.
155. [Ред.] Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояги / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск: Карелия, 1988. – 161 с. – Отв. ред.
156. [Ред.] Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и грамматики / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории; Отв. ред.: Г. М. Керт, Н. Г. Зайцева. – Петрозаводск, 1988. – 153 с.

1989

157. Проблемы саамской топонимии // Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. ст. – Ижевск, 1989. – С. 82–93.
158. Пути и формы развития и совершенствования межнациональных отношений в Карельской ССР // Карелы: этнос, язык, культура, экономика ... – Петрозаводск, 1989. – С. 9–11.
159. Топонимия в правовом государстве // Исторические названия – памятники культуры: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. – М., 1989. – С. 42–43.
160. История в названиях // Ленин. правда. – 1989. – 28 окт. – (Резонанс).
161. Освободиться от догматов // Ленин. правда. – 1989. – 27 июня.
162. [Рецензия] // Сов. финно-угроведение. – 1989. – Т. 25, № 4. – С. 303–305. – Рец. на кн.: Герасимова Д. В. Лексика, связанная с охотничьим и рыбными промыслами, в мансийском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988.
163. [Рецензия] // Сов. финно-угроведение. – 1989. – Т. 25, № 3. – С. 218–220. – Рец. на кн.: Лыскова Н. А. Подлежащее и сказуемое в хантыйском и мансийском языках: Дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1988.
164. [Ред.] Карелы: этнос, язык, культура, экономика: Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР: (Тез. докл.) / Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории. Редкол.: Ю. А. Савватеев, Г. М. Керт (отв. ред.)... – Петрозаводск, 1989. – 67 с.

1990

165. Д. В. Бубрих – основатель советского финно-угроведения // *Linguistica Uralica*. – 1990. – Т. 24, № 1. – С. 62–67.

166. Величие и трагедия таланта: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха // Север. – 1990. – № 7. – С. 143–153.
167. Диалектологические исследования в Карельской АССР // Congr. Septimus Intern. Fenno-Ugristarum. Rundtischgesprach «Dialektologia Uralica», Debrecen, 30 aug. 1990: Thesen zu den Vertragen und Referaten. – Hamburg, 1990. – S. 32–34. – нем.
168. Исконное и заимствованное в процессе этногенеза саамов // Материалы VI Международ. конгр. финно-угроведов. Т. 2. – М.: Наука, 1990. – С. 97–99.
169. Саамский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 490.
170. Топонимия как подсистема языка и как субстрат // XVII International Congress of Onomastic Sciences: Abstr. – Hki, 1990. – P. 179.
171. Toponomastik als Teilsystem der Sprache und als Substrat // Proceeding of the XVIIth Intern. Congress of Onomastic Sciences. – Hki, 1990. – Vol. 1. – S. 492–498.
172. Аргументы Д. В. Бубриха // Ленин. правда. – 1990. – 2 авг.
173. Имя – это история: В Хельсинки состоялся XVII международ. конгр. по ономастике // Ленин. правда. – 1990. – 4 окт.
174. Bubrichin tutkielmat yhä julkaisematta // Neuvosto-Karjala. – 1990. – 12. elok.
175. Nimet kertovat tutkijalle paljon // Neuvosto-Karjala. – 1990. – 26. syysk.
176. [Ред.] Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка / КНЦ РАН ИЯЛИ. – Петрозаводск: Карелия, 1990. – 156 с. – Отв. ред.

1991

177. Географическая лексика в саамской топонимии // Историческая география ландшафтов: Теорет. проблемы и регион. исслед.: Тез. докл. I Всесоюз. науч.-практич. конф. – Петрозаводск, 1991. – С. 153–154.
178. Заметки о саамской словесности // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. – Петрозаводск, 1991. – С. 22–31.
179. Проблемы создания банка саамских топонимов / Керт Г. М., Кузьмина О. И. // Исторические названия – памятники культуры: Тез докл. Второй Всесоюз. науч.-практ. конф., 3–5 июня 1991 г. – М., 1991. – Вып. 2. – С. 83.
180. Сохранить память земли // Вопросы топонимики Подвонья и Поморья: Сб. ст. – Архангельск, 1991. – С. 5–11.
181. Структурные типы саамской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание. – Петрозаводск, 1991. – С. 64–68.
182. Нуорунен – археологический памятник / Керт Г., Сыстра Ю. // Ленин. правда. – 1991. – 23 янв.
183. Onko Nuorunen arkeologinen muistomerkki // Neuvosto-Karjala. – 1991. – 15. tammik.
184. [Ред.] Мамонтова Н., Муллонен И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии / КНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск, 1991. – 161 с. – Науч. ред.

1992

185. Д. В. Бубрих – основатель отечественного финно-угроведения // Д. В. Бубрих: К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. – СПб.: Наука, 1992. – С. 5–16.
186. Печатные работы Д. Бубриха / Сост. Г. М. Керт // Там же. – С. 122–127.

187. Prinzipien der Nominaton von geografischen Objekten (Anhang des lappischen Ortsnamengutes) // Festschrift für Károly Rédei. Zum 60. Geburtstag. – Wien; Budapest, 1992. – S. 263–268.
188. [Ред.] Д. В. Бубрих: К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. / КНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. – СПб.: Наука, 1992. – 128 с. – Отв. ред. редкол.

1993

189. Заметки по топонимии 1. Вуоккинними или Вокнаволок? // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). – Петрозаводск, 1993. – С. 81–89.
190. Национальная идея и межнациональные конфликты // Север. – 1993. – № 7. – С. 142–145.
191. О создании банка данных топонимов российской деревни // Деревня центральной России: история и современность: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. – М., 1993. – С. 45–46.
192. Саамский язык // Языки мира (Уральские языки). – М., 1993. – С. 134–148.
193. Ortsnamenforschung mit Hilfe der EDV // 18. Internationalen Kongress für Namenforschung, Universität Trier, 12–17. april 1993. – Trier, 1993. – S. 73.
194. Выбор своей судьбы // Сев. курьер. – 1993. – 13 апр.
195. Национальная идея и межнациональные конфликты // Сев. курьер. – 1993. – 10 марта. – Рец.: 1. Коппалев А. Тревожиться нет оснований // Сев. курьер. – 1993. – 6 апр.; 2. Швадский М. Не поучать, а помогать // Сев. курьер. – 1993. – 6 апр.; 3. Григорьев А. И карельский, и финский // Сев. курьер. – 1993. – 15 апр.
196. [Ред.] Родные сердцу имена: (Ономастика Карелии) / КНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск, 1993. – 120 с. – Науч. ред.

1994

197. Национальная идея и межнациональные конфликты // Язык и контекст. – М., 1994. – С. 123–133.
198. О целевой программе «Фонда российской ономастики» / Керт Г. М., Лапин А. А. // Материалы для изучения сельских поселений: Докл. и сообщ. третьей науч.-практ. конф. «Центральночерноземная деревня: история и современность». – Воронеж, 1994. – Ч. 1: Язык и культура. – С. 104–106.
199. Саамско-русские языковые контакты // Прибалт.-фин. языкознание. – Петрозаводск, 1994. – С. 99–116. – Библиогр.: с. 115–116.
200. Саамско-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. – М., 1994. – С. 167–176. – Библиогр.: с. 176.

1995

201. Адаптация саамской топонимии Кольского полуострова русским языком // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. – Петрозаводск, 1995. – С. 38–43. – Библиогр.: с. 43.
202. Проблемы изучения финно-угорской топонимии // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 334–338.

203. Топонимия как объект исследования // XXIV зон. конф. литературовед. кафедр ун-тов и пед. ин-тов Поволжья. I конф. филологов Поволжского региона. Ч. 1: Лингвистика. – Тверь, 1995. – С. 18–19.
204. Топонимное видение народа (на материале саамской топонимии) // Этническое и языковое самосознание: Материалы конф. – М., 1995. – С. 70–71.
205. Quantitative Untersuchung lappischen Ortsnamengutes // Congressus Octavius Intern. Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 10.–15.8.1995. – Jyväskylä, 1995. Pars II. – S. 57.
206. На командировки средств не нашлось // Сев. курьер. – 1995. – 6 янв. – (Проблемы финно-угроведения).
207. Трудный выбор России // Сев. курьер. – 1995. – 15 дек.

1996

208. Возможности применения точных структурных методов исследования в финно-угорских языках // Лексика и грамматика фин.-угор. языков. – Саранск, 1996. – С. 31–40.
209. К проблеме выявления саамского субстрата (субсубстрата) в топонимии Севера Европейской части России // Русская диалектная этимология: Тез. докл. Второго науч. совещ. – Екатеринбург, 1996. – С. 22–23.
210. Об исследовании прибалтийско-финских языков в ИЯЛИ // 50 лет Карел. науч. центру РАН: Тез. докл. Юбил. науч. конф. – Петрозаводск, 1996. – С. 217–219.
211. Еще не поздно: Продолжаем дискуссию по поводу проекта закона РК «О языках» // Карелия. – 1996. – 6 дек.
212. Поддерживаем курс реформ: Обращение творческой интеллигенции Карелии / Ланкин Л., Донской И., Берг Э..., Керг Г... // Сев. курьер. – 1996. – 8 июня.
213. [Рецензия] // Linguistica Uralica. – 1996. – Т. 32, № 1. – С. 64–68. – Рец. на кн.: Адель Е. Система глагольного словоизменения паданского говора карельского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995. – 194 с.
214. [Ред.] 50 лет Карельскому научному центру Российской Академии наук: Тез. докл. Юбил. науч. конф. / КНЦ РАН. – Петрозаводск, 1996. – 281 с. – Чл. ред. кол.
215. [Ред.] Ученые Карельского научного центра Российской Академии наук: Биогр. слов. / КНЦ РАН; Ред. кол.: В. В. Белкин, ...Г. М. Керг... – Петрозаводск, 1996. – 132 с.

1997

216. Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка=Karjalan kielen murrekartasto / КарНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории, Н.-и. Центр языков Финляндии. – Нкi, 1997. – 10 с. + 209 карт. – (Suomal.-Ugril. Seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julk.; 97). – Предисловие / Керг Г., Рягоев В. – С. 1–5.
217. О лингво-социологическом обследовании сельских поселений Ленинградской области // Из истории Санкт-Петербургской губернии: Сб. науч. тр. – СПб., 1997. – С. 79–83.
218. Проблема выявления субстрата в проекте «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России» // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: Проблемы комплекс. изуч.: Тез. докл. международ. симпоз. – Петрозаводск, 1997. – С. 53–56.

219. Проблемы изучения финно-угорской топонимии // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1997. – № 3/4. – С. 3–27.
220. Саамские элементы в топонимии Карелии // Международ. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера: «Рябининские чтения 95»: Сб. докл. – Петрозаводск, 1997. – С. 195–200.

1998

221. Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России: TORIS: Препр. докл. на заседании Президиума Карел. науч. центра РАН / Керт Г. М., Вдовицин В. Т., Веретин А. Л. – Петрозаводск, 1998. – 36 с.
222. Martti Kuusisen 70-vuotiaspäiväksi / Haast. I. Hännikäinen // Carelia. – 1998. – № 10. – С. 104–106.
223. Toponymic Research System of Northwest Russia: The TORIS System / Kert G. M., Vdovitsyn V. T., Veretin A. L. // Karelia and Norway: the main Trends and Prospects of Scientific Cooperation. – Petrozavodsk, 1998. – P. 104–108.
224. Как жить дальше? // Сев. курьер. – 1998. – 23 апр.
225. Начать с чистого листа / Записала Т. Смирнова // Сев. курьер. – 1998. – 21 мая.
226. Не дайте себя обмануть / Беседу вел А. Фарутин // Сев. курьер. – 1998. – 21 апр.

1999

227. Информационная технология для поддержки совместной работы исследований в сети Интернет – перспективы развития TORIS / Керт Г. М., Вдовицин В. Т., Сорокин А. А., Русаков С. М. // Информац. технологии в гуманитарных науках: Сб. докл. телеконф. – Казань, 1999. – С. 81–85.
228. Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России: TORIS / Керт Г., Вдовицин В., Веретин А., Луговая Н. // Там же. – С. 79–81.
229. Создание диалектологического атласа – венец лингвистических исследований // Важнейшие результаты науч. исслед. Карел. науч. центра РАН (1994–1999 гг.): Тез докл. – Петрозаводск, 1999. – С. 137–138.
230. Гуманизация личности – основа гражданского общества // Сев. курьер. – 1999. – 31 июля.
231. Память о любимом профессоре [Д. В. Бубрих] / Керт Г. М., Суханова В. // Санкт-Петербург. ун-т. – 1999. – 20 мая.
232. [Ред.] Ученые Карельского научного центра Российской Академии наук: Биогр. слов. / КНЦ РАН; Ред. кол.: Т. В. Боцва, Е. П. Васильева, ...Г. М. Керт... – 2-е изд., доп. и перераб. – Петрозаводск, 1999. – 305 с.

2000

233. Очерки по карельскому языку: Исслед. и размышления. – Петрозаводск: Карелия, 2000. – 112 с.: ил. – Библиогр.: с. 108–109. – Примеч.: с. 110.
234. К созданию Web-сайта по топонимии Европейского Севера России / Керт Г. М., Вдовицин В. Т., Луговая Н. Б. // Материалы международ. науч.-метод. конф. преподавателей, аспирантов, посвящ. 75-летию каф. финно-угор. филологии СПбГУ. – СПб., 2000. – С. 38–44.
235. Саамская топонимия Кольского полуострова как объект исследований // Гуманитарные исследования в Карелии: Сб. ст. к 70-летию Ин-та яз., лит. и истории. – Петрозаводск, 2000. – С. 170–177. – Библиогр.: 24 назв.

236. Тематический Web-сайт по топонимии Европейского Севера России / Керт Г., Вдовицин В., Сорокин А., Луговая Н., Беляева Н., Чуйко Ю. // Научный сервис в сети Интернет: Тез. докл. всерос. конф., г. Новороссийск, 18–19 сент. – М., 2000. – С. 167–168.
237. Основатель финно-угроведения // Сев. курьер. – 2000. – 21 июля.
238. Память о любимом профессоре / Суханова-Тойкка В. С., Керт Г. М. // Петрозаводск. – 2000. – 21 июля.
239. Fennougristiikan alkuunpanija // Karjalan Sanomat. – 2000. – 26. heinäk.
240. Suomalais-ugrilaisen kielitutkimuksen alkuhpanija // Vienan Karjala. – 2000. – 25. heinäk.
241. Suomalaz-ugrilazen kielitutkimuksen alghupanii // Oma Mua. – 2000. – 27. heinäk.

2001

242. Словарь лексики (компонентов) саамской топонимии Кольского полуострова // Материалы XXX межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 27: Секция уралолистики. – СПб., 2001. – С. 19–27.
243. Топонимия в современном мире // Изв. Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2001. – № 20: Гуманитарные науки. Вып. 4. – С. 48–54.
244. Электронная коллекция информационных ресурсов по топонимии Европейского Севера России / Вдовицин В. Т., Керт Г. М., Беляева Н. А., Луговая Н. Б., Сорокин А. Д., Чуйко Ю. В. // Электронные библиотеки: Перспективные методы и технологии, электронные коллекции: Сб. тр. Третьей Всерос. конф. по электронным библиотекам. – Петрозаводск, 2001. – С. 199–201.
245. The Creation and Development of the Thematic Web-Site on the Toponymy of the European North of Russia // НФИ 2000: Новые методы информационных технологий. Т. 3. – Петрозаводск, 2001. – С. 132–136.
246. Saamic: [Balto-Finnic Languages] / K. Rautio Helander, G. M. Kert // Onomastica Uralica: Sel. Bibliogr. of the Onomastics of the Ural. Lang. – Debrecen; Hki, 2001. – Vol. 1a. – P. 205–241.
247. Наравне или наряду с русским? // Карелия. – 2001. – 22 февр.

2002

248. Очерки по карельскому языку: Исследования и размышления. – 2-е изд. – Петрозаводск, 2002. – 112 с. – Библиогр.: с. 108–109.
249. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии: (Прибалтийско-финская, русская) / РАН. КарНЦ. Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск, 2002. – 187 с.: табл. – Библиогр.: с. 137–143.
250. Апеллятив и топоним // Nime murre: Pühendusteos Valdek Palli 75. sünnipäevaks, 30. juunil 2002. – Tallinn, 2002. – Lk. 34–52. – Библиогр.: с. 51–52. – (Eesti Keele Inst. Toim.; 11).
251. Auf die EDV gestützte Ortsnamenforschung // Onomastik. Bd. 1: Chronik Namenetymologie und Namenengeschichte Forschungsprojekte. – Tübingen, 2002. – S. 281–287. – (Sonderdruck aus Patronymica Romanica; Bd. 14).
252. Saami Toponymy of the Kola Peninsula as a Research Object // Onomastica Uralica: History of the Study of Toponyms in the Uralian Languages. – Debrecen; Hki, 2002. – Vol. 2. – S. 121–132. – Bibliogr.: s. 129–132.

ПУБЛИКАЦИИ О Г. М. КЕРТЕ

1. Воскобойников М. Крупное исследование карельского ученого // Ленин. правда. – **1971**. – 15 июля.
2. Fråga vi svarar. Sänd era frågor till denna spalt // Nyheter från Sovjet unionen. – **1971**. № 2. – S. 14.
3. Tunnustusta saamelaisuuden edistäjille // Kansan uutiset. – **1972**. – 27. marrask.
4. Tiedemiestä juhlittiin // Neuvosto-Karjala. – **1973**. – 2. helmik.
5. Samers språk ska avslöja deras historia // Norrländska socialdemokraten. – **1973**. – 28 september.
6. Valjakka V. Saamen kielen tutkija: Kerromme Karjalan tiedemiehistä // Neuvosto-Karjala. – **1976**. – 30. heinäk.
7. Сафронович Л. Урок саамского // Поляр. правда. – **1978**. – 15 июля.
8. Virtaranta P. Saamen kielen tietomiehet // Virtaranta P. – Espoo: Weilin & Göös, **1981**. – S. 39–44. – [Kert G.]: s. 39–41.
9. О присвоении почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» Керту Г. М.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, 16 нояб. 1983 г. // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. – **1983**. – № 47. – С. 972.
10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР: О присвоении почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» Керту Г.М. // Ленин. правда. – **1983**. – 18 нояб.
11. Ariste P. Zum 60. Geburtstag von Georgij Kert // Советское финно-угроведение. – **1983**. – 11. helmik.
12. Korhonen M. G.M. Kert – 60-vuotias // Virittäjä. – **1983**. – S. 108–110.
13. Vauhkonen I. Vanhaa vaalien, uutta rakentaen: [Kertista] // Neuvosto-Karjala. – **1983**. – 11. helmik.
14. Virtaranta P. Kulttuurikuvia Karjalasta: Ihmisiä ja elämänkohtaloita rajantakaisessa Karjalassa. – Jyväskylä, **1990**. – 310 s. – [Kert G.]: s. 86–87.
15. Вторые финно-угорские чтения в Ленинграде // Сов. этнография. – **1991**. – № 5. – С. 120–124.
16. Виртаранта П. Этюды о карельской культуре: Люди и судьбы. – Петрозаводск, **1992**. – 228 с. – О Керте Г.: с. 90–92.
17. Vauhkonen I. Työ pitää tutkijaa pihdeissään // Karjalan sanomat. – **1993**. – 30. tammik.
18. Хаузенберг А.-Р. I Всероссийская научная конференция финно-угроведов // Linguistica Uralica. – **1995**. – № 2. – S. 151–154.
19. Керт Георгий Мартынович // Ученые Карельского научного центра Российской Академии наук: Биогр. слов. – Петрозаводск, **1996**. – С. 90.
20. Bartens H.-H. Fom Sammeln und Publizieren saamischen Märchen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. – **1997**. – №87. – S. 34–37.

21. Колесова Т. А. Опора на собственные силы // Северный курьер. – **1998**. – 31 янв.
22. Керт Георгий Мартынович // Ученые Карельского научного центра Российской Академии наук: Биограф. слов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Петрозаводск, **1999**. – С. 263–264.
23. Антонова А. Саамская письменность – XX век // Живая Арктика. Историко-краеведческий, эколого-информационный альманах. **1999**. № 2. Ловозеро. 425 лет. С. 8–9.
24. Юдакин А. Керт Георгий Мартынович // Ведущие языковеды мира: Энциклопедия / Юдакин А. – М., **2000**. – С. 359–360. – Библиогр.: с. 360.
25. Remsujeva R. Tahdoin pyyhkiä pois muistot sodasta // Karjalan sanomat. – **2000**. – 9. toukok.
26. Remsujeva R. Tahoin pyyhkiä muistot sodasta // Vienan karjala. – **2000**. – 9. toukok.
27. Керт Георгий Мартынович. // Кто есть кто в Республике Карелия: Справ. – Петрозаводск, **2001**. – С. 34.
28. Макаров В. Новое слово о языке // Северный курьер. – **2001**. – 22 февр.
29. Nesvitski M. Karjalan kielellä uusia puolustajia Fedotovan sanakirja ja Kertin kuvaukset saatettiin julki // Karjalan sanomat. – **2001**. – helmik.
30. Remsujeva R. Kielikysymys: keitä olemme? Kansallisuuspolitiikan komitea on esittänyt uuden kielilakiluonnoksen // Karjalan sanomat. – **2001**. – 21. helmik.

Редактор-библиограф А.Н. Иевлева

Марье Йоалайд

Таллин

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ФАМИЛИИ КЕРТ

Отец Георгия Мартыновича Керта – эстонец. Фамилия Керт хорошо известна в современной Эстонии хотя бы потому, что ее носит один из высших военных чинов страны Йоханнес Керт (Johannes Kert).

Чтобы выяснить, насколько широко распространена фамилия Керт и ее фонетические варианты в Эстонии, я обратилась к базе данных Onomastica NET, созданной под руководством профессора Ааду Муста в отделении истории университета Тарту и помещенной в Интернете. Названная база состоит из двух больших разделов. Первый включает эстонские фамилии XIX в., т. е. периода становления официальной системы фамилий в Эстонии. Он содержит 73928 записей. Второй раздел, состоящий из 78777 записей, сформирован из эстизированных форм фамилий. Кроме того, привлечены сведения, почерпнутые из базы данных KeeleWeb, созданной в 1997–1998 годах и отражающей данные о личных именах и фамилиях в Эстонии по состоянию на осень 1995 года.

Общее число фамилий в Эстонии превышает 50 000. Для сравнения укажем, что во Франции, численность населения которой в 40 раз выше, чем в Эстонии, приблизительно 80 000 фамилий [Rajandi-Tarand 1966a: 228].

Из истории становления системы фамилий в Эстонии известно, что к началу XIX в. лишь часть эстонцев имела фамилии. Это были по большей части люди, получившие ее за какие-то особые заслуги [Must 2000: 51]. Только в отдельных приходах численность крестьян, имевших фамилию, достигала 15–20 % [Rajandi-Tarand 1966b: 397]. К примеру, в приходе Каневи на территории Южной Эстонии крестьяне получили фамилии уже в 1809 году, инициатором был известный в истории эстонской культуры пробст Вырумаа Йоханн Филипп фон Рот [Must 2000: 52–54]. Основная же часть эстонцев получила фамилии после отмены крепостного права – в Эстляндской губернии в 1816, а в Лифляндской губернии (т. е. в Южной Эстонии) в 1819 году [Must 2000: 51–52]. В соответствии с законом Лифляндии каждый свободный человек должен был иметь фамилию. В Эстляндии соответствующий закон не был прописан [Henno 2000: 22, 28]. Однако к 1835 г. все эстонские крестьяне получили фамилию, причем в Лифляндии это произошло уже к 1826 году [Must 2000: 56, 54]. Известны случаи, когда фамилии крестьянам давали помещики, на что указывают некоторые типы фамилий в ряде мест Эстонии [Must 2000: 97–98], а также такие странные фамилии, как Eitea ‘Не знаю’ в Эстляндской [Tiik 1982: 85] или Mõtleb ‘Думает’ в Лифляндской губернии [Henno

1999: 27]. Впрочем, самоволие помещиков ограничивало то обстоятельство, что, во-первых, множество крестьян уже имело фамилии, во-вторых, многие крестьяне сами выбирали себе фамилию [Rajandi-Tarand 1966b: 397].

Многие официальные фамилии основывались на традиционных прозвищах или неофициальных крестьянских патронимах. Кроме того, фамилия нередко восходила к названию хутора, в котором, в свою очередь, скрывается традиционное прозвище или патроним. Фамилии, восходящие к названиям хуторов, выступают, как правило, в форме генитива.

Для второй половины XIX в. характерна германизация фамилий эстонцев, переселявшихся в города [Must 2000: 57]. В 1930-е годы этот процесс сменился эстификацией имен и фамилий, которая приобрела особенно сильный размах в связи с празднованием 100-летия закона о присвоении фамилий крестьянам Эстляндской губернии. Надо отметить, что эстификация фамилий имела и объективные основы: многие имена и фамилии были действительно немецкими, и по ним невозможно было установить национальность ее носителя [Must 2000: 62–63]. Мысль о необходимости перехода на эстонские фамилии высказывалась в обществе уже и раньше. Доказательством этого может служить изданный Академическом Обществе Родного Языка в 1921 году сборник «Eestlase Eesti nimi» (Эстонцу эстонская фамилия). Инициатором эстификации фамилий было Академическое общество родного языка [Henno 2001: 72–79]. Среди сменивших фамилию основную массу составляли носители фамилий немецкого происхождения, однако 7 % сменили на эстонскую прежнюю русскую фамилию. Количество сменивших фамилию на эстонскую составляло почти 210 000 человек [Must 2000: 62–64]. К сожалению, среди них были и носители эстонских фамилий, что повлекло за собой в некоторых случаях разрушение традиционной системы. Об этом свидетельствует и история фамилии Керт.

Предлагаемый анализ эстонской фамилии **Kert** и ее фонетических вариантов **Kärt**, **Kört** и **Kõrt** и т. д. основывается на материале, представленном в Onomastika NET. При этом фамилии даются в эстонском написании, а топонимы транскрибируются.

Фамилию **Kert** получили семьи, проживавшие в Лифляндской губернии в волости Йыгевесте прихода Хелме уезда Вильяндимаа и в волостях Вазула и Карлова прихода Тарту-Мааря уезда Тартумаа. В Эстляндской губернии носители фамилии проживали в уезде Вирумсаа в волости Саку прихода Люганузе и в волости Вана-Варуди прихода Виру-Нигула, а также в волости Торгу прихода Йамайя уезда Сааремаа. Очевидно, там фамилию произносили как **Kärt**.

Фамилию **Kört** по Onomastika NET получили семьи, проживавшие в Лифляндии в волости Выйзику прихода Колга-Яани уезда Вильяндимаа и в волости Яркна прихода Якси уезда Тартумаа. В Эстляндской губернии ту же фамилию получила семья в волости Трийги прихода Вяйке-Мааря

уезда Вирумаа. Onomastika NET приводит в качестве варианта к Kõrt фамилии **Koert**, **Kördt**, **Körth** и **Kört**. Форма **Koert** дана в Onomastika NET в волости и приходе Мустяла уезда Сааремаа в Лифляндской губернии, **Körth** в волости Вока прихода Йыхви уезда Вирумаа Эстляндской губернии, а **Kördt** в волости Вана-Кавилда прихода Пухя уезда Тартумаа. Однако три перечисленных выше варианта связаны, скорее, с фамилией Kört (отметим, что именно такую исходную форму база предлагает для Kördt), а не Kört. Не вполне понятно, почему другие варианты с ö, в том числе Kört, нормализованы в Onomastica NET в фамилии Kört.

Ближе к фамилии Kert стоит фамилия **Keert**, которая бытовала в Лифляндии в волости и приходе Ранну Тартуского уезда и в Эстляндии в волости Кохтла прихода Йыхви уезда Вирумаа. Фамилии **Käärt** или **Köört** согласно базе данных здесь не присваивались. Распространение вышеупомянутых фамилии показывает карта.

Кроме того, два раза упоминается фамилия **Kerd**, оба раза в уезде Вильяндимаа Лифляндской губернии, одна в волости Вана-Выйду прихода Вильянди, другая в волости Ууе-Пылтсамаа прихода Пылтсамаа. Кажется, отец Георгия Керта Мартин родом именно из Пылтсамаа. Значит ли это, что в таком случае правильное написание фамилии юбиляра Керд (**Kerd**)? Вряд ли это так, ведь звукопереход т < д в русском употреблении все-таки маловероятен.

Вероятнее предполагать, что предки юбиляра получили эту фамилию где-то в другом месте, так как после отмены крепостного права эстонцы активно мигрировали как в пределах Эстонии из одного прихода в другой, так и далее, например, в Россию. Среди переселившихся в Россию в начале XX в. эстонцев был и Мартин Керт.

Надо сказать, что сразу после отмены крепостного права свобода передвижения крестьян была сильно ограничена, число переселившихся в другую общину заметно возросло только во второй половине 1840-х годов [Vassar 1975: 28]. Только в связи с проведением в жизнь лифляндского временного крестьянского закона в 1849 году крестьяне получили легальную возможность переселиться в какую-нибудь другую губернию, но вначале возможностью пользовались мало, и только в 1860 году попытки переселиться стали массовыми [Vassar 1975: 44, 64]. Переселение эстонцев в Россию, в том числе в Петербург, достигло наивысшей точки в 1880-ых годах, за пределами эстонской территории по данным переписи населения 1897 года проживало 12 % эстонцев, большинство из них в Санкт-Петербургской и Псковской губерниях. А после революции 1905–1907 годов началась новая волна переселения, с 1906 года в России было основано по меньшей мере 40 новых эстонских колоний [Kivimäe 1981: 66]. Эстонцы направлялись главным образом в Сибирь и в Вологодскую губернию, а также в Псковскую и Санкт-Петербургскую губернии [Kivimäe 1981: 67, 72–73].

Что же лежит в основе фамилии Kert и др.? Во-первых, это может быть личное имя. Словарь понятий эстонского языка («Eesti keele mõisteline sõnaraamat») Андруса Сааресте приводит Kert и Kärt только как личные имена [ЕКМС 1: 270]. Это женские имена, восходящие к Gertrud. Эстонско-немецкий словарь Ф. Й. Видеманна также приводит женские имена Kert, Kerdu [Wiedemann 1973: 266], а также Kēft, ген. Kēfdi, и Kērt, ген. Kērdo [Wiedemann 1973: 274]. При этом Kärt (ген. Kärdu) у Видеманна женское имя, а Kāft (ген. Kāfdi) мужское имя [Wiedemann 1973: 250]. Эдгар Раянди пишет, что женское имя Kert восходит к Margarethe (от имени Gertrud образуется эстонский вариант Kert(t)u), а мужское имя Kert ~ Keert, Kärt – от Gerhard) [Rajandi 1966: 97]. Gerhard с многочисленными вариантами, в том числе и Gerd, Gert, в средневековье было распространённым именем у немцев [Seibicke 1998: 146–147], а также у шведов [SMP 1984: 157–158]. Бытуя у немцев в качестве дворянского имени, а также будучи поддержанным именем святого Герхарда из Кёльна, мужское имя Gerhard и его краткие формы, в том числе Gert(h), стали и фамилией [Kohlheim 2000: 269–270]. Не исключена, таким образом, возможность, что фамилия Керт восходит к мужскому личному имени. Употребление женского имени в фамилии не совсем обычно.

Однако есть и другая возможность для объяснения истоков фамилии. Юлиус Мягисте, приводя те же имена, что упомянуты в словаре Видеманна, но из других, в том числе архивных источников, прибавляет, что слово kärt имеет значение ‘горностай’ [Mägiste 1929: 14–15]. Слово kärt фонетически близко к слову kärp ‘горностай’ Mustela ereminae. Краткий диалектный словарь эстонского языка [Väike murdesõnastik 1982: 364] отмечает в качестве ареала распространения слова kärt ‘горностай’ побережье прихода Ййзаку, приходы Ййхви, Кулламаа, Тыстамаа, Пярну, Вяндра, Урвасте и Рыуге (см. карту). По словам эстонского диалектолога Эви Юхкам в приходе Харью-Мадизе известно название горы Kärtumägi, в котором, очевидно, скрывается то же слово (устные данные Эви Юхкам). Так как ареал распространения слова довольно обширен, нет ничего необычного и в закреплении лексемы в значении ‘горностай’ в фамилии Kärt. Ведь употребление названий животных в эстонских фамилиях широко распространено. По данным диалектной картотеки Института эстонского языка слово kärt обозначает также старую и злую женщину. Смешались ли здесь женское имя Kärt и название маленького и кровожадного зверя?

Мужскому имени Käärt [ЕКМС 1: 266] также соответствует апеллятив. Упомянутое уже в словаре Гезекена слово keert или käärt обозначало прежде ‘взыскиваемый с крестьянского населения в пользу почтовых станций конный фураж’ [ЕКМС 2: 681]. В словаре Видеманна рядом со словами kēft (*ген.* kēfdi) или kääft с значением ‘Fourage, Pferdefutter’ приведено и keft, kēfdi в сочетании kunińga-keft [Wiedemann 1973: 274, 266]. И это значение может быть источником фамилии. Чередование

е ~ ä, свойственное эстонским диалектам, не всегда учитывалось записавшим фамилии. Происходят ли фамилии с коротким гласным от слова со значением ‘горноста́й’, а фамилии с долгим гласным от лексемы, обозначающей фураж? В русском употреблении фамилии могли стать одинаковыми.

Слово *kõrt* как апеллятив не известно, и этот факт должен рассматриваться как доказательство в пользу *Kõrt*-фамилий. Тем не менее, фамилия *Kõrt* была известна и во времена эстификации, известна она и сегодня. Слово *kõrt* имеет в эстонском два главных значения, при этом оба не характерны для фамилии. Во-первых, *kõrt* (также *kõrtsik*) – это часть одежды – полотенце, обматываемое вокруг бёдер у женщин [EKMS 3: 683], а также развившаяся в дальнейшем семантика ‘юбка’ [EKMS 3: 754]. На территории Южного Тартумаа и Вырумаа слово *kõrt* обозначало и складку ткани [EKMS 4: 57]. Другое значение слова *kõrt* зафиксировано в Северной Эстонии – мучная похлёбка [EKMS 2: 466], корм для скота [EKMS 2: 682].

Людей с вышеупоминаемыми фамилиями и сейчас в Эстонии довольно много. По базе данных KeeleWeb осенью 1995 года в Эстонии проживало 92 человека с фамилией *Kert*, 124 с фамилией *Kärt* и 56 с фамилией *Kõrt*. Нашлись и носители фамилии *Kõrt* – 4 человека. Кроме того, зафиксированы варианты с долгим гласным: *Käärt* – 82 человека, *Keert* – 43 человека, *Koert* – 17 человек, *Kaert* – 16 человек, а также довольно странные фамилии *Kaärt* и *Käert* – обе по одному разу. *Kärt* и *Kert* – это также популярные личные имена. 541 человек (очевидно, женщины) носили имя *Kärt* и 445 человек (видимо, мужское имя) – *Kert*. Три человека имели имя *Käärt*.

Из всего вышесказанного следует, что у Георгия Мартыновича большой выбор в поиске родственников в Эстонии. Круг фамилий можно ограничить, если принять во внимание родословное древо юбиляра. Надеемся, эта работа будет сделана к следующему юбилею.

ЛИТЕРАТУРА

- Eestlasele Eesti nimi. Akadeemilise Emakeele Seltsi Toimetised II. Tartu 1921.
EKMS – Saareste A. Eesti keele mõisteline sõnaraamat I–IV. Stockholm. 1958–1969. Raag J. A. Saareste Eesti keele mõistelise sõnaraamatu indeks Uppsala 1979.
Familiennamen – Familiennamen. Herkunft und Bedeutung. Bearbeitet von Rosa und Volker Kohlheim. Mannheim, 2000.
Henno 1999 – Henno K. Perekonnanime panekust Liivimaal // Emakeele Seltsi Aastaraamat 43. 1999.
Henno 2000 – Henno K. Jaani kihelkonna priinimed. Tallinn, 2000.
Henno 2000 – Henno K. Emakeele Seltsi nime eestistamise käivitajana // Keel ja Kirjandus, № 2. 2000.
Kivimäe 1981 – Kivimäe S. Eesti talurahva ümberasumine 20. sajandi algul // Eesti ajaloo probleeme. Tallinn, 1981.

- Must 2000 – Must A. Eestlaste perekonnaloо allikad. Teine, parandatud ja täiendatud trükk. Tartu, 2000.
- Mägiste 1929 – Mägiste J. Eestipäraseid isikunimesid. Akadeemilise Emakeele Seltsi Toimetused XVII. Tartu, 1929.
- Rajandi – Tarand 1966a – Rajandi E. Tarand H. Perekonnanimedest ja nende uurimise Ülesannetest // Keel ja Kirjandus, № 4. 1966.
- Rajandi – Tarand 1966b – Rajandi E. Tarand H Meie perekonnanimede liigitamisest ja Seletamisest // Keel ja Kirjandus, № 7. 1966.
- Seibicke 1998 – Seibicke W. Historisches Deutsches Vornamebuch. Band 2. Berlin–New-York, 1998.
- SMP – Sveriges Medeltida Personnamn. Utgivna av Arkivet för ordbok över Sveriges medeltida personnamn. Förnamn. Band 2. 1984.
- Tiik 1982 – Tiik L. Perekonnanimede panekust Eestimaa talurahvale 1835. Aastal // Keel ja Kirjandus, № 2. 1982.
- Vassar 1975 – Vassar A. Uut maad otsimas. Agraarne ümberasumisliikumine Eestis kuni 1863. aastani. Tallinn, 1975.
- Väike murdesõnastik I. Toimetanud Valdek Pall. Tallinn, 1982.
- Wiedemann 1973 – Wiedemann F. Johann Eesti-saksa sõnaraamat. Neljas, muutmata trükk teisest, Jakob Hurda redigeeritud väljaandest. Tallinn, 1973.

И С Т О Ч Н И К И

KeeleWeb – ee.www.ee 20.05.2002

Must – Must, A. Onomastika NET. Programmeerinud ja kujundanud Mihkel Kraav. Tartu. 2000. www.history.ee/ono/ 29.04.2002

A. B. Суперанская

Москва

ТИТАНИЧЕСКАЯ РАБОТА ПОКОЛЕНИЙ

После принятия христианства население Древней Руси познакомилось с принципиально новым для них типом имен – церковными. Это были имена святых – **агионимы**. Но, поскольку церковь рекомендовала называть детей именно этими именами, агионимы постепенно превратились в антропонимы. Агионимы представляли собой застывшую систему, не подлежащую каким-либо изменениям¹. Поскольку имена эти первоначально употреблялись в византийском греческом языке, а потом через посредство южных славян были принесены в Россию, естественно, что и написание и произношение

¹ Значительные изменения написания и произношения церковных имен были проведены в XVII в. самой церковью, стремившейся приблизить формы русских имен к новогреческому языку, далеко ушедшему к тому времени от византийского. В ряде районов страны, и, в частности, в Карелии, христианизация которой проходила в XII в., исправленные формы имен не утвердились.

этих имен не вполне соответствовали произносительным навыкам русского населения, и оно стало переделывать эти имена на свой лад. Но Русь с первых веков своего существования была многонациональной и многоязычной страной. Христианизация в разное время подверглись многие народы, входившие в состав русского государства. И в их языках церковные имена претерпели ряд изменений, приспособиваясь к местному произношению.

До того каждый народ, живший на территории Древней Руси, звался своими национальными именами, хорошо приспособленными к функционированию в их языках, поскольку они восходили преимущественно к словам своих языков.

Ниже будут показаны преобразования, произошедшие с церковными именами в русском языке. Аналогичное исследование может быть проведено на материале других языков народов России.

Древнерусские имена составляли стройную систему, организованную структурно и семантически. Семантический принцип проявлялся в подборе имен: в каждом семействе они соотносились с определенными реалиями. Например, в семействе Тыртовых давались «звуковые» имена: *Шум, Зук, Гам*, в семействе Травиных – имена, образованные от названий разных трав: *Осока, Вязель, Дятелина, Отава, Пырей*. Структурный принцип способствовал установлению родственных связей. Нередко дети получали имя отца с определенными суффиксами, вследствие чего уменьшительные формы имен обозначали младших членов семьи, ср. *Юрий Григорьевич Волк Каменский* (XV в.), его сын – *Иван Юрьевич Волков сын Слепой Волченек Каменский*. Как видно из этих примеров, несмотря на наличие христианских имен, люди продолжали зваться и более привычными древнерусскими. Ср. также: *Тур – Турик – Турко; Боб – Бобок – Бобоша; Огур – Огурко – Огурец; Мороз – Морозец – Морозенок – Морозко; Корова – Коровка* (мужские имена); *Бык – Бычек – Бычко*. При отсутствии письменных документов такая организация имен помогала идентификации личности.

В XIV в. лицам, занимавшим видное положение, не рекомендовалось зваться «языческими» именами. Простой народ удерживал их до XVII в., а в некоторых семьях к ним обращались и в начале XVIII в. Интересно, что в сохранившихся записях отчества обычно бывают образованы от церковных имен, а имена – древнерусские: *Кочень Давидов, Короб Леонтьевич Проестев, Добыча Иванович Алымов*.

Возможно, в этом отразился пассивный протест населения против новшеств, официально проводившихся церковью после Никоновского исправления книг церковных, что привело к резкому увеличению числа имен, включавшихся в церковные календари, и к изменению их форм.

Состав церковных имен в X–XI вв. был невелик – 80–100 имен. К XIII в. число их дошло до 300 вследствие постепенного переписывания церковных книг, содержащих новые имена. Современные церковные календари греков, сербов, болгар, македонцев, т. е. народов, исповедующих православие и в свое время сыгравших важную роль в развитии русской

церковной жизни, содержит около 400 имен святых. Эти же имена служат основным ядром русских агионимов. Но после XVII в. число русских церковных имен резко возросло, и современные церковные календари включают свыше тысячи имен, причем состав их колеблется, достигая иной раз 1200 и даже 1300. Ничего подобного не произошло ни в Греции, ни в Болгарии, Македонии, Сербии или Румынии.

Увеличение имен в русском церковном обиходе произошло по нескольким причинам:

1. Знакомство с латинской Библией, русский перевод которой был впервые осуществлен в середине XVI в. Несмотря на непримиримый антагонизм православных и католиков, представители обеих конфессий непрерывно следили за тем, что делается друг у друга. Так, в середине XVI в. на Западе был расцвет Реформации, именуемой на Руси «луторской ересью». Естественно, русское духовенство боролось за укрепление своей церкви, славу которой составляют святые. В середине XVI в. была проведена канонизация новых чудотворцев, не давшая однако увеличения состава церковных имен, потому что все они звались традиционными именами (агионимами).

Но вот знакомство с латинской Библией способствовало увеличению числа имен, включавшихся в церковные книги, потому что многие непонятные слова из латинского текста были восприняты переводчиками как личные имена. Так в российский именовослов вошли имена *Философ*, *Филолог*, *Секутор*, *Сенатор*, *Патермуфий*, *Фрукт*, *Фрукта*. Если подобное имя получал монах, оно укреплялось в церковном обиходе и могло перейти в календари последующих лет. Неопровержимым доказательством того, что такие имена давались мирским людям, служат современные русские фамилии: *Секуторов*, *Сенаторов*, *Философов* и *Филозофов*, *Фруктов* и *Фруктин*, *Патермуфиев* и *Термуфиев*. Значит, такие и подобные имена, несмотря на свою необычность, все же вышли за монастырские стены и давались детям при крещении.

2. Увеличение числа церковных имен произошло вследствие возможности образовывать парные, мужские и женские, имена. В большинстве церковных источников мужские имена стоят в форме родительного падежа, что часто совпадает с именительным падежом женских имен. Если не вчитываться с пристрастием, порой бывает очень трудно определить, мужское это имя или женское. Так в разных частях страны постепенно накопилось около 150 подобных имен: *Антонин* и *Антонина*, *Ипатий* и *Ипатия*, *Август* и *Августа*, *Каллист* и *Каллиста* и т. д. При пересмотрах состава имен церковными деятелями часть таких имен исключалась из календарей, но они уже были пущены в жизнь и частично вошли в русский язык.

3. Новые имена могли образоваться вследствие неверного прочтения их в оригинале, с которого списывалась книга или вследствие ошибки переписчика. Например, имя *Иадор* получилось из имени *Исидор*, в котором

буквы **с** и десятеричное **і** были прочитаны как одна буква **а**. Мужское имя *Мавсима* образовалось из родительного падежа имени *Максим*: *Максима*, в котором букву **к** приняли за **в** – они писались очень похоже. Имя *Ия* (вариант *Иа*) произошло из имени *Евдокия*, когда последние две буквы были перенесены на другую строку (знаки переноса тогда не использовались).

4. Латинские имена в XVII в. могли заимствоваться через посредство новогреческого языка с изменением **о** на **у**, **е** на **і**, **т** на **Ѡ**. В результате некоторые имена расщепились на 2–3 варианта: *Аммон* – *Аммун*, *Сотер* – *Сотир* – *Сатир*.

5. Много вариантов, иногда принимаемых за отдельные самостоятельные имена, дала буква «жица», получившаяся из греческого **у**. В X–XI вв. она озвучивалась в русском языке как **у**, а в XVII–XVIII вв. – как **и**. Например, имя *Сухий* произошло из имени *Исухий*, современное *Исихий*.

6. При позднейших заимствованиях от южных славян в русский именослов попали имена сокращенные, которые в своей полной форме уже были в русских календарях: *Дима* – *Димитрий*, *Вата* – *Иван*, *Верк* – болгарское производное от *Вера*, а сербское – от *Оливер*.

Первоначальный массив церковных имен был заимствован из Византии в ослабленном виде, что облегчало вхождение этих имен в русский язык. Имена, появившиеся после XVI в., были для русского языка абсолютно внесистемны. Можно усмотреть некоторую аналогию между ними и многочисленными товарными знаками, нахлынувшими на нас в 90-е гг. XX в. Но последние накладываются на русский язык, насыщенный иностранными словами и привыкший к обращению с ними, в то время как личные имена, пришедшие в русский язык после XVI в., ложились на фон, не приспособленный к латинизмам и иным иностранным словам.

Интересно и следующее: несмотря на то, что семантика древнерусских имен была прозрачной, имена эти были своими и ни у кого возражений не вызывали. Но созвучные с русскими словами церковные имена все равно выглядели чужими, ср. *Улита* – улитка, *Лупп* – лупить, *Макрина* – мокрая. Возможно, они звучали для русского уха наподобие некоторых товарных знаков, составленных из русских основ, но по чужим моделям, ср. капли «*Для нос*», суп из пакетика – «*Быстросуп*».

Не исключено, что столь длительное обращение к древнерусским именам было как раз вызвано неприятием многих подобных имен, а также древнерусской традицией давать новорожденным имена их дедушек и бабушек.

На протяжении всего периода существования на Руси церковных имен проходил процесс их адаптации к русским именным моделям. Абсолютная адаптация достигалась тогда, когда имя уподоблялось русскому слову, т. е. становилось похожим на древнерусское: *Локтик* (Галактион), *Леско* (Алексей или Елисей), *Серп* (Серапион), *Охромей* (Варфоломей), *Солома* (Соломон или Соломония).

А. А. Реформатский отмечал, что «русские личные имена «многолики» (но отнюдь не многозначны!), т. е. одного и того же человека можно называть по-разному в зависимости от ситуации речи и от взаимоотношений говорящих» [Реформатский 1964: 25–26]. При этом нет однозначного соответствия отдельных форм имен с типовыми речевыми ситуациями. Так, в речи городских жителей формы типа *Ванька*, *Манька* могут быть просто фамильярными и могут содержать элемент презрения. У сельских жителей ряда районов это обычные нейтральные формы. В некоторых местах формами типа *Макарушка*, *Настасьюшка*, зовут старых больных людей. К этим формам подключается элемент жалости и сочувствия. Городские школьники, употребляя подобные формы по отношению к своим учителям, подразумевают издевательство.

Производные от некоторых церковных имен попали в русло производных от древнерусских имен. Например, производные от имени *Петр* попали в ряд производных от имени *Пятый/Пятой*: *Пятуня*, *Пятак*, *Пятка*, иные – в ряд производных от *Петух*: *Петушок*, *Петюшок*. Некоторые производные от имени *Семен* попали в ряд производных от *Седьмой/Семой*: *Семак*, *Семьш*.

В результате этой титанической работы поколений многие церковные имена получили в русской разговорной речи по сто и более вариантов, которые легко обнаруживаются в современных русских фамилиях. Так, например, производные от имени *Павел* дали фамилии *Павлов*, *Пашин*, *Павшин*, *Павликов*, *Павлищев*, *Пахолков*, *Паханов*, *Пахунов* и др. Длительное употребление христианских имен в устной речи изменило многие из них до неузнаваемости. То же самое происходило с другими словами, заимствованными устным путем в процессе их адаптации к системе русского языка.

Известный филолог XIX в. В. В. Григорьев в 1850 г. писал: «Всех соседей своих окрестили мы именами своего изобретения, или, если усвоили их собственные, то не иначе как переделавши на свой лад. Народы финского племени прозвались у нас *чудью*, народы германские – *немцами*, народы итальянские – *волохами*; узнав о существовании норманов, англо-франков, переделали мы их в *урмян* или *мурманов*, в *аглян*, в *фрягов*, ...варангов – в *варягов*, бечнаков – в *печенегов*... Таким же образом, по мере того, как знакомилась с ними по слуху или лично, поступали мы и с названиями чужеземных стран, городов, рек, гор и других географических предметов: Таматарху переименовали *Тмутараканью*, Херсонес – *Корсунью*, горы Карпатские прозвались у нас *Угорскими*, Каспийское море – *Хвальнским* и т. п... По другому отделу иноземной номенклатуры также лингвистическая самостоятельность народа русского проявлялась, в то же время и столь же оригинально в претворении личных собственных имен, заимствованных с христианством... Юлианы в *Ульяну*, Февронии в *Хавронью*, Иосифа в *Осипа*. Как посмотрим мы с точки зрения нынешней нашей образованности на эту работу предков, куда дикой, нелепой и бестолковой кажется нам она... А между тем не так

оно... Вглядимся внимательно в эту работу их и увидим, что она вовсе не топорная; напротив, в некоторых случаях – даже художественная, и всегда систематическая» [Григорьев 1850: 190–194].

Церковь неоднократно пересматривала состав календарных имен. В результате многие имена исключались из списков. Но, будучи пущены в народ, они продолжали жить в устной речи и обнаруживаются в современных русских фамилиях. Например, фамилии *Пысин* и *Пызин* восходят к исключенному из календарей имени **Писсей** (я называю такие имена старыми календарными, поскольку их нет в современных церковных календарях). Фамилия *Пелевин* образована от сокращенной формы двух похожих старых календарных имен *Пилевс* и *Пелевсий*. В отдаленных частях страны, куда реформированные книги доходили не сразу, такими именами продолжали крестить и от них образовывались новые разговорные формы, от которых затем производились фамилии.

Во всех преобразованиях церковных имен в русском языке огромную роль сыграла отработанная веками система древнерусских имен, исключенных искусственным образом из официальной сферы, но не из языка (!). Она продолжала предлагать свои модели для преобразования календарных имен, она сохранилась в фамилиях и в прозвищах. Например, суффикс:

-иха – по модели Заяц – *Зайчиха*, Тур – *Туриха* до сих пор остается живым и очень активным при именовании женщин по именам, фамилиям или прозвищам их мужей: *Мишиха* (муж Миша), *Иваниха* (муж Иван), *Семениха* (муж Семенов);

-ец – по модели брат – *братец*, Мизин – *Мизинец*, Зуб – *Зубец* формировал активные в прошлом именовании детей по имени отца: Иван – *Иванец*, Петр – *Петрец*, Федор – *Федорец*;

-ко – по модели Тур – *Турко*, Кот – *Котко* – образует именовании детей по имени отца, ср. от календарных имен: Иван – *Иванко*, Андрей – *Андрейко*;

-ок – по модели Кус – *Кусок*, Гусь – *Гусек* дает уменьшительные формы, использовавшиеся при именовании детей, ср. Иван – *Иванок*, Вася – *Васек*;

-енок – по модели Гусь – *Гусенок*, Кот – *Котенок* использовался при именовании внуков или самых младших сыновей, ср. Иван – *Иваненок*, Фрол – *Фроленок*;

-ка – по модели Слеза – *Слезка*, Корела – *Корелка*, Корова – *Коровка* образует уменьшительные формы, ср. Сава – *Савка*, Никита – *Никитка*;

-иня – по модели князь – *княгиня* образует женские формы не только от мужских, но и от женских имен: Бог(дан) – *Богиня*, Паша (Прасковья) – *Пашиня*, Ага (Агния) – *Агния*;

-ица – по модели царь – *царица*, дьякон – *дьяконица* чаще образует женские производные от женских же имен: Марья – *Марьица*, Ксения – *Ксеньица*, Фетинья – *Фетиньица*. Но встречаются и именовании жен, образованные от имен мужей: Ананий/Онаний – *Онанийца*, Михаил/Михайло – *Михайлица*;

-ишка – по модели трус – *трусишка*, сила – *силишка*, царь – *царишка* в прошлом образовывал имена дочерей и внучек: Вера – *Веришка*, Марина – *Маришка*, а также и сыновей: Акинф (Иакинф) – *Акишка*, Никита – *Никишка*. К настоящему времени подобные формы утратили это значение и употребляются как субъективно оценочные с оттенком пренебрежения, превосходства именуемого над именуемым.

Все такие и подобные ряды, заданные апеллятивами или древнерусскими именами, постепенно пополнялись производными от церковных имен. В результате в настоящее время эти производные образуют стройную словообразовательную систему. При этом, как указывает Н. В. Бирилло [Бирилло 1982: 43–47], производные от одних и тех же имен могут формироваться от разных основ – от полных, усеченных, сокращенных вплоть до одной фонемы. Так, от имени Василий находим следующие словообразовательные ряды: от полной основы: *Василь, Василько, Василек, Василенок, Василек, Васильчик, Василиюха, Василиюша, Василья*. От усеченной основы: Вась, Васько, Васек, Васенок, Васик, Васчик, Васюха, Васюша, Вася. От начального *Ва-* образуется форма *Вака*.

От полной основы имени Яков образуются формы: *Якова, Яковец, Яковиша, Яковка, Яковок, Яковуша, Яковушка, Яковушко*.

От основы *Як-* образуются формы *Яка, Якон, Яконя, Якул, Якуля, Якун, Якунец, Якунечка, Якунчик, Якунька, Якунько, Якуня, Якусик, Якуся, Якуха, Якуша, Якушка*.

От основы *Я-* образуются формы: *Ясек, Ясик, Ясь, Яська, Ясюня, Яся, Яха, Яхей, Яхно, Яца, Яцо, Яча, Ячек, Ячко, Ячо, Ячок, Яша, Яшага, Яшата, Яшай, Яшан, Яшаня, Яшатка, Яшенок, Яшененок, Яшенька, Яшеня, Яшечка, Яшик, Яшиня, Яшка, Яшник, Яшня, Яшок, Яшоня, Яшук, Яшуничка, Яшунька, Яшуня, Яшуничик, Яшута, Яшутка, Яша*. Каждая подобная основа, обретая свои права гражданства, привлекает к себе значительный набор суффиксов, способных с ней сочетаться. Часто с одними и теми же суффиксами образуются производные от полной и сокращенной основы того же имени: *Яков-уша* и *Як-уша, Яков-ушка* и *Як-ушка*. Сокращенные основы разных имен могут совпадать, например, основы имен *Ксения* и *Аксентий* совпадают в формах *Аксень/Ксень, Акс*. Таким образом, формы *Аксенька, Аксюта, Аксюточка, Аксюша, Акся, Ксена, Ксенка, Ксеночка, Ксенушка, Ксенька, Ксения* оказываются производными как от мужского *Авксентий*, так и от женского *Ксения*.

В результате неоднократных усечений и наращений некоторые народные формы церковных имен так далеко отошли от изначальных образцов, что их трудно идентифицировать без специального исследования. Так, имена *Шура* и *Нюра* состоят из одних только суффиксов: *Александр(а) – Алексаша – Саша – Сашура – Шура; Анна – Анюра – Нюра*. Имя *Герасим* в результате расширения первого гласного получило параллельный ряд производных, начинающихся на *Га-*: *Герасим*,

Гараска, Гарася, а в результате замены начального Г через «йот» – еще один параллельный ряд: *Ерасим, Ерася, Ераська* и т. д.

Анализ современных фамилий обнаруживает словообразовательные ряды их основ, образованных, по всей вероятности, из какого-то календарного имени с суффиксами, типичными для антропонимического производных, но идентификация которых весьма проблематична, например, *Дух, Духан, Духаня, Духно; Душ, Душак, Душан, Душаня, Душара; Лих, Лихан, Лиханя, Лихарь, Лихоня, Лихота, Лихуша, Лихушка; Лиша, Лишак, Лишка, Лишень, Лишуня, Лишута; Масал, Масалец, Масалита, Масалка, Масальга, Масалья; Мур, Мурай, Муран, Мурах, Мурач, Мураш, Мурей, Мурий, Мурушка; Парук, Парун, Парунец, Парунька, Парунья, Паруня, Паруха, Паруша, Парушка; Сита, Ситей, Ситенок, Ситей, Ситик, Ситка, Сито, Ситоня, Ситко, Ситько, Ситюк, Ситяй.*

Поскольку Русь с первых дней своего существования формировалась как многонациональное государство и многие вошедшие в нее народы были достаточно рано христианизированы при сохранении своих национальных языков, не исключено, что в приведенных выше примерах отразились результаты адаптации церковных имен не к русскому, а к какому-то другому языку. При постоянном живом двуязычии эти формы оказались втянутыми в состав фамилий современного русского (русскоязычного) населения. Указанные формы не могут быть апеллятивами. Даже в случае совпадения одной из подобных форм (*Сито, Дух, Лих, Мураш*) с апеллятивами, они не могут быть изъяты из тех антропонимических рядов, в которых они функционируют.

Когда народные формы церковных имен отделились от книжных форм так далеко, что их с трудом можно идентифицировать, казалось бы титаническую работу поколений можно считать завершенной. Однако XX век принес новый этап работы – образование прозвищ из фамилий. При этом, если при образовании фамилий от официальных паспортных или от народных разговорных форм имен морфологические нормы четко соблюдались, то современные прозвища образуются от фамилий вопреки всяким нормам, по малейшему созвучию или по прихоти именуемого. Так, если от фамилии Васильев (Васильева) в качестве прозвищ восстанавливаются некоторые разговорные формы этого имени (*Вася, Васька, Василек*), то Булышов превращается в *Бублик*, Шмыкова – в *Бычок* (через Шмык – Бык), Кораблина – в *Блин*, Аксенов – в *Ксенон*, Шакирова – в *Шоколад*. Это своего рода декомпозиция именных моделей. Она пока что не наносит серьезного урона антропонимической системе в целом, поскольку многие подобные прозвища недолговечны. Они возникают в молодежной среде (школьники, студенты) и в большинстве своем не сохраняются, когда окончившие учебное заведение люди разъезжаются в разные стороны. Но, тем не менее, это свидетельствует о том, что люди продолжают интересоваться своими именами и фамилиями и что антропонимические процессы относятся к вечно живым языковым явлениям.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирилло 1982 – Бирилло Н. В. (Бірыла М. В.) Беларуская антрапанімя. 3. Структура уласных мужчынскіх імен. Мінск, 1982.
- Григорьев 1850 – Григорьев В. В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов // Географические известия. № 2. СПб., 1850.
- Реформатский 1964 – Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М., 1964.

А. К. Матвеев
Екатеринбург

ОСНОВА ЧЁЛМ- И ЕЕ КОРРЕЛЯТЫ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Основа *чёлм-* ‘пролив’ давно выявлена в субстратной топонимии Русского Севера (РС) и интерпретирована как саамская [Vasmer 1936: 190, 198, 202, 205, 207, 210, 212, 214]. Это основано, во-первых, на точных соответствиях в саамских диалектах, ср. саам. норв. *čoaľ'bme*, Инари *čoaľmi*, Патсойки *tšoaľm^e*, Кильдин *tšuaľm^e*, Йоканьга *tšiaľm^e* ‘пролив’ [SKES: 956], и употреблении слова в современной саамской топонимии Кольского полуострова [KKLS: 1027], во-вторых, на распространении в говорах РС апеллятива *чёлма* ‘пролив’, заимствованного из саамского языка [Kalima 1919: 213; Itkonen 1932: 60; Фасмер 1996: 371]¹, в-третьих, на свидетельствах физической географии: гидронимы с основой *чёлм-* обозначают реки, впадающие в проливы или имеющие разветвленные устья, острова, протоки, а лимнонимы прилагаются к озёрам с плёсами, соединенными проливом. Нерешенным является, однако, вопрос о том, как соотносятся названия с этой основой и коррелятивные с ними топонимы с основами *салм-*, *солм-*, *сельм-*, также зафиксированные на территории РС.

Для решения этого вопроса важны результаты картографирования географических названий и апеллятивов, а также сопоставление названий с коррелятивными основами в аспекте исторической фонетики финно-угорских языков.

Топонимы с основой *чёлм-* выявлены на северо-западе РС между Карелией и Сев. Двиной, а также на территории Белозерского края (см. карту).

---

¹ В словаре русского олонецкого наречия Г. Куликовского слово *чёлма* толкуется как ‘мокрое болото, поросшее травой’ и ‘залив’ [Куликовский 1898: 132, 133]. Я. Калима, Т. Итконен и М. Фасмер основывались на материалах Куликовского, сопоставляя их с данными саамского языка. Однако многолетние сборы Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ) показали, что широко распространенный на РС апеллятив *чёлма* употребляется прежде всего в значении ‘пролив’.

Зафиксированы они и на территории Карелии и на северо-востоке Ленинградской области [Ruoppila 1943: 88–89; Керт 1960: 91; Муллонен 1988: 80–81]. Вся эта обширная зона входит в ареал былого расселения саамов, которые в прошлом освоили и значительную часть РС, как об этом свидетельствуют результаты изучения субстратной топонимии [Матвеев 2001: 306–308, карты 6, 7]. Заметим, однако, что наименования с основой *чёлм-* отсутствуют на правобережье Сев. Двины (кроме *Чёлмохта*), хотя саамская топонимия здесь также представлена достаточно хорошо [Матвеев 2001, карты 6, 7]. В настоящее время трудно сказать, с чем это связано, хотя напрашивается предположение о диалектных различиях в лексике двинских саамов. Во всяком случае это явление не может рассматриваться как лакуна, возникшая в результате упущений собирателей, поскольку и ареал многократно засвидетельствованного ТЭ апеллятива *чёлма* ‘пролив’ в основном совпадает с зоной распространения топонимов с основой *чёлм-*, охватывая Каргопольский, Коношский, Няндомский, Плесецкий районы Архангельской области и Белозерский, Вожегодский, Вытегорский, Кирилловский районы Вологодской области (см. карту). Топонимический ареал несколько шире апеллятивного, что, как хорошо известно, объясняется утратой апеллятива при сохранении производных от него топонимов. В то же время примечательно, что апеллятивный ареал также не распространяется на правобережье Сев. Двины. И это со своей стороны свидетельствует о специфике лексики саамов двинского правобережья. Но надо иметь в виду, что широкое распространение апеллятива *чёлма* и основы *чёлм-* в западной части РС явно указывает на прямые контакты местных саамов с пришлым русским населением, тогда как на северо-востоке, за Сев. Двиной, где озер значительно меньше, могла возникнуть иная ситуация: русские непосредственно контактировали с прибалтийскими финнами, а относительно редкая здесь субстратная основа *чёлм-* не сохранилась. Однако это менее вероятно.

Основа *чёлм-* фонетически очень близка к соответствующей лексеме саамских диалектов Норвегии, Финляндии и Мурманской области, поэтому нет возможности более точно соотнести ее с каким-либо определенным саамским источником. Это же относится и к заимствованному апеллятиву *чёлма*. На территории РС основа *чёлм-* и апеллятив *чёлма* также фонетически не варьируют.

Названия с основой *чёлм-* коррелятивны с двумя лимнонимами *Салмозеро* на крайнем северо-западе РС близ границы с Карелией (см. карту). Основа этих озерных названий бесспорно связана с прибалтийско-финскими источниками [Vasmer 1934: 405], ср. фин. *salmi*, кар.-ливв. *šalmi*, *salmi*, люд. *sal'm*, *sal'm*, *sal'mi*, вепс. *sal'm*, *såum*, *soum*, эст. *salm* ‘пролив’ [SKES: 956]. Прибалтийско-финское слово сохранилось также в названии луга *Салма* в Онежском районе и пролива *Салма* в Каргопольском районе Архангельской области. В наименовании *Муксалма* (Соловецкие острова) этот термин выступает в функции детерминанта. Все эти

факты тоже относятся к крайнему западу Архангельской области, граничащему с Карелией.

Топонимы со словом *salmi* и т. п. в качестве основы и детерминанта широко распространены в Финляндии и Карелии [см., например, Мамонтова-Муллеронен 1991: 84–85].

Учитывая географию основы *salm-* на РС, а также ее звуковой облик, наиболее вероятным источником субстратных топонимов с этой основой следует считать диалект северных карел, что подтверждает и распространение в русских говорах Онежского и Приморского районов Архангельской области апеллятива *салма* ‘пролив’ (ТЭ), заимствованного из того же источника [ср. Kalima 1919: 213]. Вероятно, как топонимы с основой *salm-*, так апеллятив *салма* восходят к языку прибалтийско-финского населения, которое относительно поздно осваивало крайне западные районы РС, смежные с Карелией. Наличие в этих местах саамских топонимов с основой *чёлм-* позволяет допустить, что прибалтийские финны сменили здесь более древнее саамское население.

Труднее для интерпретации распространенные в Белозерье названия *Солмас*, которые прилагаются к небольшим речкам, озерам и т. п. как в непосредственной близости от Белого озера, так и на некотором удалении от него (см. карту). Хотя соответствующий апеллятив в белозерских говорах не выявлен, в одном документе XVI в., относящемся к этой территории, засвидетельствован контекст, указывающий на его употребление в прошлом: «А межа Ярбозерским пашням с Заболотским *солмас* Качемьярской» [АС, № 204, 1557 г., стлб. 425].² В Белозерье выявлено 8 названий *Солмас*, которые представляют собой топонимизированные географические термины, утратившие свойства апеллятивов, чему способствовало забвение соответствующего нарицательного слова в диалекте.

Название *Солмас* сопоставил с фин. *salmi* ‘пролив’ и другими прибалтийско-финскими данными А. И. Попов [Попов 1948: 174], который видел в нем древневепский реликт. Действительно вепские формы *sáut*, *sout* фонетически близки к топониму *Солмас*. Общеизвестны и исторические сведения о пребывании древней Веси в округе Белого озера. Вопрос, тем не менее, нельзя считать окончательно решенным. Основная трудность создается, однако, не специфическим формантом (ср. *Солмас* и фин. *salmi*), поскольку в субстратной топонимии нередко отражаются словообразовательные особенности древних апеллятивов [ср. Муллеронен 1994: 19].³ Прежде всего озадачивает вокализм первого слога и в свете приведенных выше вепских данных и, если избрать другой путь, при

² Курсив наш. *Качемьяр – лимноним, в котором *-яр* является детерминантом со значением ‘озеро’.

³ Вопрос о происхождении конечного *-с(-ас)*, как и других формантов, которые встречаются в обсуждаемых топонимах, в статье не рассматривается, поскольку требует специального изучения и далеко выходит за рамки исследования конкретной топонимической основы.

восстановлении раннеприбалтийско-финской (праприбалтийско-финско-саамской) формы *solma [Korhonen 1981: 87], откуда при *š > *s закономерно могло произойти **solma(s)*. Если допустить, что в субстратной топонимии сохранилось древневепское слово с формантом *-as* и неизменным *-l(l)* возникает ряд проблем. Во-первых, появление вепских дифтонгов в соответствии с фин. *-al-* и т. п. рассматривается как поздний вторичный процесс [Tunkelo 1946: 433–437; Зайцева 1981: 23, 308], а белозерские названия усваивались русскими начиная с IX–X вв. Уже поэтому невозможно сравнивать *o* в *Солмас* с современными вепскими *såum*, *soum*. Если же восстанавливать форму *Salmas с последующим изменением в *Solmas, учитывая финско-русское соответствие времени ранних контактов фин. *a* ~ рус. *o*, то как объяснить, почему во втором слоге сохранилось *-a(c)*. Это особенно странно на фоне того, что этимологически прозрачные белозерские топонимы прибалтийско-финского происхождения обычно сохраняют звук *a*, ср. *Варбач* (фин. *varpa* ‘прут’, веп. *varb*, *barb* ‘ветка’), *Канзово* (фин. *kansa* ‘народ’, веп. *kanz* ‘семья’), *Маткозеро* (фин. *matka*, веп. *matk* ‘путь’, ‘дорога’), *Рандогач* (кар. *randa*, веп. *rand* ‘берег’) и др. Наконец, если *o* в *Солмас* представляет собой рефлекс древнего *o (ср. выше *solma) в соответствии с прибалтийско-фин. и веп. *a*, то вопрос о возможности вепского происхождения этих названий вообще ставить трудно, поскольку мы имеем дело с довепской формой. Во-вторых, в русских говорах Белозерья для обозначения проливов используется саамское по происхождению слово *чёлма*, а отсюда следует, что русские имели непосредственный контакт с белозерскими саамами, тогда как прямой контакт с носителями термина *solmas проблематичен. В третьих, к югу от Белого озера засвидетельствован гидроним *Солмахта*, а еще южнее, уже в Пошехонье, снова встречается название речки *Солмас*. Название *Солмахта* представляет собой полную аналогию двинскому *Чёлмохта* [Матвеев 2000: 106–109], и, как бы ни объяснять происхождение форманта *-Vхта*, явно тяготеет к многочисленным гидронимам на *-Vхта* в более южной мерянской зоне. Гидроним *Солмас* в Пошехонье также находится на периферии мерянской топонимии.

Так как формант *-Vхта* определенно не является вепским, приходится думать о том, что и названия *Солмас* могут принадлежать какому-то иному финскому этносу, в котором, однако, древнее *š перешло в *s* как и в прибалтийско-финских языках. При этом естественно возникает вопрос, не должна ли речь идти о каком-либо мерянско-подобном наречии, поскольку в последнее время обнаруживается всё больше параллелей между мерянской топонимией Поволжья и мерянскоподобными названиями РС. Вопрос, таким образом, очень сложен, и его решение впереди.

Не менее загадочны гидронимы с основой *сельм-* (в своем большинстве наименования рек *Сельменьга* – 8 названий) на юго-востоке РС в треугольнике между Вагой, Сев. Двиной и Сухоной (см. карту). В этом случае географический термин-апеллятив также не засвидетельствован.

В основном названия обозначают реки, впадающие против пролива или с разветвленным руслом. Зафиксирована также интересная метонимическая калька: в вершине реки *Сельменьга* (приток Кокшеньги) есть ручей *Проливок* и урочище *Пролевки*. Поскольку зона распространения гидронимов с основой *сельм-* вписывается в ареал севернофинских названий с основой *яхр-* ‘озеро’ [Матвеев 2001: 307–308, карты 6, 7] и среди тех и других преобладают гидронимы на *-Вньга*, есть основания считать названия с основой *сельм-* севернофинскими (см. карту). В этом случае инициальный спирант восстанавливается в виде **ś*, т. е. сохраняется древнее финно-угорское состояние, которое представлено в мордовских и пермских языках. Мягкость бокового *л’* могла развиться уже на русской почве в результате часто встречающейся ассимиляции последующему мягкому звуку (в данном случае *м’*), хотя нельзя исключить, что **l’* был мягким и в языке-источнике. Что касается подударного гласного, то интерес представляет коми слово *сён* (*śon*) ‘ложбина’, ‘лощина’, ‘ложбина в долине реки, заливаемая в половодье водой’, которое сопоставляется с фин. *salmi*, саам. *čoalbme* ‘пролив’ с реконструкцией общепермского **s’onn-* или **s’onn-* ‘залив в долине реки’, ‘проток’ и допермского **s’olmз-* [КЭСК: 252]. Небезоговорочно эта версия поддерживается и в других этимологических источниках [Wichmann 1903: 109; UEW: 775]. С учетом раннеприбалтийско-финской реконструкции **śolma* [Korhonen 1981: 87] севернофинскую топонимическую основу следует представлять в виде **śolm-* или **śol’m-*, что позволяет восстанавливать первоначальный вид субстратного названия **Сельменьга* с последующей закономерной переработкой на русской почве в положении между мягкими согласными в результате ассимиляции последующему гласному (**Сельменьга* > *Сельменьга*).

Лингвогеографический и фонетический анализ топонимов с основами *чёлм-*, *салм-*, *солм-* и *сельм-* позволяет сделать следующие выводы.

1. В субстратной топонимии РС отражены различные видоизменения одной и той же финской основы со значением ‘пролив’. Топонимы с этими модификациями (*чёлм-*, *салм-*, *солм-*, *сельм-*) образуют коррелятивные ареалы. Основа *чёлм-* употребительна в саамских названиях, *салм-* в прибалтийско-финских, *солм-* принадлежит языку прибалтийско-финского или мерянского типа, *сельм-* – севернофинскому языку, промежуточному между прибалтийско-финско-саамскими и волжско-финскими языками. Обращает на себя внимание полное отсутствие основы в любой модификации на северо-востоке региона.

2. О пересечении ареалов можно говорить в случаях *чёлм-* ~ *салм-*, когда прибалтийско-финский язык наслои́лся на саамский, и *солм-* ~ *чёлм-*, когда скорее всего ареалы синхронны или саамское наречие наслои́лось на какой-то более древний финский язык. Ареалы *чёлм-* ~ *сельм-* строго коррелятивны, что еще раз подтверждает синхронность существования саамских и севернофинских названий.

3. Прибалтийско-финское инициальное *s* и саамское *š* могут восходить к раннеприбалтийско-финскому спиранту *ś и аффрикате *ś [Korhonen 1981: 128–129]. Для решения вопроса в данном конкретном случае (приб.-фин. *s-* в *salmi* и т. п. ~ саам. *š* в *čoalbmē* и т. п.) свидетельство прибалтийско-финских и саамского языков недостаточно, а сопоставление с пермскими словами считается проблематичным. Однако новые факты, особенно об основах **solm-* < **śolm-* и **šel'm-* < **śol'm-* (**śolm-*) как будто подтверждают реконструкцию М. Корхонена и его предшественников **śolm(a)*. Отсюда следует, что в субстратной топонимии РС сохранились реликты различных финских языков, причем названия с основой *сельм-* отражают наиболее древнее состояние.

ЛИТЕРАТУРА

- АС – Архив П. М. Строева. Т. I // Русская историческая библиотека. Т. XXXII. Петроград, 1915.
- Зайцева 1981 – Зайцева М. И. Грамматика вепского языка. Л., 1981.
- Керт 1960 – Керт Г. М. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // ВЯ. 1960. № 2.
- Куликовский 1898 – Куликовский Г. И. Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Мамонтова, Муллонен 1991 – Мамонтова Н., Муллонен И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Матвеев 2000 – Матвеев А. К. Топонимические этимологии. XII // Этимология 1997–1999. М., 2000.
- Матвеев 2001 – Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург, 2001.
- Муллонен 1988 – Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.
- Муллонен 1994 – Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб., 1994.
- Попов 1948 – Попов А. И. Топонимия Белозерского края // Уч. зап. Ленингр. унта. № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2. Советское финно-угроведение. 1948.
- ТЭ – Картотека Топонимической экспедиции кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета (Екатеринбург).
- Фасмер 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. СПб., 1996.
- Itkonen 1932 – Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. Band XXVII. 1932.
- Kalima 1919 – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu., XLIV. Helsinki, 1919.
- KKLS – Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlappin sanakirja. I-II // LSFU XV. Helsinki, 1958.
- Korhonen 1981 – Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 370. 1981.
- Ruoppila 1943 – Ruoppila V. Ylisen Syvärin suomalaisperäisiä paikannimiä // Virittäjä, 1943.

- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I-VII. Helsinki, 1955–1981.
 Tunkelo 1946 – Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.
 UEW – Rédei. K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Unter Mitarbeit von M. Bákro-Nagy, S. Csúcs, I. Erdélyi, L. Honti, E. Korenchy, K. Sal, E. Vértes. Budapest, 1986–1989.
 Vasmer 1934 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XVIII. Berlin, 1934.
 Vasmer 1936 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XX. Berlin, 1936.
 Wichmann 1903 – Wichmann Y. Etymologisches aus den permischen Sprachen 4–14 // Finnisch-ugrische Forschungen. III, 1–3. 1903.

И. И. Муллонен
 Петрозаводск

КАРЕЛЬСКАЯ ТОПОНИМИЯ ВАЛААМА¹

Топонимия Валаама многослойна. При этом каждый из хронологических пластов отражает определенную страницу в жизни архипелага. В целой серии названий отразился Валаам туристический. Финский гарнизон периода, предшествовавшего второй мировой войне, оставил о себе память в таких названиях как *Vahtisaari* ‘Сторожевой остров’ или *Keittiösaari* ‘Кухонный остров’. Значительно топонимическое наследие Валаама монастырского. Названия десятков островов, заливов, внутренних озер и урочищ связаны с этой страницей в истории архипелага. Память о домонастырской жизни на островах, а также, видимо, о событиях периода разорения монастыря в XVII в. несут на себе многие сохранившиеся или отразившиеся в документах XVIII–XIX вв. географические названия с карельскими истоками. Для анализа использованы источники XVIII–XX вв.², из которых наиболее ценны «Описание карты угодий Валаамского монастыря» 1798 г. [Описание 1798], исследование А. П. Андреева по Ладожскому озеру [Андреев 1875], финские и российские топографические карты XX в. и материалы финляндского топонимического архива.

Выявление карельской топонимии сопряжено с определенными трудностями, связанными с активной русской и финской обработкой названий, изменившей их изначальный облик. С трудом реконструируется, к

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 01-04-49006а/С.

² Автор благодарит за помощь в сборе материала, в идентификации топонимов разных источников и за информацию о ландшафтно-географических и прочих особенностях объектов названия О. А. Ярового.

примеру, карельский оригинал таких названий островов Валаамского архипелага как *Ханжипаец* (< Nanhiraasi) или *Кабак* (см. ниже). Нередко только сохранившиеся в документах XVIII века нерусские формы названий, имеющих сейчас совершенно русский облик, позволяют говорить, что перед нами переводы оригинальных карельских топонимов на русский язык. Современный остров *Ягодный* (или *Никоновский*) в «Описании карты угодий монастыря ... 1798 года» известен как *Марья Саари* (*Marjasaari) ‘Ягодный остров’ (кар. marja ‘ягода’); остров *Федоровский* соответственно как *Ходарин Саари* (*Huodarinsaari), кар. Huodari ‘Федор’; остров *Крюк* – как *Куку сарет* (Koukkusaaret), кар. kuokku ‘крюк’: три небольших прилегающих друг к другу островка напоминали по форме крюк. Иногда объект имеет два названия – русское и прибалтийско-финское, которые на первый взгляд никак не соотносятся друг с другом. Однако более детальный анализ позволяет наметить такую связь. Показательно в этом смысле название острова *Дивный*, одного из самых красивых в Валаамском архипелаге. Дивный остров – это практически неприступная скала. Волны Ладоги разбиваются о крутые скалистые берега. Как возникло это название? Оно в принципе нехарактерно для традиционной народной топонимии. Так что вполне возможно, что перед нами «книжное» монастырское название. Однако не следует упускать из виду, что у острова есть другое название – *Девичий*, которое возникло как перевод карельского *Нейцют* (кар. neicyt ‘девушка, девица’), зафиксированного все в том же описании угодий монастыря от 1798 года. Возникает вопрос: не есть ли *Дивный остров* – результат переосмысления более ранней формы *Дивий остров, которая, в свою очередь, могла появиться в ходе перевода уже упоминавшегося оригинального карельского **Neicyt(soari)* ‘девий (остров)’. Форма притяжательного местоимения *девий* ‘девичий, девический’ была широко распространена в севернорусских говорах [СРНГ]. В соответствии с севернорусскими фонетическими особенностями *девий* преобразовывалось в *дивий*. Именно этот диалектный вариант мог в русле монастырской традиции (ср. рядом остров *Дикий*) переосмыслиться в *Дивный остров*. Видимо, свою роль в таком переосмыслении могли сыграть и природные особенности острова, его суровая северная красота. К этому следует добавить, что *Дивьи* и *Девичьи острова* не столь уж редки в топонимии Карелии. При этом название привязано как правило к небольшим скалистым островкам, с которыми нередко связаны предания о девушке или девушках, бросившихся или сброшенных по какой-то причине со скалы в воды озера [Криничная 1978; Криничная 1991]. Еще важнее, что для валаамского острова *Нейцют* обнаруживаются тезки в карельской топонимии, где неоднократно фиксируются острова (чаще всего скалистые, к которым трудно причалить) с названием *Neicytsoari*. Народная этимология возводит основу к слову neicyt ‘девушка’, однако исходя из характеристики островов логично предполагать, что в названии скрывается семантика ‘девственный,

неприступный, нетронутый’, которая присуща прибалтийско-финской основе. Именно таковы острова с карельским названием *Neicytsoari* и русские *Девичьи острова* (скалистые, труднодоступные, неосвоенные), которые у нас в Карелии, скорее всего, являются переводами карельских оригиналов.

В свою очередь, финская традиция последовательно финнизировала карельские топонимы. На самом деле на финских картах и в документах приводятся не собственно карельские топонимы, а их финские соответствия. Подтверждение этому находится, как это не парадоксально, в очень важном для исследования традиционной топонимии Валаама русском документе – упомянутом выше «Описании угодий 1798 г.». Этот документ возник через 80 лет после того, как на Валааме было начато восстановление монастыря. Однако внимательный анализ написания топонимов наводит на мысль о том, что в основу был, видимо, положен соответствующий документ шведского времени: географические названия написаны русскими буквами, но с соблюдением норм (добавим, далеко не устойчивых) финского правописания XVII–XVIII вв. В документе обращают на себя внимание такие особенности финской письменности этого периода, как непоследовательность в передаче долгих гласных: *saari* и *sari* (фин. *saari* ‘остров’), *maa* (Пало Маа) и *-ma* (Сур Метцама) от фин. *maa* ‘земля’; отражение на письме глухих взрывных, выступающих после сонорных или в окружении гласных, как звонких: *ламби* (*lampi* ‘лесное озеро’), *пелдо* (*pelto* ‘поле’) и др.; проблемы в передаче гласных переднего ряда ä, ö, у [Häkkinen 1994: 161–185]. Стремление землемера Морица фон Дрейера, составившего карту, к употреблению финских форм прослеживается не только в использовании финских фонетических норм, но и в попытке придать финский облик непонятым ему топонимам. Замечательный пример – написание известного валаамского топонима *Раутаверья* (*Rautaveräjä) ‘Железные Ворота’. Эта модель используется в карельской топонимии для называния узких ущелий между скалами, по дну которых проходит тропа или протекает ручей. Она выступает также в качестве названий узких, со скалистыми берегами проливов. В «Описании...» этот топоним выглядит несколько странно: *Рауда веррава маа* (конечное *маа* < *маа ‘земля’). Дело в том, что входящее в состав топонима *veräjä* ‘ворота, калитка’ является преимущественно карельским и восточнофинским словом, не получившем широкого распространения в западных финских диалектах [SSA] и, соответственно, старофинском литературном языке, сложившемся на основе западных диалектов. Можно предполагать, что картограф соотнес это не вполне понятное ему слово с широко известным карельским типом причастий с конечным элементом *-ja*, которому в финском языке соответствует *-va*: ср. кар. *kundäjä* – фин. *kuntävä* ‘пашущий’, кар. *tietäjä* – фин. *tietävä* ‘знающий’. В результате в документе появляется форма на *-ва веррава*. Кстати, на то, что автор карты действительно мог иметь в виду причастие, указывает, видимо, и

двойное *-pp-* в корне, позволяющее предполагать, что он соотносил топоним с глагольной основой *vertaa-* (*vertata*) ‘сравнивать’.

Несмотря на финнизацию, «Описание...» сохраняет бесспорные карельские элементы. Известно, к примеру, что древнерусское слово *крест* было усвоено в карельские говоры в виде *risti* и *rista* (ср. в финских только *risti*). Так что отразившееся в документе название покоса *Ристан нурми* ‘Крестовая поляна’ и острова *Пень Риста Сапет* (кар. *Pieni Ristasoari ‘Маленький Крестовый остров’) указывают именно на карельский исток топонима.

Карельские истоки имеет и зафиксированный в «Описании» мыс под названием *Руския калю Ниemi*, букв. ‘мыс Красной скалы’. Именно в карельском языке слово *ruskie* (< *ruskea) имеет семантику ‘красный’, в финском же *ruskea* ‘коричневый’, а для обозначения красного цвета используется слово *punainen*. Знаменательно, что на финских картах XX в. мыс назван переводным финским названием *Punainenniemi* ‘Красный мыс’. Этот топоним перекочевал и на современные русские топографические карты (мыс *Пунайненниemi*). Документ XVIII в. оперирует карельским названием.

На самом деле, несмотря на тенденцию к употреблению финнизированной топонимии, в документе немало сугубо карельских штрихов. Среди них наиболее отчетливы, пожалуй, карельские антропонимы в составе географических названий Валаама. Кроме упомянутого выше острова *Ходарин Саари* можно отметить название покоса *Повелин лаген нурми* (**Roavelin lagien nurmi*), в котором выступает православное мужское имя Павел в карелизированной форме *Roaveli*. В названии залива *Домойн губа* (*Domoinguba, *-guba* заимствовано из севернорусских говоров в карельское употребление), при котором позднее возник скит Всех Святых, и урочища *Домойн Ранда* (*Domoinranda, *-randa* ‘берег’) выступает карельский вариант *Domoi* довольно редкого мужского православного имени Домн. При этом карельский антропоним восходит, скорее, не к официальному, а к неофициальному гипокористическому варианту *Дома* [Петровский 1984]. Названия внутреннего озера *Лесой ламби* (*Lesoilambi, *-lambi* ‘лесное озеро’) заманчиво возводить к *Lesoi* – карельскому варианту русского православного мужского имени Елисей. Антропоним был широко представлен в средневековом Приладожье [SN]. Современное название этого озера – *Лецево. Лецевым* озеро названо и А. П. Андреевым в его книге о Ладожском озере [Андреев 1875]. Местная традиция связывает название озера с тем, что в озере водятся лещи. В принципе топоним хорошо вписывается в русскую систему лимнонимов и теоретически дает основание предполагать, что топоним возник, например, на монастырском Валааме до XVII в. и был затем преобразован в карельское *Лесой*. Однако при расшифровке этого топонима следует иметь в виду некоторые дополнительные факты. То, например, что все другие внутренние озера Валаама имеют прибалтийско-финское

название: в написании источника XVIII в. *Пало Ламби, Валам Ламби, Кукконен Ламби, Кари Кандо Ламби, Муста Ламби, Мелица Ламби*. Кроме того, именно на Лещевом озере, особенно по западному берегу, находятся удобные для ведения земледелия земли. Это обстоятельство в совокупности с тем, что описание валаамских угодий отмечает в окрестностях *Лесой ламби* топонимы, появление которых можно связать с хозяйственной деятельностью, заманчиво предполагать, что именно здесь на западном побережье озера могла находиться одна из деревень шведского времени³, а в названии ламбы сохранилось указание на владельца крестьянского двора, которым мог быть некий Елисей, по-карельски Лесой. В таком случае русский вариант Лещево – это, возможно, результат переосмысления карельского оригинала. Впрочем, не исключен и самостоятельный путь рождения русского названия.

Наиболее убедительный критерий для выявления карельского наследия в топонимии Валаама – это так называемые дифференцирующие карельские топонимические модели. Исследование топонимов свидетельствует о том, что в рождении новых географических названий большое значение принадлежит т. н. моделям называния, свойственным данному языковому коллективу в данное время и на данной территории. Новые топонимы подстраиваются под готовую модель – структурную, семантическую, лексическую. Ниже рассмотрены некоторые лексические модели, характерные для карельской топонимии и отличающие ее, например, от финской.

В «Описании ...» отмечен остров под названием *Нило сапа* (*Nilosoari или *Nilossoari) у северного побережья острова Валаам. Название отсутствует в современных списках и картах, однако анализ последовательности перечисления объектов в разных источниках позволяет предполагать, что у А. П. Андреева это *Нахо-сапу* (возможно, опечатка или описка), а на финских картах XX в. *Matalasaari* ‘низкий, заливаемый водой, остров’. Это небольшой островок, представляющий собой низко выступающую над урезом воды скалу. Топооснова *nilo* ‘(прибрежная) скала, омываемая водой’ хорошо характеризует эту особенность острова. В контексте нашего исследования существенно то, что основа *nilo* является карельским маркером, т. е. она свойственна карельской (прежде всего собственно-карельской) топонимии, в то время как в родственных топонимных системах – хяме, суоми, вепсской – не получила распространения [Vahtola 1980: 70–72; Kuzmin 2001].

Еще одна дифференцирующая лексическая карельская модель закрепилась в названии острова, который на современных топографических картах отмечен как остров *Пень*. Название является явным переводом приводимого финскими картами *Kantosaaari* (фин. *kanto* ‘пень’). Однако при интерпретации топонима следует иметь в виду, что в карельских говорах Приладожья *kanto* имеет еще и значение ‘перешеек; основание мыса’, которое

---

³ В XVII в. по свидетельству некоторых документов на Валааме было четыре крестьянских двора [Спиридонов, Яровой 1991: 57].

очень продуктивно в карельской топонимии [Nissilä 1975: 86]. Финляндский исследователь Алпо Ряйсянен, проанализировав целую серию топонимов с основой kanta ~ kanto и его производным kannus, пришел к выводу о том, что они представлены в названиях очень незначительных по величине островков, непосредственно примыкающих к более крупному острову или прибрежному мысу. Иногда речь идет о мысе, соединяющемся узким перешейком с материком и лишь при большой воде превращающемся в остров [Räisänen 2000: 46]. Валаамский остров Kantosaari хорошо укладывается в эту характеристику. Он является практически продолжением более крупного Емельяновского острова, расположенного в юго-восточной части архипелага, и отделен от него узким проливом.

Модель по свидетельству А. Ряйсянена представлена в топонимии Восточной и Северной Финляндии – в пределах старого карельского расселения. Добавим, что она продуктивна и в Карелии, причем, как и в Приладожье, именно в наименованиях островов и мысов.

В составе Валаамского архипелага источники разного времени отмечают не менее трех островов под названием *Кабак*. Один из них расположен у северного побережья, при этом под именем *Кабак* он числился в XVIII и XIX вв. В более поздних документах это Lokkisaaret (Локкисаарет), фин. lokki ‘чайка’. Два других отмечены Андреевым как *Кабака* и *Кабан* (современный Зимняковский остров) в восточной части архипелага. Все валаамские Кабаки похожи друг на друга: это очень небольшие, низко выступающие над водой острова, без особой растительности, с неровной поверхностью, т. е. возвышения чередуются с низкими местами. Эта характеристика замечательно укладывается в значение карельского слова kabakka или kabakko ‘неровный, бугристый’. Слово применимо, например, к разъезженной дороге, которая, высыхая после дождя, становится бугристой, неровной [KKS]. Никакого отношения к русскому слову *кабак*, с которым связывает происхождение названия народная этимология (на остров, якобы, высаживали пьяных монахов, возвращавшихся с материка в монастырь), попавшая и в научные издания, название не имеет.

Таким образом, несмотря на значительную финнизацию и русификацию топонимии Валаама, непосредственно связанную с судьбами Валаама и северного Приладожья, в ней обнаруживаются сугубо карельские маркеры в виде карельских форм православных имен, карельских лексем в составе топооснов, а также дифференцирующих карельских топооснов. Такая характеристика дает основание предполагать, что и многие другие топонимы Валаама, внешне совпавшие с финскими (вследствие близкого родства языков), в действительности имеют карельские истоки.

В связи с поиском карельских маркеров есть смысл обратить внимание на характерные для топонимии Северного Приладожья структурные модели, отличающие этот регион от смежных территорий. При том, что поиск структурных маркеров в прибалтийско-финской топонимии в связи со значительной монолитностью ее структурного облика затруднителен и

не слишком эффективен, в нашем случае есть по крайней мере один яркий дифференцирующий элемент – формант *-mo*, которым оформляется и само название Валаам – *Valamo*. Название главного острова архипелага входит в один ряд с другими известными в Северном Приладожье топонимами с суффиксом *-mo*. Среди них есть название озер (*Laitimo, Valtimo, Paltamo, Uramo* и др.), а также островов (*Kinahmo, Linkamo*).

Ареальная характеристика структурной модели довольно любопытна. Основной ареал модели тянется из Северного Приладожья на север, в ареал водной системы озера Пиелинен, где путь ее раздваивается: основной поток уходит через систему оз. Оудуярви на запад к Ботническому побережью. Однако некоторое количество топонимов на *-mo* проникает в Беломорскую Карелию – примечательный ареал, ибо он привязан к тому транзитному пути из Приладожья на север, который был освоен древними карелами уже к началу второго тысячелетия. Заманчиво предполагать, что топонимный ареал отражает как раз это раннее продвижение корелы, что, в свою очередь, позволяет наметить некие критерии (ареальные, хронологические) для поиска этимологии загадочного названия Валаам – *Valamo*. Предпринимавшиеся до сих пор попытки расшифровки топонима пытались обычно связать его конечный элемент с финским словом *maa* ‘земля’ (что, заметим в скобках, противоречит языковым реалиям) и игнорировали ареал на *-mo*.

Что касается самого суффикса *-mo*, то он используется в прибалтийско-финском словообразовании как формант, образующий производные с локативным значением как от именных, так и от глагольных основ: *kaalamo* ‘брод’, *veistämo* ‘место, где делают (букв. строгают, от *veistää* ‘строгать, выстругивать’) лодку’, *ojamo* ‘русло канавы’, ср. *oja* ‘канавы’ [Hakulinen 1968: 140, 173]. Имея местное значение, суффикс как нельзя лучше подходит для топонимного функционирования. Возможно, основанием для появления топонимной модели послужили географические термины, первыми закрепившиеся в топонимии Приладожья. Среди таковых, например, известные в Северном Приладожье *Kaalamo* (*Koalamo), ср. кар. *koalamo* ‘брод’ от глагола *koaloo* ‘переходить вброд’, или *Suistamo*, ср. фин. *suistamo* ‘дельта реки’. Впоследствии суффикс обособился и стал использоваться в сугубо топонимической функции. При этом, как свидетельствует топонимный материал, он мог присоединяться как к прибалтийско-финским, так и саамским основам: *Paltamo* содержит в основе прибалтийско-финское слово *palte* ‘склон, косогор’ [Räisänen 1982: 116], *Sotkamo* может восходить к прибалтийско-финскому *sotka* ‘утка нырок’ [Hakulinen 1968: 140], с другой стороны, *Vuonamo* сопоставимо с саамским *vuona* ‘длинный узкий залив’.

Как в этом контексте должно интерпретироваться *Valamo*? Видимо, как карельский топоним, восходящий либо к прибалтийско-финскому географическому термину, образованному при помощи суффикса *-mo* от прибалтийско-финской основы или собственно топонимическое образование, в

котором топонимным суффиксом -то оформляется прибалтийско-финская или субстратная основа. К сожалению, более четкого ответа пока что нет.

В топонимии Валаама отражаются характерные географические особенности архипелага. Современный остров *Гольий* (или *Палинсаари*) был зафиксирован в XIX в. А. П. Андреевым под названием *Пальяк*, ср. кар. paljas ‘голый, лишенный растительности’. Основа оформлена довольно продуктивным в карельской топонимии Приладожья суффиксом -kko (ср. на Валааме острова Mõkerikkö, *Kabakko). Мотив происхождения современных названий двух островков, прилегающих к Никоновскому острову – Ржаной и Овсяный – не вполне ясен. Во времена Андреева один из них (Ржаной) был известен как *Лухочун*. В свою очередь, в Описании 1798 г. острова идут под названием *Кохта Лога Саарет*. Первый элемент этого сложного названия восходит, видимо, к кар. kohta ‘расположенный напротив’, характеризующему расположение острова по отношению к Никоновскому или к Порфирьевскому островам. В свою очередь, элемент *лога* должен быть сопоставлен с *Лухочун*, в котором основа luho оформлена карельским суффиксом -šči со значением подобия выраженному производной основой. Что же касается основы luho, то она, скорее всего, связана с карельским словом luho, loho, характеризующем старую, сношенную, гнилую, трухлявую вещь, предмет [KKS]. По устному сообщению О. А. Ярового остров открыт западным ветрам, сильные порывы которых ломают и выворачивают с корнями деревья. Эти гниющие на побережье деревья и явились, очевидно, основой номинации. Есть основание полагать, что аналогичным образом могло возникнуть и название острова *Пехкима саари* [Описание 1798], совр. Ладожский остров, расположенного на противоположной от Лухочуна стороне архипелага и открытого восточным ветрам. В основе топонима карельское слово rehko, rehkiivö ‘гниющее трухлявое дерево’ [KKS].

Особенно информативны топонимы, связанные с отражением материальной и духовной культуры: острова *Кима Саарет* у южного побережья главного острова от карел. kiima ‘ток, токовище’; остров *Лато* (совр. *Скалистый*), ср. карел. lato ‘сарай для сена; амбар для хранения дичи’. Не исключено, что название мыса *Найснiemsи* (Naisniemi ‘женский мыс’) сохраняет память о том, что здесь женщин, сидевших за веслами, сменяли мужчины, т. к. начинался более сложный, требующий больших усилий участок пути. Во всяком случае именно такой мотив названия приписывает аналогичным топонимам в бассейне р. Вуоксы финляндский исследователь В. Ниссиля [Nissilä 1939]. Название острова *Ристь Сапи* (*Крестовый остров*) и мыса *Риста Ниemi* (*Крестовый мыс*) связаны с хорошо известной на крупных водоемах Карелии традицией ставить крест на последнем острове или мысе перед выходом в открытые воды. Особый интерес в контексте древних верований представляет название расположенного на восточной окраине архипелага острова *Лембос*. В Описании 1798 г. приводится соответственно название *Лемби саарет*, а у Андреева *Лембачь-сарет*, ср. кар. lembo(i) ‘черт, леший’.

В топонимии архипелага сохранилась и память о прежних жителях островов. Кроме упомянутых выше отметим здесь остров *Амелка* (*Емельянов остров*) – кар. *Ameŋka* ‘Емельян’, мыс *Ходари Ниemi* (*Федоровский Нос*) – кар. *Hodari* ‘Федор’, мыс *Курика Ниemi*, в основе которого заманчиво восстанавливать широко распространенный в Северном Приладожье древний карельский патроним *Kurikka* [SN]. Возможно, некоторые из них маркируют места размещения на архипелаге в XVII в. крестьянских хозяйств. Не вполне ясны в этом контексте истоки топонимов *Куккосен нурми*, *Куккосен Сур нурми* (*nurmi* ‘покос’) [Описание 1798]. С одной стороны, в основе логично восстанавливать фамильный антропоним *Kukkonen*, широко распространенный в средневековом Приладожье [SN]. С другой стороны, однако, земли, в названии которых выступает данная основа, примыкают к заливу, названному в финских источниках *Kuukanlahti* (*lahti* ‘залив’), в конце которого находится окруженное болотом озерко *Кукканен Ламби* [Описание 1798]. Узкий и длинный залив тянется на несколько километров, а в прошлом, возможно, был еще длиннее и включал в себя озеро *Кукконен* с окружающим его болотом. Это заставляет внимательнее приглядеться к возможностям саамской интерпретации, ср. саам. *kuukkas (с основой *kuukaa-*, *kuuk-*) ‘длинный’. Данная лексическая модель получила активное распространение в топонимии Приладожья [Sammallahti 1999]. Следует, однако, признать, что саамская страница в истории топонимии Валаама и особенно механизмы возможной преемственности саамской топонимии на архипелаге требует специального анализа.

Карельская топонимия Валаама стоит в одном ряду с карельской топонимией Северного Приладожья. Для многих валаамских географических названий обнаруживаются лексические, семантические, структурные аналогии в топонимии северного побережья Ладожского озера, свидетельствующие о единых этноязыковых истоках этой топонимии.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев 1875 – Андреев А. П. Ладожское озеро. СПб., 1875.
 Криничная 1979 – Криничная Н. А. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978.
 Криничная 1991 – Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.
 Описание 1798 – Описание карты угодий Валаамского монастыря, состоящего в Выборгской губернии в Кексгольмском уезде, составленного в 1798-м году землемером Морицом фон Дрейером. ЦГА РК, ф. 762, оп. 2, 1/19.
 Петровский 1984 – Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1984.
 Спиридонов, Яровой 1991 – Спиридонов А. М., Яровой О. А. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия (очерки истории Валаамского монастыря). М., 1991.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1965 -.
 Nakulinen 1968 – Nakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.
 Häkkinen 1994 – Häkkinen K. Agricolasta nykykieleen. Suomen kirjakielen historia. Juva, 1994.

- KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1 – 5. Helsinki, 1968 – 1997.
 Kuzmin 2001 – Kuzmin D. Vienankarjalaisten paikannimimallien asutushistorial-lisesta taustasta // Läänemeresoome ühendusteel. Võro, 2001.
 Nissilä 1939 – Nissilä V. Vuoksen paikannimistö. 1939.
 Nissilä 1975 – Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
 SN – Pirjo Mikkonen, Sirkka Paikkala. Sukunimet. Keuruu, 1992.
 Räisänen 1982 – Räisänen A. Kainuun murteiden ja nimistön opas. Kajani, 1982.
 Räisänen 2000 – Räisänen A. Kannus-nimet metaforanimiä // Hiidenkivi. № 5. 2000.
 Sammallahti 1999 – Sammallahti P. Saamen kielen ja saamelaisten alkuperästä // Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan. Helsinki, 1999.
 SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
 Vahtola 1980 – Vahtola J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Rovaniemi, 1980.

Л. В. Михайлова
 Петрозаводск

К ИСТОРИИ ТОПОНИМИИ ВАЛААМА

Сложная история Валаама, многочисленные войны, пожары, отсутствие на острове постоянного населения привело к тому, что многие исторически сложившиеся названия объектов Валаамского архипелага были утрачены и могут быть прослежены только по историческим документам. Важным источником, раскрывающим историю Валаама, являются топонимы, оставленные бывшим населением и, особенно, – микротопонимы.

Целью настоящей работы является выявление специфики географических названий объектов Валаамского архипелага в связи с историей его заселения.

Основой исследования являются полевые материалы. Сбор микротопонимии осуществлялся в течение 1980–1990 гг. на территории островов Валаамского архипелага по специальной топонимической программе, насчитывающей 50 вопросов. Была создана картотека, включающая около 200 карточек.

Кроме полевых материалов в работе использовались письменные источники, содержащие географические названия островов Валаамского архипелага. Это, в первую очередь, документы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Карелия, Выборгском архиве, в архиве Ново-Валаамского монастыря в Финляндии. Сюда же относятся различные публикации о Валааме, научно-популярная и художественная литература. Были исследованы схемы и карты Валаамского архипелага с топонимами русского, карельского и финского происхождения: «Описание карты

угодий Валаамского монастыря 1798 г.», «Описание карты угодий Валаамского монастыря 1785 г.», «Карта Валаамского острова и всех других островов, принадлежащих к Валаамскому монастырю 1896 г.», «План лесонасаждений Валаамского лесхоза КАССР. 1984 г.», топографическая карта 1940 г. «Laatokka», туристские схемы. На основе данных источников была составлена картотека, состоящая из трёх тысяч карточек и схема «Валаам. Valamo» с топонимами Валаамского архипелага на русском и финском языках. Были исследованы и систематизированы географические названия объектов, расположенных на островах Валаамского архипелага. Из двух тысяч собранных топонимов были выделены топонимы карельского, финского, русского происхождения, микротопонимы, библейские названия.

В настоящее время многие географические объекты имеют по 2–3 и более названия. Например, озеро *Никоновское* на Валааме называется также *Щучье*, *Никкананлампи*, *Niikkanlampi* (фин.). Второе название острова *Никоновский* – *Ягодный*, финское название *Niikkanansaari*. Залив *Осочный* называют также бухта *Дивная*, *Шаралахтинская бухта*, залив *Саралаhti*, *Saralahti* (фин.).

Топонимия Валаамского архипелага сформировалась под влиянием различных факторов, главными из которых являются естественно-географическая среда, социально-исторические условия, мировоззрение населения Валаама и материковой части Приладожья.

Выгодное расположение островов Валаамского архипелага в районе наибольшей глубины в Ладожском озере, микроклимат острова, суровый и переменчивый характер Ладоги, резкая смена направления и силы ветра, наличие на острове Валаам многочисленных бухт, заливов, озёр и каналов, сочетание хвойных лесов с искусственными посадками, встречающиеся в аллеях и рощах, редкие растения, своеобразие животного мира наложили свой отпечаток на региональную топонимическую систему.

В силу исторического развития топонимия Валаама имеет уникальный характер. В начальный период образования прибалтийско-финской топонимии на острове Валаам финский литературный письменный язык ещё не сложился. Поэтому отличия от карельского диалекта можно проводить по фонетическим признакам (звонкие **q**, **d**, **b** карельского языка соответствуют глухим **k**, **p**, **t** в финском языке), а также по отдельным лексемам. В документе «Описание карты угодий монастыря 1798 г.» зафиксированы названия: *Ала пелдо*, *Кари Кандо Ламби*, *Сур Гонга Суари*, *Кандо Кели Суари*, *Киви Мяги*. Мы считаем, что «ламби», «кандо», «гонга», «мяги», – это элементы карельских названий.

В топонимии Валаама отразились влияния как карельского языка, так и финского: *Hanhiraasi* (остров), *Honkasaari* (остров), *Naaraniemi* (мыс), а также русского языков: *Малый* (остров), *Угревый* (мыс), *Никольский* (остров).

К древним топонимам Валаама относятся субстратные топонимы, потерявшие внутреннюю форму для русских. Остров *Ржаной* имеет первоначальное название *Лихочун, Лохочун, Лухочун*. Уже множество вариантов говорит о том, что первоначальная форма утрачена. К этой группе топонимов можно отнести такие названия, как *Мамай, Ряпой, Гунго*.

Несмотря на то, что многие географические объекты имеют карельские и финские названия, большую группу в настоящее время составляют русские по происхождению топонимы. Это объясняется, вероятно, тем, что на протяжении многих веков единственным населением Валаама являлись монахи, которые говорили на русском языке [Михайлова 1992].

Острова Валаамского архипелага ещё в давние времена были известны людям, так как расположены они вблизи населённых материковых берегов Ладожского озера. Приблизительно в I тысячелетии до н. э. из внутренней части лесной полосы Восточной Европы к Балтийскому морю пришли прибалтийско-финские племена, являющиеся предками современных финнов, карелов, води, ливиков, ижоры, вепсов и эстонцев. Древнее прибалтийско-финское население, по мнению Д. Бубриха, находилось на территории между Рижским и Финским заливами. В современные Финляндию и Карелию они ещё не дошли, «там ещё кочевали отдалённые языковые родственники древних прибалтийских финнов – культурноотсталые лопари (саамы), представлявшие собою бродячих охотников, рыболовов, оленеводов» [Бубрих 1947: 10].

Территория Карельского перешейка и вокруг Ладожского озера была первоначальной областью поселения племени Корела. В IX в. это племя заняло северо-западное и северное побережье Ладожского озера, в том числе остров Валаам. Подтверждение этому факту мы находим в рукописи XVI века «Сказание краткое»: «Искони же на том острове жила бесслужительная Корела ... Жила на том острове упоминавшаяся выше одержимая бесами Корела, занимающаяся языческим волхвованием» [Охотина 1991: 12]. Очевидно, к этому периоду, т. е. к IX веку, может относиться возникновение некоторых карельских названий пашенных земель, луговых мест для сенных покосов, встречающихся в описании угодий Валаамского монастыря, составленном в 1785 году землемером Эриком Колониусом, и в «Описании карты угодий Валаамского монастыря, состоящего в Выборгской губернии в Кексгольском уезде, составленном в 1798 г. землемером Морицом фон Дрейером»: *Лемби Сари нурми, Мегерикке Сари нурми, Домойн ранда нурми, Бобулин нурми, Паю и валат Лемби, Пало Маа, Сур Мецама, Сурма Ниemi, Ходари, Койво, Ленна, Лауко Лодон Ниemi* и другие (Описание карты угодий монастыря в 1798 г. НА РК. Ф. 762. Оп. 2. Ед. хр. 1/19. Л. 1–6).

В X–XI веках усилились связи населявших Карелию племён со славянами. Южная часть Карелии вошла в состав Древнерусского государства. В это время на территорию Карелии начинает проникать славянское население. В XI столетии в сферу влияния Древнерусского государства

вошли территории на Севере, населённые прибалтийско-финскими племенами. В XI и первой половине XII в. начатки христианства распространяются на обширных пространствах Севера [Сиилин 2001: 273].

В начале XII в. российская церковная миссионерская деятельность из Новгорода распространилась до южного побережья Ладожского озера. Большую роль в распространении христианства на Руси играли монастыри, которые стали возникать почти сразу же после принятия христианства. Помимо монастырей, возникших вблизи Новгорода, стали появляться монастыри в окрестностях Ладоги, одним из которых был Валаамский монастырь.

О первоначальных обитателях острова Валаам достоверных исторических сведений не сохранилось. В дохристианские времена Валаамский архипелаг, видимо, был, как и другие острова Ладожского озера, местом поклонения языческим богам. В древних верованиях аборигенов севера особое место занимал культ камней, которые напоминали силуэтные изображения животных и птиц. С. А. Токарев отмечает, что насчитывается не менее десяти разновидностей культа гор, «восходящих к разным историческим эпохам и разным условиям жизни людей» [Токарев 1982]. Такими священными камнями, возможно, являются небольшие острова на Ладожском озере, имеющие двойные названия, например, *Гусь-камень* – *Hanhipaasi* (фин.), расположенный к юго-востоку от о. Валаам.

В восточной части Валаама находится гора *Чёрный Нос* – *Mustannenänmäki* (фин.), которую называют также *Лысая Гора*. Известный исследователь язычества Б. А. Рыбаков пишет, что «само название «Лысая Гора» уже говорит в пользу древнего ритуального места. В позднейшие христианские времена с Лысыми Горами связывали всегда предания о нечистой силе, о шабашах ведьм и ведьмаков ...» [Рыбаков 1981: 230]. В языческие времена на Лысых Горах устанавливались идолы, жертвенники, совершались ритуальные обряды. Такими священными горами могли быть возвышенности или горы, верхняя часть которых специально расчищались. Возможно, поэтому их называли «лысыми». Безлесая вершина Лысой Горы на Валааме могла быть также местом совершения языческих обрядов. Как символ новой веры, монахами на скале установлен большой деревянный крест под навесом. Крест хорошо был виден издалека с Ладоги и служил маяком для рыбаков.

Когда на остров пришли первые монахи и основали здесь мужской православный монастырь, точно неизвестно. Существуют различные версии о дате основания монастыря. По монастырским источникам на Валааме уже в X веке был православный монастырь Святой Троицы [Путешествие 1840: 135].

В финской литературе основание православного монастыря на Валааме относится к XII веку [Valamo ja sen sanonta 1982]. По мнению российских историков монастырь был основан не ранее начала XIV века. Нет точных сведений и об основателях монастыря Сергии и Германе, т. к.

рукописное житие их было утрачено из-за многочисленных войн, опустошивших монастырь.

Спасо-Преображенский Валаамский монастырь находился под покровительством русских царей и получал от них жалованные грамоты. Жалованная грамота великого князя Василия II освобождала крестьян, живших на монастырских землях, от государственных пошлин и повинностей в пользу монастыря. По «Писцовой книге» 1500 года Валаамский монастырь приобрёл 200 хозяйств на побережье Ладожского озера.

Некоторые топонимы на Валааме связаны с хозяйственной деятельностью монастыря. Определение *Кирпичный* относится к объектам, расположенным около Кирпичного завода, это *Кирпичное поле*, *Кирпичный карьер*, *Кирпичная канава*. В монастыре были острова *Ржаной*, *Овсяный*, поля *Гороховое*, *Турнепсовое* и другие, которые засеивались овсом, ячменём, рожью, турнепсом, картофелем, горохом.

К северу от Валаама находится остров, названный монахами *Бредневый*. Бредни – это сетки, типа невода. Около острова Бредневый у монахов был садок для загона рыбы, из которого они ловили её бреднем.

Топоним *Берег Кожевенного завода* подтверждает, что именно в северной части Валаама монахи занимались кожевенным ремеслом.

Валаамский монастырь становится также и крупнейшим культурным центром на Русском Севере. Там переписывались и переводились многочисленные книги.

Наряду с такими известными монастырями как Палеостровский, Муромский, Коневецкий, Валаамский монастырь занимался миссионерской деятельностью и являлся крупнейшим центром православия на северо-западе Русского государства. С миссионерской деятельностью валаамских монахов связаны православные названия Валаама. Это, прежде всего, топоним *Святой*, принадлежащий острову из группы Байевых островов, расположенных к востоку от Валаама [Валаамский монастырь 1990: 45]. Есть предположение, что первоначально именно здесь был основан преподобными Сергием и Германом монастырь. На этом острове в 1474–1485 гг. жил в отшельничестве валаамский монах Александр, основавший впоследствии на реке Свирь Троицкий монастырь и получивший имя Александр Свирский. Его считали в монастыре валаамским святым, поэтому и остров получил название *Святой*.

На Валааме и островах, принадлежащих монастырю, с целью распространения и закрепления монастырских владений строились скиты, ставились кресты, окрестности получали новые названия. В Валаамском монастыре насчитывается около 10 поклонных крестов, деревянных и гранитных, установленных в различных уголках острова. На берегу озера Хирмулампи – *Hirgulampi* (фин.), получившего позднее название *Крестовое*, на вершине горы Чёрный Нос – *Лысой Горе*, где совершались языческие ритуальные обряды, монахи поставили деревянные кресты под навесом, после чего на острове появился микропоним *У креста*.

Название *Крестовый* относятся к острову Никольский и к восточной группе островов Валаамского архипелага.

В различных уголках Валаама: в лесу, на дорогах, в бухтах – были построены часовни. Одни из них были названы в честь известных икон: часовня Знамения Божией Матери, часовня Казанской Божией Матери и др. Остальные часовни получили своё название в честь различных святых: часовня во имя преподобного Нила Столбенского, часовня во имя святого Пророка Елисея. До наших дней сохранились на Валааме названия бухт, заливов, мостов и дорог, одноименных с расположенными вблизи часовнями и скитами: *Никольский залив, Предтеченский пролив, Скитский залив, Владимирский мост, Тихвинский мост.*

Долгое время Валаамский монастырь был порубежной землёй на Русском Севере между Швецией и Россией. Шведы часто нападали на Валаамский монастырь. В 1611 году, в результате высадки шведов на остров, часть монахов и игумен Макарий были убиты, храмы и кельи разрушены. Оставшиеся в живых монахи укрылись в Васильевском монастыре близ Старой Ладogi.

Заклучив со Швецией в 1617 году Столбовский мир, Россия лишилась выхода в Балтийское море, Корела героически выдержала это великое испытание. Она начала своё знаменитое «великое переселение». «Исход карел» («корельских выходцев» – в терминологии документов ХУП в.) явился убедительной демонстрацией веками складывающейся дружбы народов русского и карельского» [Чернякова 1989: 3].

С 1617 по 1715 гг. острова Валаамского архипелага являлись территорией Шведского государства. Почти сто лет на архипелаге не было монастыря. По документам известно, что в это время на острове проживало несколько финских семей [Паялин 1916].

В шведском языке название острова Валаам – *Walamo* (швед.) было известно уже в XV–XVII веках. Е. А. Левашов приводит пример из шведского документа 1477 года: ...*os deeli till mijn deeli j Valamao* «часть моего наследства на Валааме» [Левашов 1980]. Широкое употребление в шведском языке топоним Валаам находит в XVIII веке, когда после подписания в 1617 году Столбовского договора острова Валаамского архипелага отошли к Швеции.

В ходе Северной войны (1700–1712 гг.) Россия вернула западную часть Карелии и Валаамский архипелаг. В 1715 году государь Пётр Великий издаёт указ о восстановлении Валаамского архипелага. После провозглашения 31 декабря 1917 года государственной независимости Финляндии от России, острова Валаамского архипелага отошли к Финляндии, и на Валааме, рядом с православным монастырём, расположился финский гарнизон, более 250 солдат с артиллерией. В это время появляется большое количество топонимов как на русском, так и на финском языках: *Стрельбище, мыс Сторожевой, остров Оборонный, Финская застава, Финский посёлок, Ampumarata, Esikunta* (фин.).

Валаам становится центром православной жизни Финляндии. Здесь проводились ежегодные съезды духовенства.

В XX веке Валаамский монастырь начинают посещать, кроме паломников, отечественные и иностранные туристы. У капитана парохода, в гостинице, в свечной лавке можно было приобрести «Путеводитель по острову на нескольких языках» [Valamon luostari 1937: 8]. В связи с развитием туризма на Валааме многие топонимы были переведены на другие языки и встречаются в различных публикациях, документах. Так, например, на немецкий язык были переведены следующие названия: остров *Предтеченский* – *Eremiteninsel*, *Игуменское кладбище* – *der Friedenhof*, *Гефсиманская церковь* – *Die Getsimanekirche* и др. На всех важных перекрёстках были установлены указатели на финском, английском, немецком и шведском языках: *Иерусалимская церковь*, *Новый Иерусалим* – *Uusi Jerusalemi* (фин.), *Die Jerusalem Kirche* (нем.), *The church of Jerusalem* (англ.), *Jerusalem Kyrka* (швед.);

Предтеченский остров – *Johanes Kastajan saari* (фин.), *Hermit Island* (англ.), *Die Insel des Johannes des Taufers* (нем.), *Johannes Doparens o* (швед.) и др.

В начале февраля 1940 года монастырь, около 150 монахов и послушников, был эвакуирован в Финляндию. Валаамский архипелаг находился в запустении до 1940 года, когда здесь появилось первое постоянное послевоенное население. Более 10 лет действовала на Валааме турбаза Карельского областного совета по туризму и экскурсиям, которая была закрыта в 1982 году в связи с образованием историко-архитектурного и природного музея-заповедника. В декабре 1989 года на острове был вновь открыт мужской православный монастырь, который действует и в настоящее время.

В современной литературе о Валааме, различных публикациях, путеводителях встречаются часто названия, заимствованные из финского языка: о. *Эраккосаари* (Туристская схема «Карелия». 1980), о. *Палинсари* (Оборно-географическая карта «Ленинград-Псков-Новгород-Петрозаводск». 1989), мыс *Мюллюниеми* (Карта Ладожского озера. 1986), о. *Лемписари* (Топографическая карта Валаамского лесничества Сортавальского района. 1985), о. *Нейтоненсари*, зал. *Симняковскинлахти*, о. *Луотосари*, м. *Пунайненниеми* (Лоция Ладожского озера. 1965). В книге Л. Я. Резникова «Валаам раскрывает тайны» скит Всех Святых называется Белый скит, Воскресенский скит – Красный скит, Гефсиманский скит – Жёлтый скит, озеро Лещевое – озеро Глухое [Резников 1975]. Эти названия широко распространены среди местного населения Валаама.

Русские по происхождению названия географических объектов Валаамского архипелага были усвоены финским языком: переведены или транслитерированы. К транслитерированным названиям относятся: *Бормотун* – *Barmotun*, *Дубровский* – *Dubrovka*, о. *Вассиана* (*Восчаной*) – *Vossinansaari* (*Voschanoi*), *Московская канава* – *Moskovankanava*,

Феодоровское – Feodorovskoi, Лецевое – Lestsevo и другие. На Валааме имеется несколько смежных географических объектов (залив, озеро, остров, поле, мыс) с названием *Симняковский*. Залив Симняковский вдаётся в восточный берег о. Валаам между мысом Симняковский и расположенным к северо-востоку от него мысом Олений. К югу от мыса Олений лежит островок Симняковский. В районе бухты Симняковская находится озеро с таким же названием. На финском языке эти объекты называются *Simnjakovskinlahti, Simnjakovskinpelto, Simnjakovskinniemi*. Русское слово **зимняк** в северно-русских говорах обозначает юго-восток и ветер того же направления, **зимняковый** ‘к зимняку относящийся’ [Даль].

Кроме транслитерации, топоним *Зимняк* был также переведён на финский язык как «зимний» и встречается в названиях, характеризующих те же географические объекты, это *Talviranta*, где *talvi* ‘зима, зимний’, *ranta* ‘берег’, *Talvilahti, lahti* ‘бухта’, *Talvipelto, pelto* ‘поле’.

Очевидно, из всех названных географических объектов топоним *Зимняк* первоначально относился только юго-восточному берегу Валаама, представляющему исключительно завораживающее зрелище зимой. Низкий, совершенно открытый к озеру берег, покрывают груды сверкающего на солнце льда. Недалеко от берега расположено *Зимняковое поле*, окружённое лесом. А севернее лежит *Зимняковая бухта*, также открытая ветрам и ладожской волне.

Транслитерированный на финский язык топоним *Бормотун – Varmotun* – это второе название острова *Бармадан*. Оба топонима созвучны. Топоним Бармадан был известен уже в XIX веке и упоминается в книге А. П. Андреева «Ладожское озеро». На московском диалекте **барма** ‘бормотун, неясно, невнятно говорящий’ [Даль].

Финское название острова Байонной, расположенного к востоку от Валаама – *Kalastussaari* (*kalastus* – ‘рыбная ловля, рыболовство’). На этом острове действительно занимались рыболовством монастырские рыбаки. Здесь было в XIX веке небольшое поселение рыбаков, для которых были построены деревянные дома и часовня во имя святого Пророка Елисея. Топоним *Байонной* был транслитерирован на финский язык: *Vajonnoinsaari*. Топоним Байенный, Байонной произошли от русского слова **бания**, которое произносилось на диалекте как **байня**, отсюда **байенный, байонной**. На острове была построена баня для рыбаков, а так как на других островах бани не было, то этот остров стали называть Байенный [Михайлова 1992: 97] Из переведённых на финский язык топонимов Валаама назовём лишь несколько: гора Чёрный Нос – *Mustanenänmäki*, Крестовый остров – *Ristisaari*, Красный мыс – *Punainenniemi*, Олений мыс – *Poroniemi*, Угревый залив – *Ankeriaslahti*, Святой остров – *Pyhityssaari* и другие.

Мы считаем, что эти названия были переведены на финский язык, так как они встречаются на финских картах, изданных позднее карт с топонимами Валаама на карельском и русском языках (Karta «Laatokka». 1940).

В начале XX в. на Валааме появились и новые финские названия объектов, существующие параллельно с русскими топонимами. Так, северное побережье острова, Лосиный берег, имеет финское название *Haaraniemi* – ‘осиновый мыс’, Кирпичное поле стали называть *Pitkäpelto* ‘длинное поле’.

Некоторые географические объекты Валаама имеют только финские названия. В районе Никоново, по дороге к Красному мысу, находится местность с финским названием *Kuolemanlaakso* (фин. ‘долина смерти’). Бухта между островом Валаам и островом Лиса называется по-фински *Savilahti* (фин. *savi* ‘глина’).

Финские топонимы были позднее заимствованы русскоязычным населением Валаама. Они встречаются в путеводителях, различных публикациях, многие объекты были переименованы дважды: сначала финнами из русского языка, а позднее русскими из финского языка: *Антониевское озеро* – *Antoninlampi* – *Антонинлампи*; *Красный мыс* – *Punainenniemi* – *Пунайненниemi*; *Луковый остров* – *Sipulisaari* – *Сипулисари*; *Скитский остров* – *Erakkosaari* – *Эраккосари*; *Угревый залив* – *Ankeriaslahti* – *Анкериаслахти*; *Олений мыс* – *Poronniemi* – *Порониemi* и другие. При этом следует иметь в виду, что в финском языке, в отличие от русского, название объекта входит в структуру топонима.

На скалах Валаама можно увидеть следующие надписи: «Проведена сия канава в 1859 году», «Сооружена сия канава в 1865 году». **Канава** – это старинное русское слово, которое было заимствовано в финский в виде *kanava*. Искусственный канал на Валааме, соединяющий внутренние озёра Лещевое и Среднеостровское, называется *Кирпичная канава*, по-фински *Tiilikanava*. На юге из озера Лещевого через *Лещевый канал* можно выйти в Ладожское озеро. А на северо-западе небольшой живописный канал соединяет с Ладогой Московский пролив.

Северо-восточная оконечность острова Скитский – мыс Вюволок, окаймлённый каменистой отмелью, лежит напротив Валаама, это западный входной мыс бухты Монастырской. Топоним *Вюволок* является гибридом, т. е. состоит из двух слов, финского и русского, «*vyö*» – фин. ‘пояс, кушак’. Финский вариант названия – *Vyövolok*. **Волоком** в старину называли перешеек между двумя бассейнами, по которому переволакивали суда. Слово **волок** имело также значение ‘путь лесом, перегон лесом’. Из названия *Вюволок* можно предположить, что по этому мысу на острове Скитский проходил круговой, «опоясывающий» путь лесом. На острове Скитский, действительно, было построено несколько дорог [Михайлова 1994: 89, 90].

Процесс образования новых топонимов на Валааме происходит и в настоящее время, т. к. современное население Валаама пользуется в обиходе своими наименованиями, микротопонимами. В 50-е годы XX века появились такие названия как *Иванов хутор*, *Новая земля*, *Зимник*, *Купальня*, озеро *Дивное* и другие.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих 1947 – Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
- Валаамский монастырь 1990 – Валаамский монастырь и его святыни. Л., 1990.
- Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989.
- Левашев 1980 – Левашов Е. А. Валаам – остров загадок // Русская речь. № 3. 1980.
- Михайлова 1992 – Михайлова Л. В. Валаам. Valamo. Схема Валаамского архипелага. Петрозаводск, 1992.
- Михайлова 1992 – Михайлова Л. В. Старый Валаам и его окрестности // Русская речь. № 3. 1992.
- Михайлова 1994 – Михайлова Л. В. Русские и финские названия в топонимии Валаама // Русская речь. № 6. 1994.
- Охотина 1991 – Охотина Н. А. Сказание краткое // Север. № 9. 1991.
- Паялин 1916 – Паялин И. П. Материалы для составления истории Валаамского монастыря. Выборг, 1916.
- Путешествие 1840 – Путешествие по святым местам русским. 1840. СПб.
- Резников 1975 – Резников Л. Я. Валаам раскрывает тайны. Петрозаводск, 1975.
- Рыбаков 1981 – Рыбаков Б. Я. Язычество древних славян. М., 1981.
- Сиилин 2001 – Сиилин Л. Валаамский и Коневский (Коневецкий) монастыри // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.
- Токарев 1982 – Токарев С. А. О культуре гор и его месте в истории религии // Советская этнография. № 3. 1982.
- Чернякова 1989 – Чернякова И. А. К вопросу о судьбах «Корельских выходцев» в ХУП веке. Петрозаводск, 1989.
- Mihailova 1989 – Mihailova L. Valamon paikannimistöä // Punalippu. № 7. 1989.
- Valamo ja sen sanoma. Helsinki, 1982.
- Valamon luostari. Turku, 1937.

.....

Д. В. Кузьмин
Петрозаводск

ИСТОКИ ФОРМАНТА -ŠINA В КАРЕЛЬСКОЙ ТОПОНИМИИ

Усвоение топонимообразующей структурной модели в процессе контактирования разноязычных топосистем – явление чрезвычайно редкое. В Карелии при активном взаимодействии прибалтийско-финской и русской топонимических систем выявляется лишь одна модель, проникшая в карельскую топонимию из русской – формант *-щина* (кар. *-šina*). Особо следует отметить, что суффикс воспринят, главным образом, на уровне топонимии, в апеллятивное карельское словообразование он проник только на территории проживания ливвиков.

Анализ форманта в карельской топонимии должен быть предварен существенно важными замечаниями о бытовании его в русской топонимии.

Основной массив названий с этим элементом – Белоруссия, северо-восток Польши и северо-запад Украины. В России формант получил достаточно широкое распространение в северо-западных губерниях: Брянской, Смоленской, Псковской, Новгородской, а также отмечен в бывших Архангельской и Вологодской губерниях [Никонов 1970: 195]. Достаточно широко представлен этот элемент и в русской топонимии Карелии – в Обонежье, особенно в Заонежье.

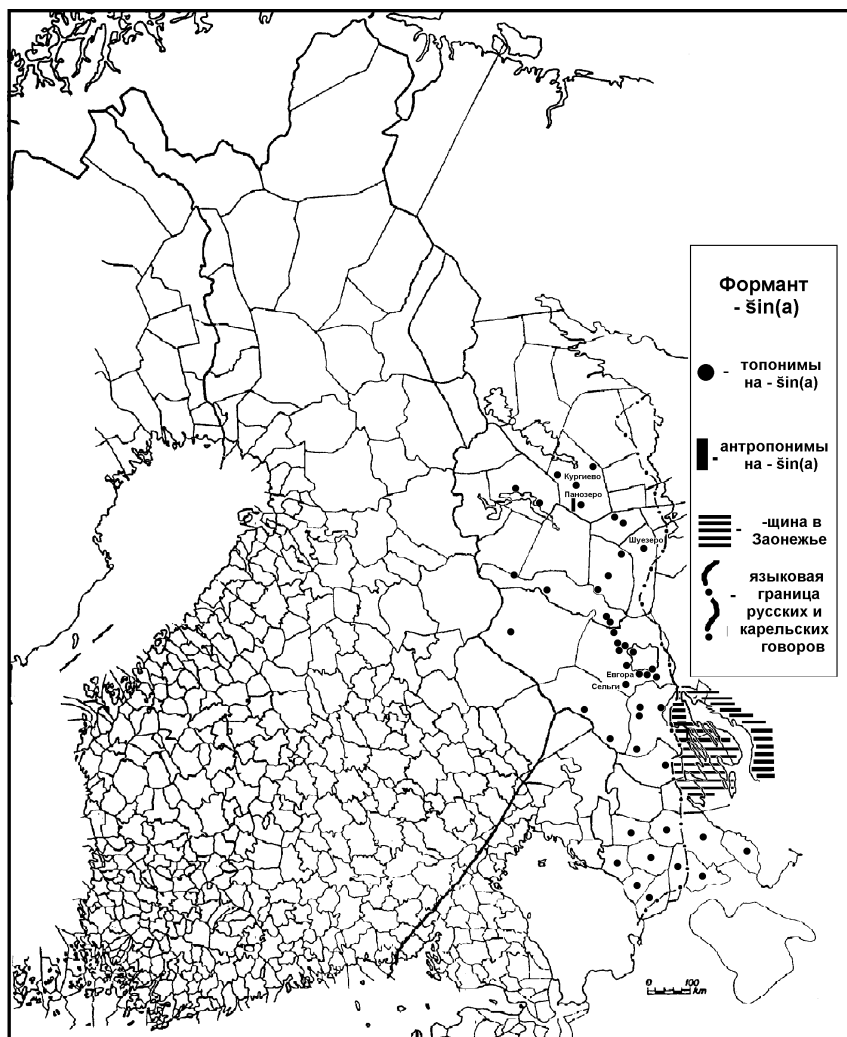
В русском освоении Карелии намечается несколько этапов. Истоки новгородского промыслово-торгового освоения принято возводить к XI–XII вв., массовое крестьянское освоение – к XIV–XVI вв. Низовская колонизация в основном обошла Карелию стороной, затронув лишь самый восток Заонежских погостов и Беломорье [Витов 1962: 53]. С каким из намеченных этапов следует связать распространение модели *-щина* в Карелии?

Исследователь топонимии и лексики Архангельской губернии Г. Я. Сими́на пришла к выводу, что на Пинежье топонимы на *-щина* наблюдаются в местах раннего московского проникновения в северные новгородские вотчины. Эта группа названий немногочисленна, чаще всего это собирательные названия угодий, принадлежавших ранее монастырю или боярину, поэтому они группируются около городов, монастырей и сел. Г. Я. Сими́на указывает, что в древней новгородской географической номенклатуре подобного структурного типа почти не было, следовательно, он привнесен на Пинежье из московских земель [Сими́на 1980: 31–32].

Анализ материалов новгородских писцовых книг XV–XVI вв. указывает на незначительную активность суффикса *-щина* в этом регионе на фоне других топонимических суффиксов и на фоне последующего роста продуктивности, например, в Заонежских погостах. По подсчетам С. А. Полковниковой в материалах писцовых книг по всем 5 пятинам всего 27 топонимов на *-овщина*, в то время как образований с другими суффиксами на порядок больше (например, на *-иха* 260, на *-ица* 160, на *-ичи* 80, на *-ище* 60 и т. д.) [Полковникова 1970: 469–504]. Не есть ли это следствие того, что суффикс является достаточно молодым на новгородских землях и начал распространяться после завоевания Новгорода Москвой в XV в. и притока переселенцев из московских земель? Такой вывод согласовывался бы с выводами Г. Я. Симиной по Пинежью и позволял бы отнести распространение модели в Обонежье к московскому времени в истории этого края, сопровождавшегося массовым крестьянским освоением территорий.

Последнее обстоятельство подтверждается тем, что ойконимы на *-щина* на территории северных Заонежских погостов XVI–XVIII вв. фиксируются в местах с достаточно большой концентрацией населения и хорошо развитым сельским хозяйством, и практически отсутствуют к северу от Заонежья. Например, в бывшем Выгозерском погосте на протяжении XVI–XVIII вв. зафиксировано всего два ойконима, оформленных названным формантом. Это согласуется с тем, что ведущую роль в хозяйстве местного населения Выгозерья играли промыслы, а не сельское хозяйство.

Ареал распространения топонимного форманта -šin(a) на территории Карелии.

По документам XVI–XVIII вв. суффикс *-щина* использовался в наименовании однодворных и малодворных поселений, где, возможно, первоначально обозначал совокупность жителей, объединяемых одной фамилией (*Комаровщина, Малковщина, Паневщина*). В более поздней топонимии на *-щина* преобладают наименования сельскохозяйственных угодий, в которых суффикс выступает в значении места, принадлежащего определенному роду или человеку, указание на которого содержится в основе топонима.

Где и когда модель была усвоена карельской топонимией? Надо полагать, что в южно-карельский ареал – в ливвиковскую и людиковскую топонимию – модель проникла из смежного Присвирья, где она хорошо известна в русской топонимии. Что касается собственно-карельского бытования, то центром распространения модели должно было быть северное Заонежье, где в XVI–XVII вв. происходило активное карело-русское контактирование. Карельские поселения распространялись в то время значительно дальше на восток, в современное русское Заонежье.

Картографирование модели *-šina* свидетельствует о том, что ее ареал тяготеет к востоку северо-карельской территории. По мере удаления на запад активность форманта падает. Он отсутствует совершенно в западной части карельского Беломорья.

Можно полагать, что первоначально модель получает распространение в карельском Сегозерье, куда проникает, возможно, из русского Заонежья, а затем, с вероятным оттоком русского населения на север и северо-запад вдоль транзитных путей в Поморье, а также возможным продвижением карел из Сегозерья в бассейн реки Кемь, модель распространяется и в северо-карельском ареале, в частности, в центральной Беломорской Карелии.

Основная масса топонимов на *-o(u)šina* на территории проживания карелов – это названия полей и покосов. Производящими основами этих названий выступают чаще всего карельские варианты мужских и женских русских православных имен, а также прозвища или фамилии: *Šimanoušina* < кар. *Simana* от рус. Семен, *Miki'ošina* < кар. *Mikittä* от рус. Никита, *Terpanoušina* < кар. *Terpana* от рус. Степан, *Irošina* < кар. *Iro* от рус. Ирина, *Mašoušina* < кар. *Mašo ~ Mašoi* от рус. Мария; *Kocoroššina, Borkošina, Tađanošina, Kos'loušina, Ukkošina* < ср. кар. *ukko* ‘старик, дед’. Незначительную группу составляют названия деревень и домов. Например, название дому *Louššina* в дер. Шомбозеро, возможно, дало прозвище, образованное от русского православного имени Алексей. На это, кажется, указывает параллельное карельское название дома *Olekseintalo*. С другой стороны, наименование дома могло возникнуть по названию поля *Miihak'oušina*, вблизи которого дом располагался, и иметь при этом шутилистую форму.

Особое внимание обращают на себя названия родов деревни Панозеро, расположенной в центральной части карельского Беломорья, которые

содержат интересующий нас формант: *Kokkoŀo(u)šina*, *Meccoŀo(u)šina*, *D'osroŀo(u)šina*, *Makkoŀo(u)šina*, *Prokkoŀo(u)šina*, *Abroŀo(u)šina*. Эти примеры отличаются от основной массы подобных названий наличием элемента *-l-* перед формантом *-oušina*, ср. с названиями полей в других местах Карелии: *Kokkošina*, *Midroušina*, *Romanoušina*, *Tittošina*, *Markošina*, *Dehmošin*. Нам кажется, что кроме суффикса *-šina* в панозерских названиях сохранился и прибалтийско-финский суффикс *-la/-lä*, который достаточно широко представлен на территории проживания карел в названиях деревень и домов, например, в дер. Панозеро: *Timoŀantalo* (дом Тимоŀа), *Hoškoŀantalo* (дом Hoškoŀа), *Mattilantalo* (дом Mattila). Известно, что модель названий на *-la/-la* присваивалась на первом этапе заселения первому дому, родовому гнезду, с которого род начинался, где к имени основателя присоединялся суффикс *-la/-lä* с локативным значением: т. е. *Timoŀa* – место, где живет род Тимо (рус. Тимофея). Позднее, с постепенной утратой активности суффиксом *-la/-la*, для указания на род стал, видимо, использоваться формант *-šina*, который, как было сказано выше, обозначал совокупность жителей, относящихся к одному роду. Кроме того, формант содержал и указание на дом, из которого данный род берет свое начало. Подтверждением может быть родовое предание семьи Пожарских (кар. род *D'osroŀoušina*) из дер. Панозеро, где представителей этого рода называют D'osron Akima, D'osron Rod'о, D'osron Tero (т. е. Аким, Родион, Терентий из рода D'osro). Оно гласит, что основателем рода считается некий D'osro (за этим именем скрывается карельский вариант русского имени Евстрат), у которого, ко всему прочему, были родственники в Новгороде. Таким образом антропоним *D'osroŀo(u)šina* можно понимать, как род D'osro из дома D'osroŀa(ntalo). Следует также заметить, что антропонимы на *-loušina* закрепились в Панозерии всего за 4 родами: Поповыми, Кокковыми, Мошниковыми и Пожарскими, из которых первые два являются самыми многочисленными, а, возможно, и самыми старыми в деревне. При этом два из перечисленных производных на *-šina* образованы от древних карельских нехристианских имен: это *Kokkoŀoušina*, в котором реконструируется древнее прибалтийско-финское личное имя *Kokko* с семантикой 'орел', а также *Meccoŀoušina*, в основе которого карельский антропоним Мессо со значением 'глухарь'. Интересно, что в официальном русском употреблении в первом случае произошло так называемое прямое усвоение, т. е. *Kokkoŀa*, *Kokkoŀoušina* передается как Кокковы, а во втором – перевод: *Meccoŀa*, *Meccoŀoušina* – Мошниковы.

О былом более широком бытовании этого типа на территории Карелии (т. е. с двумя следующими друг за другом суффиксами – карельским местным *-la* и усвоенным из русского употребления *-šina*) позволяют говорить названия полей на *-loušina*, зафиксированные в соседней с Панозером деревне Кургиево, в деревне Шуезеро, а также в двух деревнях Сегозерья – Сельгах и Евгоре: *Rod'оŀoušina*, *Papilošinat*, *Mikkoŀoušina*,

Ok(k)ol'oušina. Возможно, и за ними скрываются бывшие карельские родовые имена. Можно предполагать, что с потерей семантики и выходом из активного употребления карельского суффикса *-la/-la* его функцию передали синонимическому по значению форманту *-šina*.

Анализ структурных топонимных моделей, в частности, рассмотренной модели, и их ареалов важен для выявления конкретных путей, хронологии и условий карельского освоения Беломорья, а также языковых и культурных контактов с русским населением на ранних этапах формирования уникальной этнической группы беломорских карел.

ЛИТЕРАТУРА

- Витов 1962 – Витов М. В. Историкро-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. М., 1962.
- Никонов 1970 – Никонов В. А. О значении форманта *-щина* в северно-русской социальной топонимии // Вопросы изучения северно-русских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970.
- Полковникова 1970 – Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV–XVI веков: однокоренные названия с разными суффиксами // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. № 353. М., 1970.
- Симина 1980 – Симина Г. Я. Географические названия. По материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья. Ленинград, 1980.

.....

А. Г. Мусанов
СЫКТЫВКАР

ПОТАМОНИМЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Территория Республики Коми отличается обилием поверхностных вод, сосредоточенных в водотоках и водоемах самого разнообразного характера. Наибольшего развития достигает речная сеть, основу которой составляют крупные «магистралы» севера Европейской части России: река Печора с ее наиболее крупными притоками – слева Сев. Мылва, Кожва, Ижма, Пижма, Цильма; справа Илыч, Щугор, Уса, Лая, Шапкина, река Вычегда (крупнейший из притоков Северной Двины) с притоками Сысолой и Вымью, Мезень с притоком Вашкой, правые притоки реки Вятки – Кобра и Летка.

В эти крупные артерии впадают многочисленные средние и малые реки, образуя густую речную сеть. К категории средних рек, традиционно относят реки длиной от 200 до 600 км, их более 40. Реки протяженностью меньше 200 км относят к категории малых рек, таких насчитывается 3800, причем 1100 рек имеют протяжение от 10 до 25 км и 2700 рек – от 25 до 200 км. Такое разнообразие рек республики связано, в первую очередь, с

неоднородностью рельефа и геоморфологических условий территории, а также с климатическими особенностями отдельных районов: если на крайнем севере и северо-востоке республики преобладают характерные тундровые реки, то на Урале и Тимане – реки горные – горно-равнинные.

В древности реки были почти единственными и главными путями сообщения, они наиболее прочно осваивались по сравнению с другими географическими объектами. Поэтому исследование речных названий, представляющих важный лексический пласт, весьма актуально, но в то же время представляет собой сложную задачу для исследователя. С течением времени наименования рек часто поддаются фонетическим и смысловым изменениям. Иногда современное название реки не совсем соответствует описываемой им географической реалии. Чтобы восстановить первоначальный облик гидронима, необходим сравнительный анализ субстратных гидролексем, уцелевших в уральских, русских, тюркских языках и диалектах. При этом также необходимо учитывать археологические, исторические, лингвистические и другие данные. Лишь при комплексном изучении возможны более или менее точные варианты интерпретаций происхождения речных названий.

Данная статья посвящена исследованию названий крупных и средних рек (см. Таблица 1). Как следует из материалов Коми топонимической экспедиции, указанные категории рек представляют более пеструю по происхождению карту, в отличие от названий мелких рек и ручьев.

Т а б л и ц а 1
Крупные и средние реки

Река	Притоки	Длина (в км)
Бассейн реки Печоры		
Печора	Ильч	411
	Северная Мыльва	280
	Вель	200
	Лем Ю	220
	Шугор	400
	Большая Кожва	225
	Лыжа	200
	Лая	200
	Ижма	512
	Нерица	160
	Пижма	380
УСА	Цильма	363
	Шапкина	360
	Воркута	162
	Большая Роговая	303
	Адзьва	385
	Лемва	220
	Кось Ю	297
Большая Сыня	300	

Река	Притоки	Длина (в км)
ИЖМА	Ухта	242
	Кедва	200
	Айюва	200
	Сэбысь	236
Цильма	Косма	250
	Тобыш	300
Бассейн Северной Двины		
Вычегда	Нем	260
	Северная Кельтма	162
	Вишера	286
	Локчим	283
	Сысола	404
	Вымь	370
Вишера	Нившера	210
Сысола	Большая Визинга	157
Вымь	Весляна	220
	Елва	230
Северная Кельтма	Прупт	186
Северная двина	Луза	574
Бассейн Волги		
Вятка	Летка	260
	Кобра	204

РЕЧНАЯ ГИДРОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ ПЕЧОРЫ

Река **ПЕЧОРА** берет начало на Северном Урале между горными хребтами Енгилесяхль и Печоръятальяхсяхль, длина около 1814 км. Впадает в Печорскую губу.

Манси Печора называют Песер, Песеръя, где я ‘река’, ненцы – Санэро”яха. Впервые название этой реки упоминается в Начальной летописи 1096 г. в связи с походами новгородцев в Югру. Долгих Б. О. считал, что переданное летописью название *печера* относится к самодийским племенам и происходит от ненецкого *пэа* (*пэ*) ‘лес, лесной’ и *чер* (*чера*) ‘житель, обитатель’, т. е. ‘лесной житель’. Для тундровых самодийцев имеется специальное название *лаптанчера* или *лаптандер* ‘равнинный житель’, которое сохранилось в названии одной родовой группы Лаптандер.

Ылыч (Ылыч, Ылыдз) -правый приток реки Печоры, берет начало из болота, расположенного у подножья возвышенности Тима Из.

А. И. Туркин сравнивает с коми *ыл*, *ылыс* ‘далекий, дальний, отдаленный’, *-ыдз*-суффикс, указывающий на нахождение объекта. Ылыдз «дальняя, отдаленная река». Так реку могли назвать вымские или верхневычегодские охотники, которые здесь имели свои охотничьи угодья и для которых эти места были отдаленными.

В официальном названии звук *ы* в начале слова передан звуком *и*, так как в этом положении он не свойственен русскому языку. Аффриката *дз*, отсутствующая в русском языке, отражается в виде *ч* [Туркин 1986: 40]. Ануфриева З. П. сравнивает с мансийским *ольс* ‘тетива’, предполагая в

истоках названия метафору. Как отмечает исследователь, так манси называли стремительную реку, которая с горы впадает в реку Печору. Хотя река Илыч характеризуется как река узкая и очень извилистая, но она имеет спокойное течение и низкие болотистые берега. Поэтому, вероятно, название можно сопоставить с рус. *ольс* 'болото с зарослями ольхи, частично березы', т. е. 'болотная река', 'река с заболоченными берегами'.
Главные притоки Илыча:

Когель (коми Коккыль) – правый приток, ?< Коккыль, *кок* (в топонимии) 'выступ', 'порог', *-ыль* – суффикс, т. е. «порожистая река», ср. также коми *кокыль, кӧкыль* 'ком, комок в каше, в тесте; молочный ячневый хлеб'; известно, что река Когель имеет пороги (Когель, Изивер и т. д.);

Палью – левый приток, < рус. *пал* ~ *паль* 'лесная гарь', 'место, где специально выжжен лес под пашню', *ю* 'река' – «река (у) лесной гари»;

Мырт Ю – правый приток, < коми *мырд* 'густой, крепкий, насыщенный', *ю* 'река' – «река (в) лесной гуще»;

Большая Ляга (коми Ыджыд Ляга Ёль) – левый приток; иж. уд. *ляга* 'лог, ложбина, лощина', 'выбоина', *ель* 'лесной ручей' – «лесной ручей в ложбине».

Щугор – правый приток реки Печоры, берет начало у возвышенности Саран Из. Манси называют реку Сакуръя или Саккуръя: манс. *сак* 'обвал', *ур* 'гора', *я* 'река' – «река (у) горного обвала». Щугор – река порожистая (наиболее известный порог называется Молебный Кос), с каменистым дном и бурным течением, особенно после впадения в нее реки Пансгорынья (Волоковая). Основные притоки – **Большой Паток** и **Малый Паток**, правые притоки; < рус. *патока* (диалектное *паточина*) 'русло', 'овраг', 'родник'.

Северная Мыльва (коми Печӧра Мыл) – левый приток реки Печоры, вытекает из болота Мыльйыв Куш: ср. манс. *мл*, хант. *мыл* 'глубокий'.

Притоки реки:

Рас Ю – левый приток, < коми *рас* 'березовая роща', *ю* 'река' – «река (у) березовой рощи»;

Нюмылга – левый приток, ?< фин. *niemi*, эст. *neemi*, вепс. *net* 'мыс, полуостров', *ылга* < тюрк. *елга* 'река' – «река с мысами»;

Сойва – левый приток, < коми *сой* 'рукав, приток', *ва* 'вода, река' – букв. «рукав-река».

Вель – левый приток реки Печоры, берет начало на водоразделе с Ижмой из верховных болот. Коми *вель* 'верх, верховье', ср., *Вельпон* (бассейн реки Лузы), д., Вельпон < Вел пон «верхний конец»; *Вельпон ултын лос* (бассейн реки Лузы), ур., *вельпон* 'верхний конец', лл. *улт* (скр. *ув*) 'низ, низина', *ултын* 'внизу', *лос* 'сырой кочковатый луг' – «сырой луг внизу верхнего конца». Основные притоки:

Нибель – правый приток, < вым. *нибель* 'бедренная кость' [КЭСК], в топонимии, возможно, 'приток, ответвление';

Тэбук – правый приток, < вым. *тӧбӧк* 'род мужских котов из камысов', иж. *тӧбек* 'рабочие пимы'; название-метафора [Туркин 1986: 116].

Лем Ю – левый приток реки Печоры, берет начало на моренно-холмистом Ижмо-Печорском водоразделе, сливаясь из целой системы мелких ручьев: < коми *льӧм* ‘черемуха’, *ю* ‘река’ – «черемуховая река».

Кожва (или Большая Кожва, коми Ыджид Кӧжва) – левый приток реки Печоры, берет начало в болотах Ижмо-Печорского междуречья. Верховье реки образуется слиянием двух речек – Белой Кожвы, текущей с запада, и Черной Кожвы, текущей с севера: лл. *кожа* ‘галька, каменистый’, печ. *кӧжа* ‘гравий, почва из мелких камешков с песком’, *ва* ‘вода, река’ – «река, протекающая по каменистой ложе». Основные притоки:

Чикишна – правый приток, ср. фин. *syksy*, кар.-ливв. *šükšü, šüqüzü, šükšü, šüqüzü, šüüš, šüüs, süüš, šivüs, süvüz*, люд. *šüqüz, süqüz, süqüz, süqüs*, веп. *süqüz, šüqüz, süqüz, sigiz*, эст. *süqis*, лив. *si'kš, sü'kš, si'gžd, sü'gžd* = саам. швед. *tjaktja*, мокш. *šokš(ä)*, мар. *šdžd, šize, šdže* [SKES: 1144] ‘осень’, ‘осенняя стоянка’ [Матвеев 1970: 464].

Луза – левый приток, возможно сравнение с правым притоком реки Юг, саам. *лусс* ‘сёмга’ [Матвеев 1980: 160].

Кыдрым Ю – левый приток, ?< рус. *кедр*; *ю* ‘река’ – «кедровая река».

Нерица – левый приток реки Печоры, < нен. *неруць* ‘поросший тальником’ – «река, поросшая тальником».

Уса (коми Усва) – правый приток реки Печоры, берет свое начало в месте слияния двух горных рек: Сарт Ю (Большая Уса) и Сабрейяга (Малая Уса).

А. П. Афанасьев сравнивает *ус* с мансийским словом *ус* со значением ‘нельма’, окончание *-а* возникло под воздействием слова «река». Уса, таким образом – «нельмовая река» [Афанасьев 1995: 149]. Названия в апеллятивном *ус*, *уса* встречаются на разных территориях, например, в бассейнах рек Уфы, Оки, Волги, Днепра и т. д. И поэтому предпочтительнее, видимо, сравнение с тюркским (монг., бур.) *ус* ‘вода, река’.

В реку Усу впадает огромное число малых рек (около 200), наиболее крупные из них:

Колва – правый приток, < фин., кар., веп., вод., лив., эст. *kala*, саам. *kiolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, манс. *кол*, кул, хант. *кул*, венг. *hal* ‘рыба’, *ва* ‘вода, река’ – «рыбья река».

Адзьва – правый приток, < коми *адз* ‘пойма (реки)’, *ва* ‘вода, река’ – «пойменная река».

Кось Ю – левый приток, < коми *кошь* ‘порог’, *ю* ‘река’ – ‘порожистая река’, ср. также *кос* ‘сухой’ – «сухая (мелководная) река».

Большая Роговая – правый приток, < рус. *рог* ‘длинный мыс, коса’.

Большая Сыня – левый приток, < вв. *сыня* ‘сырое место’, ‘место, где стоит ржавая вода, трясина’.

Лемва – левый приток, < коми *льӧм* ‘черемуха’, *ва* ‘вода, река’ – «черемуховая река».

Воркута (ненецкое Варкутаяха) – правый приток, < нен. *варк* ‘медведь’, *варкута* ‘изобилующий медведями (место)’ является причастной

формой от глагола обладания *варкуць* 'изобиловать медведями (о местности)', *яха* 'река' – «изобилующая медведями река».

Сейда – правый приток, < саам. *сейд*, *сейт* 'священный камень, каменное божество (прибрежный камень или часть скалы) на берегу реки или озера'.

Ижма (коми Изьва) – левый приток реки Печоры, берет свое начало на водораздельном Печоро-Вычегодском плато Нальдек Керос. Местные жители (изьватас) объясняют название как «каменистая река», ср. *из* 'камень, каменистый', *ва* 'вода, река, т. е. Изва. М. А. Кастрен считал, что Ижма – финское название и начальная форма ее была Исомаа (Isomaä) 'большая земля'. Он пишет, что русское название Большеземельская тундра или Большая земля, а также ненецкое Аэрка-за 'Большая земля' являются переводами с финского языка.

Интересно сообщение А. К. Матвеева о том, что Ижма можно связать с *ежма*, выступающим в качестве конечного элемента в довольно многих названиях. По его мнению, слово *ижма* (*ежма*) в одном из вымерших языков могло означать просто 'река' или 'приток'. **Основные притоки:**

Ухта (коми Уква, Вуква) – левый приток, значение основы *ухт* окончательно не установлено, но есть две интересные версии: *ухт* 'протока' < манс. *ахт* – 'протока', фин. *окса* 'ветвь' или 'медведь' (фин. *охто*, морд. *овто* 'медведь'). А. И. Туркин сравнивает название Ухта (Вуква) с древнекоми словом *вук* со значением 'левый'. Вуква – 'левая река; река, впадающая с левой стороны', *ва* 'вода, река'. Официальная форма Ухта могла возникнуть от формы Уква, которая позднее была «втянута» в ряд названий на *-та*, встречающихся в этом регионе: Воркута, Инта;

Айюва – правый приток, < коми *ай* (в топонимии) 'главный', *ю* 'река', *ва* 'вода, река' – «главная река»,

Кедва – левый приток, < рус. *кедр*, *ва* 'вода, река' – «кедровая река», для удобства произношения сочетание согласных *-дрв-* упростилось, согласный *р* выпал.

Пижма – левый приток реки Печоры, вытекает из озера Ямозеро, расположенного на Тимане. В 10 км от верховьев Печорской Ижмы проходит Мезенская Ижма. Обе реки соединяются волоком: ср. рус. *пижма* (растение) *Tanacetum vulgare*, *Achillea nobilis* [Даль 1995: 119; Фасмер 1996: 259]. **Главные притоки:**

Умба, ?< Умва – правый приток, ср. манс. *ум* 'река', *ва* 'вода, река';

Вяткина – левый приток, < рус. фамилии Вяткин;

Светлая – левый приток, < рус. *светлый* 'прозрачный, чистый' – «чистая, прозрачная река».

Цильма – левый приток реки Печоры, берет свое начало на Тимане на склонах Косминского камня, где малые реки бассейна Цильма сходятся своими верховьями с реками бассейна Мезени; < рус. *чильма* 'моховое болото, топкий торфяник', 'глубокая яма (окно) на болоте, поверхность которой может быть водяной или моховой; топкое место на болоте, трясина'.

На территории бассейна в основном преобладают хвойные леса и верховые болота. Основные притоки реки:

Тобыш (коми Тобысь) – левый приток, Туркин А. И. считает, что в названии отражено ненецкое название народа *нганасантавыс*. В ненецком фольклоре изредка упоминаются военные или брачные отношения с тавыс (нганасанами). Можно предположить, что в нижнем течении Печоры и в верховьях реки Выми находились какие-то родовые подразделения нганасан, а может быть, тобысь является оненецившимися предками нганасан [Туркин 1986: 110]; **Мыла**, правый приток, < манс. *мил*, хант. *мыл* ‘глубокий’.

Лыжа – левый приток реки Печоры, < нен. *лысу*, *лышсу*, *лыжсу* ‘язь (рыба)’ – «язевая река».

Лая – правый приток реки Печоры, < манс. *лай* ‘малый’, *я* ‘река’ – «малая река».

Шапкина – правый приток реки Печоры, две трети бассейна реки находятся за пределами республики, в тундре за Полярным кругом. Туркин А. И. сравнивает с саамским *шабп (шаб)* ‘сиг’, оформленным русским суффиксом *-на* с принадлежностным значением. Бассейн р. Шапкина характеризуется сильно развитой гидрографической сетью. Река протекает среди многочисленных мелких рек и ручьев со слабо разработанными долинами, а также озерами. Судя по географическому расположению происхождения потамонима можно связывать с хантыйским гидротермином: ср. хант. *сап* ручей, являющийся протокой между озерами и реками’.

РЕЧНАЯ ГИДРОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ ВЫЧЕГДЫ

ВЫЧЕГДА (коми Эжва) – правый приток Северной Двины. Длина около 1130 км, из них по территории Коми Республики проходит 870 км. Берет начало на южной окраине Тиманского кряжа двумя истоками: Войвож «северный приток» и Лунвож «южный приток». Войвож вытекает из болота Дзурнюр, а Лунвож начинается с возвышенности Нальдогерёс. Д. П. Европеус гидроним Вычегда считал одним «из самых замечательных угорских названий местностей России» и толковал его как *уигт-шагет* или *уит-шагет* ‘луговой приток’, сопоставляя с коми Эжва. Ю. Вихман привёл параллели из обско-угорских языков: хант. *вандзи*, *ванча*, *вандза* ‘трава, дёрн’, манс. *вансинг*, *ваансенг* ‘поросший травой’ – «луговая, с травянистая берегами, река». Б. А. Серебrenников поддержал этимологию Ю. Вихмана. Первый элемент *выч-*, по его мнению, звучал как *вич* и в древнемансийском языке имел значение ‘сыроватый луг’. Вторая часть этого названия *-едд(а)* связывается им с *ахт* ‘протока’, которая в языке древних угров могла иметь значение ‘река’, окончание *-а* возникло в русском языке под влиянием согласования в роде со словом *река*. Древний облик названия реки Б. А. Серебrenников реконструирует в виде *вичегде* ‘река, протекающая среди низких сырых заболоченных лугов’. Коми название Эжва происходит от коми *эж* (эжа) ‘трава, дёрн, лужайка,

луг, зеленый покров земли, целина, залежь», *ва* 'вода, река', т. е. Эжва «луговая река».

Южная Мылва – левый приток реки Вычегды, берет свое начало к востоку от Тимана: ср. манс. *мил*, хант. *мыл* 'глубокий'. **Основной приток** – **Бктыль**. Возможно сравнение с коми-пермяцким *ык*, ср. две реки Бк – притоки Яйвы и Иньвы; Бк < фин. *joki*, саам. *jokk*, хант. *ёхан*, *ух*, *ях* 'река', *тыль* < *тый* 'озеро', букв. «река-озеро».

Воль – правый приток реки Вычегды, берет свое начало на плоском водоразделе Очь Пармы из нескольких ручьев, < манс. *воль* 'плёс'.

Сысола (коми Сыктыв, Сыктыл) – самый крупный левый приток реки Вычегды, берет начало в Кировской области, на плоском заболоченном Вятско-Камском междуречье.

А. И. Туркин сравнивает первый компонент *сык* с удорским *сык-одны* 'вязнуть, увязнуть', удорское *сык-авны*, печорское *сык-альны* 'вязнуть, тонуть в тающем, глубоком снегу', верхневычегодское *сык-ооһи*, удорское *сык-ывны* 'портиться снегу при оттаивании, терять прочность, становится вязким, топким', коми-пермяцкое *сик-алэм* 'гнилой'; общепермская форма **suk-*; вторая часть *тыл*, *тыв* отражает древнюю форму слова *ты* 'озеро'. Сыктыл, Сыктыв «река с топкими берегами, вытекающая из озеровидных болот». Далее из формы Сыктыл образовалась современная официальная форма Сысола, предварительно претерпев ряд фонетических изменений. В русском языке под влиянием слова «река» к названию присоединилось окончание *-а*: Сыктыл-а. Под влиянием начального *с*-срединная консонантная группа *-кт-* упростилась: *-т-* выпал, а *-к-* перешел в *-с-*. Так образовалась форма Сыс-ыла. Далее под влиянием народной этимологии, ассоциируясь с личным именем Сысой, Сысол, образовалась форма Сысола [Туркин 1986: 109].

Наиболее крупные притоки реки Сысолы:

Большая Визинга – левый приток, < фин. *vaski* 'медь; содержащий медь сплав; бронза, латунь', кар.-люд. *вашк*, *васьк(и)* 'медь; латунь; медные деньги', веп. *васьк* 'медь', эст. *vask* 'медь; латунь', лив. *вашкь* 'медь', саам. *weike*, *waike* 'латунь', морд.-эрз. *уське*, *виськя*, морд.-мокш. *уське* 'металлическая проволока', удм. *-весь*: *аз-весь* 'серебро', *уз-весь* 'олово, свинец', манс. *-вос*: *атвос* 'свинец', хант. *вах* 'металл, железо; деньги', венг. *vas* 'железо'. Визин – «место, где имеется металл» (коми *in* 'место'). Под влиянием конечного гласного *-i-* *-сь-* озвончился. Визин Ю – «река, протекающая по железоносной местности» или Визега – «железоносная река». В официальном названии Визинга сочетание *-нг-* является рефлексом существовавшего в древнекоми языке задненёбного согласного *-нг-* [Туркин 1986: 17];

Малая Визинга – левый приток;

Лопью – правый приток, < коми (диалектное) *лопу* 'ольха', *ю* 'река' – «ольховая река».

В реку Сысолу впадают около 20 крупных и средних притоков, общее число всех притоков бассейна достигает около 200.

Вымь (коми Емва) – самый крупный правый приток реки Вычегды, истоки находятся в области Среднего Тимана в районе хребта Пок Ю Из. Река имеет 18 притоков, всего в бассейне насчитывается до 70 малых рек.

Гидроним Вымь-Емва обско-угорского происхождения, ср. хант. эмэнг ‘святой, священный’, коми гидротермин *ва* ‘вода, река’ был присоединен позднее. Вымь (Вым) является вариантом слова *ем* (*йм*). Неслововой *в* перед *ы* развился на русской почве из *й*.

Наиболее крупные притоки реки Вымь:

Весляна – левый приток, < коми Вислань; в начале XIX века деревня по-коми называлась Вислань: коми *вис* ‘протока, канал, соединяющий озеро с рекой: озеро с протокой’, *-лань*- суффикс приблизительного падежа, указывающий на направление, движение. Вислань – «по направлению к протоке»;

Елва (коми Ёвва) – правый приток реки. И. К. Инжеватов слово *ёв* сравнивает с эрзянским в значении движущейся воды (реки), коми *ва* ‘река, вода’. Ёвва – «река, где вода не застаивается, а течет», «текущая река». Возможно также сравнение с хант. (диалектным) *ел* ‘ключ, родник’, т. е. Елва букв. «родник-река»;

Пожег (коми Пожогъю) – левый приток реки Вычегды, < рус. *пожег*, *пожега* (устаревшая форма *поджег*) ‘росчисть, чищоба, лесная расчистка, огнище, подсека’ происходит от глагола *поджигать*, *поджечь*.

Яренга – правый приток реки Вычегды, < фин. *järvi*, кар. *järvi*, веп. *järv*, саам. *jävr* ‘озеро’ – «озерная река».

Вишера (коми Висер, Висьёр) – правый приток реки Вычегды, < коми *вис* ‘протока’, *сер* < *чер* ‘река’ – «проточная река». Основной приток – **Нившера** (коми Ньывсер, Ньывсер Ю), левый приток, < коми *ньыв* ‘пихта’ – «пихтовая река».

Северная Кельтма – левый приток реки Вычегды, берет начало на пониженном Северо-Двинско-Волжском водоразделе, ? < коми Койтым, *кой* ‘ток, токовище’, *тым* < *ты* ‘озеро’ – «озеро с токовищем».

Река Северная Кельтма имеет 8 притоков, из них наиболее значительные **Прунт** – левый приток, < рус. *поруб* ‘место, где вырублен лес’; **Вочь** (Верхний (Вылыс) Воч и Нижний (Улыс) Воч), левый приток, < хант. *воц*, *вош* ‘город’; **Воль** – левый приток, < манс. *воль* ‘плёс’. В бассейне насчитывается до 20 малых рек.

РЕЧНАЯ ГИДРОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ МЕЗЕНИ

МЕЗЕНЬ (коми Мозын, Мозым) – река, впадающая в Мезенскую губу. Берет начало с юго-западных склонов Тиманского кряжа в лесистых и болотистых увалах Четласского Камня Коми Республики. Протекает по территориям Коми Республики и Архангельской области. В пределах республики известно около 80 малых притоков, не считая мелких ручьев и речек длиной менее 20 км. Главные притоки – Вашка, Ирва. А. И. Туркин сравнивает местный вариант гидронима Мозым с хантыйским *мосын*

‘нужный, полезный, важный, любимый’, т. е. Мозым «нужная, полезная, важная река». Русское официальное название Мезень, по А. И. Туркину, могло возникнуть от формы Мозын, Мозым. Под ударением *ы* перешел в *е*, который затем уподобил себе *о*. Конечные *нь ~ н ~ м* являются рефлексом задненёбного носового согласного *нг*, некогда существовавшего в финно-угорском языке-основе [Туркин 1986: 70–71].

Большая Лоптюга (Ыджыд Лопи), **Малая Лоптюга** (Пони Лопи) – левый притоки реки Мезень, < коми *лӧп, лӧпт* ‘сор, мусор’ – «река с лесными завалами». Основной приток – **Субач** – правый приток, < саам. *субль (субь)* ‘осина’ – «осиновая река».

Пысса – левый приток реки Мезени, < саам. *пысса, поис, пыис* ‘святой, священный’, *ю* ‘река’ – «священная река».

ВАШКА (коми *Ву*) – левый приток реки Мезени, берет свое начало в болотах Мезенско-Вычегодского водораздела. А. И. Туркин считает, что первоначально название Вашка означало ‘главный, основной приток’ реки Мезени. Далее произошло закономерное изменение *Важ > Важ-ка > Ваш-ка* на русской основе. Местная форма *Ву* восходит к *йу* (орфографически *ю*) ‘река’. Переход начального *й* в *в* закономерно. Название *Ву* означает ‘река’ и в какой-то мере соответствует гидрониму *Вашка*, т. е. «приток-река». Возможно сравнение Удорской Вашки с рекой Вага притоком Двины, < лит. *vaga* ‘борозда, русло реки’, ср. из исторических документов XVII века «Устьвашка волость при устье реки Ваги». На территориях Удорского района Республики Коми и Архангельской области можно встретить несколько одинаковых речных названий, например, три реки с названием Ежуга; в своих верховьях они протекают рядом, но потом расходятся в разные стороны: одна впадает в Пинегу, другая – в Мезень, а третья (её ещё называют Зырянская Ежуга) – в Вашку; реки Ыя (коми *Ы ю*), левый приток р. Вашки, и Выя, левый приток р. Пинеги и т. д.

Ирва – левый приток реки Мезени, берет свое начало в болотах Мезенско-Вычегодского водораздела; < Ёирва (наблюдается выпадение звука *й* в начале слова), *йир* ‘омут’, *ва* ‘вода, река’ – «река с омутами».

РЕЧНАЯ ГИДРОНИМИЯ БАССЕЙНА ЮЖНОЙ ЧАСТИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

ЛУЗА (коми *Луз*) – правый приток р. Юг. В пределах республики река Луза принимает около 40 различных по величине притоков. Наиболее крупные из них: 1) правые притоки Тылай, Сокса, Верхняя Лопью, Ожин, Тулам, Верхняя Ньюла, Верхняя Деб, Поруб, Лёхта; 2) левые притоки Ула, Гыркуль, Солью.

А. К. Матвеев сравнивает гидроним с саам. *лусс* (вторая основа *луз*) со значением ‘сёмга’ [Матвеев 1980: 160].

Тылай, < коми тыла ‘подсека, рощисть’ – «река с подсекой».

Верхняя Лопью, < лл. *лопу* ‘ольха’ – «ольховая река».

Ожин, < лл. *öзын* «‘род’ (ср. скр. *öзын* ‘берег, к которому причаливают или куда выкатывают сплавной лес’, ‘стоянка для лодок, причал, стоянка для лодок, причал; гавань, пристань’).

Тулам, < рус. *тулум*, *тулым* ‘большой камень в реке, перекаст с камнями’; ср. также к-яз. *тулом* ‘речной порог’, тюрк. *tulum* ‘камни, торчащие из реки’.

Верхняя Нюла, < коми *ньыв* (диалектное *ньыл*) ‘пихта’ – «пихтовая река»; ср. также *нюла* ‘сок, выделения, секреция’ [ССКЗД].

Деб, < рус. *деб* ‘наиболее удаленная от деревни часть покоса при его разделе между крестьянами, основная межа, от которой идет отсчет земельных наделов селения; крайняя последняя полоса (земли)’ [Туркин 1986: 28].

Лёхта, < веп. *lähte*, эст. *lätä* ‘колодец’, ‘родник’, ‘прорубь’.

Ула – левый приток реки Лузы, < лл. *ул* ‘низ’ – «река в низовье».

Гыркуль, < коми *гырк* (в топонимии) ‘обрыв’, лл. *ул* ‘под обрывом’.

Соль Ю, < коми *оль* ‘болото’; ‘согра, смешанный березово-еловый лес на заболоченных чокковатых низинах’; с-протетический звук.

Сокса (коми Сöкс) – правый приток реки Лузы, берет начало на водоразделе бассейнов рек Лузы и Летки. Длина около 130 км.; возможно сравнение с фин. *sääksi*, *sääksä* «чайка», эст. *sääsk*, *sääskäs*, *kalasääski* «чайка, морской орёл» [SKES II: 301].

Седка (коми Сьöд Ю) – правый приток реки Лузы, < коми *сьöд* ‘черный’, ‘глубокий’, *ю* ‘река’ – «глубокая река». Главные притоки реки:

Айвож – левый приток, *ай* (в топонимии) ‘главный’, *вож* ‘приток, развилина’ – «главный приток»;

Колью – левый приток, < фин., кар., веп., вод., лив., эст. *kala*, саам. *kuolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, манс. *кол*, кул, хант. *кул*, венг. *hal* ‘рыба’, *ю* ‘река’ – «рыбья река»;

Коловож – левый приток, *вож* ‘приток, развилина’ – «приток рыбьей реки».

Поруб – наиболее крупный правый приток реки Лузы, < рус. *поруб* ‘место, где вырублен лес’.

ЛЕТКА (коми Лет Ю) – крупный правый приток реки Вятки, берет начало в области Вятско-Лузского водораздела; < ср. кар. *liete*, веп. *lete* ‘песок, низкий песчаный берег’ – «(река) с низким песчаным берегом». Основные притоки реки:

Волосница – правый приток, < рус. *волость*; см. аналогичные названия в бассейне р. Мезени со значением ‘край, конец деревни’;

Березовка – правый приток, рус. *береза*, *-овка* – суффикс;

Мутница (коми Мутнича) – < рус. *мутница* ‘мутная вода; мелководная и с медленным течением река, русло которой завалено завалами’;

Талица (коми Талича) – правый приток, < рус. *талица* ‘незамерзающий родник, не покрывающийся льдом ручей, река, озеро’.

Кобра – правый приток реки Вятки, < рус. *кобра* ‘заболоченная влажная местность с еловыми и сосновыми зарослями’.

Таким образом, этимологический анализ потамонимов позволяет выявить следующие по происхождению пласты наименований: 1) собственно

коми; 2) русские; 3) прибалтийско-финско-саамские; 4) обско-угорские; 5) ненецкие.

Собственно коми речные гидронимы разбросаны по всей территории Республики Коми и представляют традиционные структурные и семантические типы (Льём Ю, Адзьва и тд.). Они наиболее многочисленны и составляют 33% из всех рассмотренных названий рек.

Русские по происхождению потамонимы территориально ориентированы, преобладают в основном в местах компактного проживания русского старожильческого населения и составляют 25,6% от общего количества речных названий.

Речные гидронимы прибалтийско-финско-саамского происхождения равномерно распределены по юго-западной территории Республики Коми: в низовьях рек Вычегды, Выми, верховьях Мезени и в бассейне реки Лузы и составляют 18,2%.

Обско-угорские (хантыйские и мансийские) потамонимы зафиксированы в верховьях рек Вычегды и Печоры и составляют 18,2%.

Ненецкие по происхождению речные гидронимы локализованы в северо-восточной части Республики Коми: на средней и нижней Печоре, в бассейнах рек Адзьвы, Ижмы, Колвы, Усы, Цильмы и в верховьях реки Выми и составляют 4,9%. В действительности ненецких потамонимов намного больше, но в основном это реки, относящиеся к категории малых.

Необходимо также отметить, что существует ряд потамонимов (Ижма, Уса и т. д.), которые трудно пока отнести к одному определенному по происхождению языку.

ЛИТЕРАТУРА

- Туркин 1986 – Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
Матвеев 1980 – Матвеев А. К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980.
Даль 1995 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М., 1995.
Фасмер 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Санкт-Петербург, 1996.

СОКРАЩЕНИЯ

- 1) В названиях объектов: д. – деревня
- 2) В названиях языков и диалектов: иж. – ижемский диалект коми языка, уд. – удорский диалект коми языка, вв. – верхневычегодский диалект коми языка, скр. – присыктывкарский диалект коми языка, лл. – лузско-летский диалект коми языка, рус. – русский язык, бур. – бурятский, венг. – венгерский, веп. – вепеский, вод. – водский, кар. – карельский, комиП. – коми-пермяцкий, манс. – мансийский, мар. – марийский, мокш. – мокшанский, монг. – монгольский, морд. – мордовский, нен. – ненецкий, эст. – эстонский, саам. – саамский, тюрк. – тюркский, кар.-ливв. – ливвиковский (карельский), хант. – хантыйский, удм. – удмуртский язык, фин. – финский, швед. – шведский, эрз. – эрзянский.

И. С. Галкин
Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ ИСТОКА И УСТЬЯ РЕКИ

Прежде чем осветить данную проблему, мы решили сравнить термины, использующиеся для названия частей реки в различных уральских и соседствующих с ними языках. Сравнение показало, что устье и исток реки называются по-разному не только в разных языках, но иногда даже в диалектах. В чем причина такого разнообразия? Связано ли оно с языковыми контактами или же местными, чисто диалектными различиями, возникшими вследствие их отдаленности друг от друга?

Рассмотрим эти термины в современных уральских, тюркских, индоевропейских языках. Начнем с истока реки, ее начала.

В марийском языке исток реки обозначается главным образом тремя словами: *мучаш* 'конец', *вуй* 'голова; конец', *вож*, *важ* 'корень; жила; разветвление; исток': *энер мучаш* 'исток реки, речки' (букв. 'конец, верхушка реки, речки'), *айгыр вуй* 'исток речки' (букв. 'конец, верхушка, голова речки'), *энер вож* 'корень реки'.

Слово *мучаш* употребляется как для обозначения верховья, истока реки, так и для обозначения верхушки деревьев, конца участков и предметов, ср. *Какшанмучаш* 'верховье, исток р. Кокшаги', *Шуймучаш* 'верховье, исток р. Шуй', *куэ мучаш* 'верхушка березы', *пасу мучаш* 'конец поля', *пырня мучаш* 'конец бревна', *менге мучаш* 'конец, верхушка столба'. Слово же *вуй* 'голова; конец, вершина, верхушка' употребляется для обозначения истока реки и верховья реки только в горном наречии, ср. *Арийынгывуй* 'верховье Малой Юнги'. В других же диалектах марийского языка оно обозначает конец предмета, участка, носок, колос, передок чего-либо, маковку, вершину, верхушку, ср. *парня вуй* 'кончик пальца', *йыран вуй* 'конец или начало грядки', *маке вуй* 'головка мака', *тер вуй* 'передок саней', *уржа вуй* 'колос ржи', *чулка вуй* 'носок чулка', *курук вуй* 'вершина горы', *пушенге вуй* 'верхушка дерева', *черке вуй* 'купол церкви', *кож вуй* 'верхушка ели' и т. д., но не исток и верховье реки.

Иногда в некоторых местах вместо слов *мучаш* 'конец' и *вуй* 'голова' для обозначения истока реки может употребляться слово *памаш* 'ключ, родник', ср. *Какшан памаш* 'исток р. Кокшаги', букв. 'родник р. Кокшаги'.

Интересно отметить то, что названия поселений на *мучаш* 'конец' в большинстве своем расположены на луговой, левой стороне р. Волги, в восточной половине территории Республики Марий Эл. Их мы насчитали

около тридцати: *Шуармучаи, Шулемучаи, Шуймучаи, Энермучаи, Шолнермучаи, Пузымучаи, Ирмучаи, Какшанмучаи, Яраньмучаи, Ош-ламучаи, Нужмучаи, Китньымучаи, Сардамучаи, Пильмучаи, Лажмучаи, Тумьюмучаи, Пукшалмучаи, Кожвожмучаи*. На горной же стороне мы нашли лишь один ойконим на *мучаи* (мычаш) – это *Пынгельмычаш*. Однако, хотя верховье, исток, конец реки у горных марийцев обозначается словом *вуй* ‘голова; верхушка’, ойконимов с этим словом мы обнаружили только четыре: *Кушил Арйынгывуй, Ул Арйынгывуй, Кожсважвуй, Ангырвуй*. На луговой же стороне Марий Эл названий с *вуй* ‘голова; верхушка’, связанных с рекой, нет вообще.

Слово *вож* (*важ*) ‘корень; жила, исток’ в топонимии встречается также весьма редко. Нами обнаружено всего пять названий населенных пунктов, из них два на горной стороне, три – на луговой стороне Марий Эл, ср. д. *Шактенваж*, д. *Кожсваж*, д. *Изи Кожсвож*, д. *Кузу Кожсвож* и д. *Энервож*.

Естественно, возникает вопрос, почему для обозначения истока реки в марийском языке, в его диалектах употребляются различные слова: *мучаи* ‘конец’, *вуй* ‘голова’, *вож* ‘корень’, и ни одно из них не получило широкого распространения в топонимии? Почему ни одно из указанных слов не стало в значении ‘исток реки’ общемарийским, широкоупотребительным? Есть ли что-то общее в таком наименовании в других родственных и неродственных языках?

Употребление разных слов для обозначения истока реки в марийских диалектах можно объяснить их территориальной разобщенностью в древности. Этим же объясняется их необщемарийский характер, хотя в речи они понятны всему марийскому народу. Но более интересно другое – это причина употребления разных по семантике слов для обозначения одного и того же понятия. Корень этой причины, нам кажется, находится не в территориальной разобщенности, а в чем-то более существенном, связанном с процессом расселения населения.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим материалы других языков. В мордовских языках для названия истока реки используется как и в горном наречии марийского языка слово *пря* ‘голова’. Ср. эрз. *лей пря*, мокш. *ляй бря* ‘исток реки’. В пермских языках эту роль выполняет слово удм. *йыл*, коми *йыв* ‘верхушка; вершина; макушка’. В прибалтийско-финских языках исток реки обозначается словами эст. *allikas* ‘источник; ключ, родник’ или *algus* ‘начало’, фин. *alkulähde* ‘исток’, букв. ‘начало родника, источника’, ср. *lähde* ‘источник, ключ, родник’ от *lähteä* ‘уходить, удаляться, выходить’, ср. мар. *лекташ, лэктäиш* ‘выходить, выйти’. Таким же образом называется исток реки и в венгерском языке, ср. *forrás* ‘исток’, букв. ‘источник, ключ, родник’ или ‘кипение’ от *forrni* ‘кипеть, клоко-тать’. В мансийском языке для названия истока реки используется слово *талях* ‘верхушка, вершина, острие’. Ненецкое название истока реки весьма сходно по семантике с луговомарийским: *мал* ‘конец, вершина, верхушка; исток; верховье’, ср. *яха мал* ‘исток реки’, букв. ‘конец реки’.

В соседствующих с марийским чувашском и татарском языках исток реки обозначается словами чув. *пуç* ‘голова’, тат. *баиш* ‘голова’, равно как в горном наречии марийского языка и в мордовских языках.

В русском языке слово *исток* В. Даль связывает с глаголом *истекать* и дает толкование «начало, верх, исход реки, ручья; место и самые живцы, ключи, составляющие вершину потока» [Даль]. Как видно из приведенных данных, полного единства в семантике исходных слов, послуживших основой для наименования истока реки в родственных и неродственных языках, нет. Такая общность в основном наблюдается в мордовских, татарском, чувашском языках и в горном наречии марийского языка. Семантика исходного слова лугового наречия марийского языка *мучаши* ‘конец’ одинакова, как ни странно, с семантикой исходного слова ненецкого языка *мал* ‘конец’. Общее же исходное для всех диалектов марийского языка слово *вож* (*важ*) ‘корень’ уже почти не употребляется в значении ‘исток реки’ и не находит себе соответствия с таким значением ни в одном из родственных языков. Нет и в неродственных языках случая употребления слова с семантикой ‘корень’ в значении ‘исток реки; источник’. Общность семантики исходного слова (‘голова’) в мордовских, татарском, чувашском и горном наречии марийского языка объясняется, как нам кажется, языковым контактированием. Сходство семантики исходных слов в венгерском и немецком языках, ср. венг. *forrás* ‘исток, источник, ключ, родник’, букв. ‘кипение, клокотание’ от *forrni* ‘кипеть, клокотать’, нем. *Quelle* ‘исток, источник, ключ, родник’, букв. ‘просачивание’ от *quellen* ‘сочиться, просачиваться; бить ключом’, по-видимому, нельзя объяснить влиянием немецкого языка. Подобное название могло возникнуть в самом венгерском языке, как, например, в марийском *Какшан памаш* ‘Исток реки Кокшага (Какшан)’, где *памаш* ‘ключ, родник’.

Многообразны и термины, использующиеся для названия устья реки. В одних языках исходным словом для него служит анатомический термин со значением ‘рот’, в других – ‘корень’, в третьих – ‘отверстие’, в четвертых – анатомический термин ‘горло’. Так, в марийском языке исходным словом для обозначения устья реки явилось слово *ан* ‘отверстие; горловина’, которое этимологически восходит к монгольскому *аң* ‘щель, трещина, расщелина’, через чув. *ана* ‘отверстие, проем’ [Егоров]. В мордовских языках исходным словом является производное от глагола *прамс* ‘впадать’, *прамо* ‘впадение’, которое этимологически связано с марийским *пураш*, коми *пырны*, удм. *пырыны* ‘зайти’, венг. *férni* ‘помещаться’ [КЭСЯ: 237], ср. мар. *пурьмо*, *пурьмаш* ‘вход’. В пермских языках нет единства в названии устья реки. В удмуртском языке исходным словом является *вож* ‘корень’, в коми языке – анатомический термин *вом* ‘рот’. В угорских языках также нет единства. В марийском языке исходным словом служит *сунт* ‘отверстие’, которое этимологически связывают с марийским *шу* ‘отверстие’, ср. *имышу* ‘ушко иглы’, фин. *sui* ‘рот’ [SKES]. В венгерском языке слово для обозначения устья реки является

производным от глагола *torkollni* ‘впадать’, *torkolat* ‘впадение’. В ненецком языке исходным словом является *ня’ав* ‘отверстие, дыра’.

В соседних тюркских (чувашском, татарском) языках также нет единообразия в исходных словах, послуживших названием устья реки. Так, в чувашском языке в этой роли выступают три слова: анатомический термин *пыр* ‘горло’, биологический термин *вӑрӑ* ‘семя’ и *кӑк* ‘корень’. Причем, для обозначения устья больших рек используются термины *пыр* ‘горло’ и *вӑрӑ* ‘семя’, для речек же – *кӑк* ‘корень’. В татарском языке исходным словом является анатомический термин *тамак* ‘горло’, что отразилось в некоторых говорах восточного наречия марийского языка, ср. *Чолман логар* ‘Устье реки Чолман’.

В индоевропейских языках наименование устья реки восходит к анатомическому термину, означающему *рот, ротовое отверстие*. Так в русском языке слово *устье*, как пишет М. Фасмер, произошло от слова *уста* ‘рот, губы’ [Фасмер]. Немецкое *mündung* ‘устье’ также связано со словом *mund* ‘рот’, поэтому *Flußmündung* букв. ‘рот реки’, т. е. ‘устье реки’.

На географической карте России можно найти немало отгидронимных ойконимов, урбонимов на русском языке, связанных со словом *устье*, например: с. *Усть-Белая* в Магаданской обл., с. *Усть-Вага* в Архангельской обл., *Усть-Воя* в Республике Коми, *Усть-Вымь* в Республике Коми, *Усть-Пинега* в Архангельской обл., *Усть-Кундыш* в Республике Марий Эл и т. д.

Тут сразу же возникает вопрос. Почему же на всей былой и теперешней территории расселения марийцев нет ни одного географического объекта, связанного со словом *ан, ӱнг* ‘устье’ (букв. ‘отверстие, горловина, проем, жерло’)? Даже пос. *Усть-Кундыш* не имеет марийского названия **Кундышан*. Нам кажется, основная причина здесь заключается не в семантике слова, а в способе и направлении расселения марийского населения. Марийцы, основным средством существования которых являлись охота и рыболовство, в первую очередь расселялись по берегам небольших рек, недалеко от русла местях, но не на устье. Поэтому только на территории Республики Марий Эл мы встречаем более 70 названий населенных пунктов, связанных со словом *энер, ӱнгыр* ‘река, речка’: *Ошманэнер (Ошманенер)* в Ронгинском с/с Советского р-на, букв. ‘Песчаная река’; *Нужэнер (Нуженер)* в Михайловском с/с Советского р-на, букв. ‘река Нужа’; *Куанэнер (Кинер)* в Токтамыжском с/с Сернурского р-на, букв. ‘Каменная река’; *Кучыкэнер (Кучукенер)* в Нижнекуренском с/с Сернурского р-на, букв. ‘Короткая речка’; *Ошлаэнер (Ошлангер)* в Старокрещенском с/с Оршанского р-на, букв. ‘речка Ошла’; *Йошкарэнер (Красная речка)* в Немдинском с/с Новоторьяльского р-на; *Мызэнер (Мизинер)* в Яраморском с/с Новоторьяльского р-на, букв. ‘Куропаточная река’; *Элекэнер (Элекенер)* в Коркатовском с/с Моркинского р-на, букв. ‘река Элека’; *Йошкарэнер (Краснояр)* там же; *Пелэнер (Пеленгер)* в Шойбулакском с/с Медведевского р-на, букв. ‘река Пель’; *Лусэнер (Люсинер)* в Карлыганском с/с Мари-Турекского р-на, букв. ‘Хвойная речка’; *Кужэнер*

(*Куженер*) в Куженерском с/с одноименного р-на, букв. ‘Длинная или Долгая речка’; *Кукиэнер* (*Кукиенеры*) в Именецком с/с Звениговского р-на, букв. ‘Сухая речка’; *Шунянгыр* (*Шунангер*) в Кузнецовском с/с Горномарийского р-на, букв. ‘Глиняная речка’; *Важынянгыр* (*Важинангер*) в Виловатовском с/с Горномарийского р-на, букв. ‘речка с развилкой’; *Шугарэнер* (*Шугаренер*) в Сотнурском с/с Волжского р-на, букв. ‘Могильная речка’; *Полатэнер* (*Полатенер*) в Карамасском с/с Волжского р-на, букв. ‘река Полата’ и т. д.

Ойконимов, связанных со словом *энер*, *янгыр* ‘река, речка’, больше на луговой стороне Марий Эл, нежели на горной. На горной стороне ойконимов на *энер*, *янгыр* ‘река, речка’ имеется лишь пять. Подобные ойконимы встречаются в Нижегородской области, ср. д. *Вякиенер*, д. *Казанер*, д. *Куженер* в Тоншаевском р-не; д. *Письменер*, д. *Кугинер*, д. *Шимнер*, д. *Кугунер* в Воскресенском р-не. В несколько фонетически измененном виде несколько ойконимов мы находим в Костромской области, ср. пос. *Ухтынгирь* в Ведровском с/с Кадышсконо р-на; д. *Ингерь* в Носковском с/с Пыщугского р-на; д. и с. *Заингирь* в Кужбальском с/с Нейского р-на; д. *Левангер* в Юрьевецком р-не Ивановской обл. В Кировской области, в основном на ее южной половине мы находим десяток подобных наименований, ср. д. д. *Верхний* и *Нижний Пузинерь* в Лебяжском р-не; д. *Пинженерь* в Уржумском р-не; д. *Алинерь* в Кильмезьском р-не; д. *Кинерь*, д. *Куженерка*, д. *Пукишнерь* в Малмыжском р-не; д. д. *Старый* и *Новый Пинигерь* в Вятско-Полянском р-не. Кроме того, четыре населенных пункта мы находим на юге Удмуртии в Кизнерском р-не, это с. *Кизнер*, д. д. *Старая* и *Новая Кизнерка*, д. *Асинер*.

Если принять во внимание то, что названия в Костромской и Ивановской областях, особенно на *ингирь*, частично могут быть мерянскими, то на других территориях в их марийском происхождении сомневаться не приходится.

Выше мы отмечали, что марийцы обычно не поселялись на устьях рек, ибо эти места при весеннем половодье могли легко быть затопляемыми. Движение населения, видимо, шло по руслам больших рек. Это и обуславливало появление многочисленных названий поселений, связанных со словом *мучаи* ‘конец, верхушка’. Так как основой реки понималось его приустье, то для этого употреблялось и ныне нередко употребляется слово *тун*, *тынг* ‘основание, комель’, хотя ойконимов с этим словом всего три: *Мушкыдун* (*Нижняя Мушка*) в Сердеевском с/с Сернурского р-на, *Шойдун* (*Шойдум*) в Русско-Шойском с/с Куженерского р-на и *Йорынгтынг* (*Козиково*) в Козиковском с/с Юринского р-на. Все эти деревни расположены на левобережье р. Волги в центральной и западной части республики.

Весьма интересным является то, что в Республике Коми около тридцати названий населенных пунктов имеют в своем составе слово *дин* ‘комель’, чего нет совершенно на территории Удмуртии, ср. с. *Уньядін* (*Усть-Унья*), с. *Ыльдыдін* (*Усть-Пожег*), с. *Немдін* (*Усть-Нем*), с. *Куломдін* (*Усть-Кулом*), с. *Емдін* (*Усть-Вымь*), д. *Вачортдыдін* (*Усть-*

Вачерга) и т. д. Это, по-видимому, совершенно не случайно. Древние мари́цы и предки коми-зырян, по всей очевидности, когда-то имели контакты. Совершенно не случайно археологи находят много общих элементов в материальной культуре мари́цев и коми-зырян. Мари́цы впоследствии явились главной причиной разделения прапермян на коми и удмуртов. О том, что предки удмуртов занимали только восточную половину территории нынешней Республики Марий Эл, говорят также топонимы *Одоилем* ‘Жилище удмуртов’ в Оршанском р-не и *Одобеляк* ‘Участок земли с жилищами удмуртского рода’ в Куженерском р-не. *Бöляк* по-удмуртски означает ‘сосед, соседи; родня, родственник, родственники’. Об участии предков удмуртов в формировании мари́йского народа, таким образом, говорить, нам кажется, не представляется возможным. Они лишь частично могли быть ассимилированы мари́цами на восточной части территории нынешней Республики Марий Эл и на территории Кировской области, граничащей с Марий Эл. Поэтому будет вернее искать истоки мари́йского народа среди предков мери, муромы и мордвы, нежели среди предков коми и удмуртов. Не случайно поэтому и в языковом отношении мари́цы занимают промежуточное положение между пермяками, мордвой и прибалтийско-финскими народами..

ЛИТЕРАТУРА

- Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1956.
Егоров – Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973.
SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja, IV. Helsinki, 1969.

.....
О. П. Воронцова
Й о ш к а р - О л а

ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛУГОВЫХ И ГОРНЫХ МАРИ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ¹

Мари́йский этнос, как предполагают археологи, формировался на территории Среднего Поволжья от Поветлужья на западе до Волго-Вятского междуречья на востоке и прилегающих районах правобережья Волги. Эта область была своеобразной контактной зоной между западными и восточными финноязычными племенами. В настоящее время на данной территории проживают представители двух наречий: горного и лугового. Каждая из них по своим интралингвистическим

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 96-04-06421).

признакам подразделяются на ряд говоров. Указанные наречия друг от друга отличаются лексическими, фонетическими и грамматическими особенностями. Специфика в словарном составе проявляется в том, что в диалектах лексика представляет собой довольно пестрое сочетание исконных слов и заимствований, вошедших в разное время из разных источников и нередко вытеснивших собственно марийские элементы.

Именно эти особенности, на первый взгляд, разъединяют топонимическую систему республики Марий Эл на территории проживания горных и луговых мари. Однако, пристальное рассмотрение географических названий дает возможность найти большое количество однотипных топонимов и их вариантов.

Марийский язык не имеет древних письменных источников, поэтому топонимы являются ценным материалом для истории языка, т. е. в них нередко сохраняются реликтовые черты языка.

Географическое название – слово, и как все слова, оно подчиняется законам языка, а не физической географии, причем топонимика не изобретает собственных средств, а пользуется теми, какие существуют в языке, хотя отбирает лишь ничтожную малую долю их [Никонов 1965: 66]. Так, топонимика позволяет усмотреть развитие и эволюцию языка, миграцию и этнические связи самого народа.

На примере топонимических параллелей горных и луговых марийцев мы можем рассмотреть их связи и очертить территорию, занимаемую древними мари:

Гидроним **Арбаш** – фонетические варианты: **Арбаж, Арбач, Арпач, Арбакш** – встречаются как две самостоятельные реки в басс. р. Илети и басс. р. Волги, пр. р. Малого Кундыша, пр. р. Рутки, пр. р. Вятки, речка в Котельничском р-не Кировской области.

Гидроним **Арюю** пр. р. Б. Кокши, пр. р. Усты (басс. Ветлуги), пр. р. Б. Кокшаги.

Гидроним **Вая** – пр. р. Усты (басс. Ветлуги) и пр. р. Ижа (басс. Вятки).

Гидроним **Ижда** – пр. р. Вятки, пр. р. Усты (басс. Ветлуги).

Топоним **Икша (Икса)** – пр. р. Ветлуги, пр. р. Б. Кокшаги, речка в Горномарийском и Волжском р-нах озеро в Волжском, Звениговском и Юринском р-нах, две деревни в Юринском р-не.

Гидроним **Кодам (Кадам)** – пр. р. Кордемки (басс. М. Кокшаги), Б. Кодем и М. Кодем – притоки р. Рутки.

Гидроним **Каргамаска** – пр. р. Лажа (басс. Немды) и пр. р. Волги.

Гидроним **Кожвож** – пр. р. Илети, пр. р. Волги.

Гидроним **Нольо (Ноля, Нолько)** – пр. р. Лажа, пр. р. Байсы, пр. р. Уржумки, пр. р. Немды (басс. Вятки), пр. р. Рутки, пр. р. М. Кокшаги и пр. р. Ветлуги (басс. Волги).

Гидроним **Немда** – пр. р. Пижмы, пр. р. Вятки, пр. р. Волги.

Гидроним **Немдеж** – пр. р. Немды, пр. р. Вятки, пр. р. М. Кокшаги.

Гидроним **Роя (Ройка)** – пр. р. Рутки, пр. р. Ветлуги, пр. р. Вятки.

Перечисленные примеры – лишь небольшая часть финно-угорских топонимов – параллелей, встречающихся на территории проживания луговых и горных марийцев, иногда и на территории проживания марийцев, говорящих на северо-западном наречии.

Часто в названиях Республики Марий Эл встречаются топонимы, состоящие из нескольких компонентов – один из которых финно-угорский апеллятив, а другой – топоформант:

ин- (ср. морд. **ине** ‘большой’): **Инея** – пр. р. Люнды (басс. Ветлуги) и деревня в Горномарийском р-не, **Иньса** – пр. р. Вятки, оз. **Инча** – в Моркинском р-не, р. **Инеса** – басс. М. Кокшаги;

меж- (ср. коми **медж** ‘излучина, дуга реки’): р. **Межа** – пр. р. Унжи (басс. Илети), р. **Межовка** – пр. р. Ветлуги;

кум- (ср. коми **кума** ‘омут, водоворот’): р. **Кумью (Кумья)** – пр. р. Ветлуги, р. **Кумуж** – пр. р. Илети, р. **Кумышевка** – пр. р. Ветлуги, р. **Кума** – пр. р. Юронги, пос. **Кумъяреченский** в Килемарском р-не, оз. **Кумъяр** – в Горномарийском р-не, **Кума** – лесоучасток в Юринском р-не;

какша (кукша, кокша) (ср. хант. **когэ** ‘трясина, топь’, **са, ша** – гидроформант, ср. ненец. **се** ‘река, проток’): р. **М. Кокшага** и **Б. Какша** – пр. р. Ветлуги, есть еще шесть небольших речек на территории Марий Эл

Интересен пример гидронимов с апеллятивом **ар** в значении «маленький»: р. **Арийнгы** (оф. **Малая Юнга**) – пр. р. Волги, р. **Арийнгы** (оф. **Арюнга**) – речка в басс. Волги.

Апеллятив **ар** ‘маленький, молодой’ указывает на существование другой реки с компонентом **Йингы** (оф. Юнга) – пр. р. Волги. Гидронимы **Люнда** – пр. р. Ветлуги и **Алюнда** – пр. р. Б. Толмани также являются гидронимической парой. Под влиянием сонорного л детерминанта Люнда в названии Алюнда из лексемы **ар** выпал дрожащий согласный **р**.

Апеллятив **мор (морко)** – довольно часто встречается в топонимах республики: р. **Морква** – пр. р. Усты, р. **Мор** пр. р. Байсы, пос. **Морки** и дер. **Изи Морко** – в Моркинском р-не, дер. **Моркангаш** (оф. **Морканаш**) – в Звениговском р-не, дер. **Моркэнгер** – в Сернурском р-не, дер. **Моркыял** (оф. **Моркиялы**) в Волжском р-не, дер. **Моркэнгер** (оф. **Манкинер**) в Параньгинском р-не, **Тыгыде Морко** – в Моркинском р-не.

Рассмотренные выше топонимы и апеллятивы этимологизируются посредством финно-угорских языков, из них марийские корни у слов: **ар** ‘маленький, молодой’, **икса/икша** ‘залив, проток, старица’, **морко**: **мор** ‘куча, курган, холмик’ + **ко** < **ку** ‘камень’.

Современные марийские апеллятивы и географические термины активно принимают участие в номинации географических объектов и при этом топонимические пары в местах проживания луговых и горных марийцев.

Существуют топонимические параллели, где один из компонентов марийский географический термин, или же объект называется термином без дополнительного поясняющего слова:

ер/йяр ‘озеро’: **Ер** – озеро в Моркинском р-не, **Ердур** – дер. в Медведевском р-не, **Ераш куп** – болото в Моркинском р-не, **Ердур** – (оф. **Старый Юрдур**) в Моркинском р-не, **Ерикса** – речка в Волжском р-не, **Йярикса** (оф. **Эрикша**) – озеро в Килемарском р-не;

куп ‘болото’: **Купсола** – семь деревень в Медведевском, Сернурском, Куженерском, Ново-Торъяльском, Моркинском и Звениговском р-нах, **Куплонга** – дер. в Килемарском р-не, **Купйяр** (оф. **Купьер**) – озеро в Мари-Турекском р-не;

курык ‘гора’: **Кырыктыр** (оф. **Большая Арда**) в Килемарском р-не, **Курькымбал** – дер. в Моркинском и Советском р-нах;

олык ‘луг’: **Олыкъял** (оф. **Б. Олыкъял**) – дер. в Волжском р-не, **Олыктур** (оф. **Мари Луговая**) – дер. в Звениговском р-не, **Алыктыр** – дер. в Горномарийском р-не;

энгер/янгыр ‘река’: **Энгерымбал** – дер. в Мари-Турекском р-не, **Энгеръял** (оф. **Инерьялы**) – дер. в Звениговском р-не, **Энгервал** (оф. **Энервал**) – дер. в Куженерском р-не, **Важынянгыр** (оф. **Важнангер**) – дер. в Горномарийском р-не;

нур/ныр ‘поле’: **Нурмучаш** – дер. в Сернурском р-не, **Нырмычаш** – дер. в Горномарийском р-не, **Пёртанур** – дер. в Волжском и Параньгинском р-нах, **Пёртаныр** – дер. в Горномарийском р-не, **Кугунур** (оф. **Поле Кугунур**) – дер. в Параньгинском р-не, **Кугунур** (оф. **Сухоречье**) – дер. в Медведевском р-не, **Кугунур** – четыре деревни в Звениговском, Ново-Торъяльском, Советском и Оршанском р-нах, **Когоныр** (оф. **Мидаково**) – в Горномарийском р-не;

ял/йял ‘деревня’: **Шургыял** – дер. в Советском р-не, **Шыргыял** – дер. в Горномарийском р-не, **Памъял** – дер. в Звениговском р-не, **Памйял** – дер. в Горномарийском р-не.

Существуют топонимические параллели русского происхождения:

Александрово – дер. в Горномарийском р-не, **Александровка** – четыре деревни в Волжском, Медведевском, Оршанском, Советском р-нах; **Петропавлово** – дер. в Килемарском р-не, **Петропавловка** – дер. в Советском и Медведевском р-нах; **Покровск** – дер. в Оршанском р-не, **Покровское** – две дер. в Горномарийском р-не, **Покровский** – дер. в Оршанском, Советском и Моркинском р-нах; **Воскресенск** – дер. в Советском р-не, **Воскресенский** – дер. в Советском и Волжском р-нах; **Владимирское** и **Вознесенск** – деревни в Горномарийском р-не.

Эти названия возникли в период христианизации края и связаны с церковными праздниками, названиями церквей, христианскими собственными именами. Если финно-угорские топонимы возникли в период миграции марийцев с одного региона в другой, при непосредственном участии мигрантов, то русские топонимы – параллели случайны, они появлялись локально, без непосредственного участия марийцев. Ибо русские топонимы привнесены на данную территорию церковными служителями и русским населением.

Русские названия впоследствии в марийской речи естественным образом перетерпевали фонетические изменения, но при официальном (письменном) употреблении оставались без изменений: **Афонькино** (мар. **Охонянсола**) – дер. в Горномарийском р-не, **Андрюшенки** (мар. **Антри починга**) – починок в Сернурском р-не, **Покровское** (мар. **Похросола**) – село в Горномарийском р-не.

Активное образование топонимических параллелей происходило как в гидронимии, так и в ойконимии, при этом подчиняясь марийской топонимической системе.

Топонимические пары рассматриваемого региона могут обнаруживать антонимные отношения. В них определения-лексемы могут выражать полярные понятия, относящиеся к национальному составу: Русский – Мари – Татар – Чуваш; хронологии основания: Новый – Старый; к местоположению в пространстве: Нижний – Средний – Верхний; к величине: Малая – Средняя – Большая.

Кроме этого топонимические параллели могут вступать в синонимические отношения благодаря морфологическим синонимам: **ер** ~ **ла** мар. суффиксы в собирательном (множественном) значении: **Шопкер** – деревни в Моркинском и Сернурском р-нах, **Шопкела** – дер. в Медведевском р-не и **Шапкилә** – дер. в Горномарийском р-не.

Из рассмотренного можно сделать вывод, что луговые и горные марийцы, разговаривая на разных диалектах, имели тесные связи, сохранили при этом этническую общность и на топонимическом уровне. Называя географические объекты, они руководствовались общими топонимическими принципами: сохранили неизвестные им топонимы без изменений, иногда подчиняя их своей топонимической системе: **Памъял** – дер. в Звениговском р-не и **Памйял** – дер. в Килемарском р-не, **Кымью** (оф. Кумья) – село и р. Килемарском р-не и **Кумуж** – р. в басс. Илети; присоединяли марийские лексемы и топонимообразующие суффиксы к иноязычным названиям: **Кувервуй** – дер. в Медведевском р-не и **Кывервуй** – дер. в Горномарийском р-не; образовывали свои географические термины и названия, некоторые из них сохранили прозрачность перевода и сейчас: **Кугусола** (оф. **Б. Чигашево**) – дер. в Медведевском р-не, **Когосола** (оф. **Троицкий Посад**) – дер. в Горномарийском р-не, **Курыктур** – дер. в Волжском р-не, **Кырыктыр** – дер. в Килемарском р-не, **Кукшнур** – дер. в Моркинском р-не, **Кукшыныр** – дер. в Горномарийском р-не, **Изнгер** (оф. **Малая Речка**) – дер. в Медведевском р-не, **Изийгыр** – речка в Горномарийском р-не и др.

Луговые и горные марийцы, называя географические объекты, использовали одни и те же принципы номинации и структурного оформления, при этом подчинялись единой марийской топонимической системе.

Из рассмотренного следует, что луговые и горные марийцы и по сей день не утратили своих связей и составляют единую языковую и этническую общность.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов 1967 – Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.) // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Галкин 1991 – Галкин И. С. Кто и почему так назвал? Рассказы о географических названиях Марийского края. – Йошкар-Ола, 1991.
- Казанцев 1967 – Казанцев Д. Е. К вопросу о разделении мари на горных и луговых. Общая и отличительная лексика горного и лугового наречий марийского языка // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 мая 1969 года. Йошкар-Ола, 1969.
- Никонов 1965 – Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.

.....

Н. Н. Мамонтова
Петрозаводск

КАРЕЛЬСКАЯ ОЙКОНИМИЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Объектом рассмотрения являются названия населенных пунктов на территории Республики Карелия: городов, поселков городского типа, сел, деревень, карельских по происхождению и по употреблению. Это вполне согласуется с содержанием научного термина «ойконим» – «вид топонима. Собственное имя любого поселения, в т.ч. городского типа – астионим и сельского типа – комоним» [Подольская 1978: 93]. Слово «ойконим» происходит от двух греческих слов: ойкос ‘обиталище, жилище’ + онима ‘имя’. Закономерности возникновения ойконимов, их развития и функционирования изучает ойконимика – раздел науки топонимики. Безусловно, в число ойконимов входят названия полустанков, железнодорожных станций, разъездов, бывших хуторов, число которых было значительным в Карелии в начале прошлого столетия [СНМ 1928, СНМ 1935].

Следует заметить, что некоторые исследователи, в частности А. В. Суперанская, включают в разряд ойконимов также названия улиц, исходя из того, что часть из них образована от названий сел и деревень, вошедших в черту того или иного города в качестве его пригородов [Суперанская 1985: 64], что особенно очевидно на примере больших городов (Москвы, Санкт-Петербурга и др.). Среди названий улиц многих современных городов представлены данные в честь городов-героев, городов-побратимов и иных чем-либо близких – по расстоянию или по духу – населенных пунктов. С этой точки зрения они могут представлять интерес для изучающих ойконимию, однако принципы номинации большинства улиц, площадей и тому подобных объектов все же существенно отличаются от названий поселений, и поэтому едва ли правомерно относить их к ойконимам.

На территории Карелии в настоящее время находится 12 городов и около 600 сельских населенных пунктов [АТУ 1996]. Их численность год от года сокращается, о чем свидетельствуют следующие цифры: в 1979 г. в Карелии было 742 населенных пункта, в 1959 г. – 1553, а в 1939 г. – 2973 поселения [Клементьев 2002: 48]. По разным причинам исчезают поселения (в результате военных действий, неправильной политики отнесения некоторых из них к так называемым неперспективным), постепенно стираются в памяти их названия, вместе с которыми теряется и вся историко-культурная информация, заложенная в них.

Помимо резкого сокращения числа ойконимов в Карелии, наблюдается еще одна тенденция, напрямую связанная с этнополитической ситуацией в республике и с проблемами национально-государственного строительства. По материалам переписи 1989 года, в Карелии проживало более 100 национальностей, в том числе 73,6% русских, 7% белорусов, 3,6% украинцев и других переселенцев. Доля прибалтийско-финского населения Карелии составляет немногим более 10%, из них карелов – 10%, вепсов 0,8%, финнов 2,3% [Клементьев 2002: 48]. Происходит постепенная языковая и этническая ассимиляция этих народов, в особенности карелов и вепсов, что проявляется даже на ойконимическом уровне.

Как известно, коренными жителями Карелии являются карелы, давшие в качестве титульного народа название нашей республике, и вепсы. Они издавна населяли территорию нашей республики, оттеснив к северу более ранних ее аборигенов – саамов. Гораздо позднее с IX–XI веков карельскую землю осваивали русские, мирно уживаясь на ее просторах с местным населением. Об этом убедительно свидетельствует, наряду с данными других наук, топонимия Карелии, включая ойконимию.

С момента вхождения карельских земель в состав русского государства официальным языком здесь был и остается русский язык. Все делопроизводство велось на нем, поскольку карельский и вепский языки до 1920–1930-х годов и даже позже были бесписьменными. Имеются многочисленные свидетельства постепенного усвоения и переработки русским языком местных географических названий Карелии [ПКОП]. Ситуация изменилась определенным образом после революции 1917 года, особенно в период национально-государственного строительства в бывшем СССР в 1920–1930-е годы. С момента образования Карельской Трудовой Коммуны (1920 г.), преобразования ее в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (1923 г.), а затем в Карельскую АССР (1926 г.) функции второго официального языка в Карелии стал выполнять финский язык, распространенный в определенной степени среди карел Северной Карелии благодаря ее торговым связям с Финляндией. Но он был непонятен южным карелам (ливвикам и людикам). Руководство республикой в те годы осуществляли в основном «красные» финны, приехавшие из Финляндии. Провозглашенные советской властью принципы равноправия народов, их культуры и языков они свели к политике «финнизации» вместо того, чтобы создавать условия

для социально-культурного и этнического развития карел и вепсов. В процессе языкового строительства 1920–1930-х годов и позднее неоднократно менялись взгляды и подходы к развитию письменности на карельском и вепском языках. Эти языки объявлялись «некультурными» в отличие от «культурных» русского и финского, их обучение в карельских школах переводилось то на карельский язык, то на финский или русский. В Конституции КАССР 1937 г. официальными языками признавались русский, финский и карельский [подробнее об этом см. Клементьев 2002: 52–57].

Видимо, под влиянием благоприятных в определенный исторический период обстоятельств были изданы в 1928 и в 1935 годах наиболее полные списки населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 и 1933 годов) [СНМ 1928, СНМ 1935]. Их особенностью являлось то, что большинство ойконимов приводились на трех языках: официальные формы на русском и финском, а в местах компактного проживания карелов и вепсов – их карельские и вепские названия (на латинской графике): рус. Корби-наволоок – фин. Korpieniemi – кар. korbiniemi¹ (Нялмозеро); рус. Перт-наволоок – фин. Pirttiniemi – кар. pert'niemi (Кончезеро); рус. Конеч-остров – фин. Saarenpää – кар. šoarenpeä (Реболы); рус. Рая-сельга – фин. Rajaselkä – кар. raiaselgü (Погранкондуши); рус. Сярги-лахта – фин. Särkilahti – кар. särgilahti; рус. Вехку-сельга – фин. Vehkuselkä – кар. Vehkuselgä (Вешкелицы); рус. Сямозеро – фин. Säämäjärvi – кар. säämärvä (Сямозеро); рус. Реболы – фин. Repola – кар. rebol'a.

С одной стороны, очень важно приводить народные, испокон веков употребляемые названия, с другой, у ойконима, как и у любого другого географического названия, есть одна главная функция – служить адресом, а адрес должен быть максимально точным, без вариантов. Варианты названий в данном случае являлись определенным излишеством, избыточной информацией. Видимо, требовались время и квалифицированные специалисты, чтобы упорядочить карельскую (и вепскую) ойконимию и единообразить их употребление. Но было выбрано другое, более простое и отнюдь не самое верное решение: оставить функционировать только русские традиционные ойконимы, что и представлено во всех последующих справочниках административно-территориального деления (АТД). В этом выразилось определенное пренебрежение к национальному достоянию карел и вепсов со стороны русскоязычного населения нашей республики и прежде всего ее властных структур. Даже в постперестроечное время, когда утверждалось новое название республики – Республика Карелия (1991 г.), что как бы утвердило историческую роль карелов как титульного народа, в области карельской ойконимии и шире – топонимии положение оставалось прежним. И это имело место в тот период, когда немало делалось для возрождения национального самосознания карелов, вепсов, финнов, для сохранения и развития их языков и культур. Нельзя сказать, что такое положение устраивало карел. На самых первых собраниях Союза карельского

---

¹ Написание сохраняется таким, какое приводится в Списках населенных мест.

народа, на съездах карел неоднократно звучали призывы вернуть из небытия в официальные сферы карельские названия мест. Более радикально настроенные представители карельской общественности выдвигали требование заменить вообще все русские названия на карельские (там, где они были). Естественно, что это явилось в какой-то степени ответной реакцией на нежелание власть имущих придать карельскому языку статус государственного языка, и все же такое решение проблемы крайне нежелательно и, естественно, вызывает только определенную национальную конфронтацию. Дело в том, что исторически сложившаяся система русских именовании в Карелии обслуживает все русскоязычное население не только Карелии, но и за ее пределами, и было бы совершенно несправедливо отказываться от русских топонимов, которые освещены давними традициями их употребления [Мамонтова 1988]. Думается, лучшим решением вопроса был бы возврат прежних карельских (и вепских) названий и употребление их наряду с русскими (а не вместо них), как это принято в Финляндии (фин. *Turku* и шв. *Åbo*). Это касается в первую очередь ойконимов – названий населенных пунктов, поскольку они в силу своей социальной значимости занимают особое положение в сердцах и душах людей (это и место рождения и место жительства каждого, и нам далеко не безразлично, какие названия окружают нас).

Нельзя сказать, что карельская ойконимия не изучалась: достаточно вспомнить работы финских топонимистов, есть ряд публикаций в сборниках научных статей, изданных в Институте языка, литературы и истории, подготовлена рукопись «Карельская ойконимия» [подробнее см. Мамонтова 1995].

Задачей сегодняшнего дня является создание нормативного справочника ойконимов Карелии, включая карельские, вепские, финские и русские формы. Правда и тут все не просто. Сегодня с повестки дня не снимаются вопросы о статусе карельского языка, быть ли ему или не быть государственным языком в Карелии, создавать или не создавать единый карельский язык. В зависимости от их решения карельские ойконимы или будут иметь одну литературную форму, или же будут представлены на двух существующих наречиях карельского языка – собственно карельском и ливвиковском, но без людиковского (?). Видимо, созданная при Государственном комитете по делам национальной политики РК терминологическая комиссия должна уделить внимание всем этим вопросам, или же требуется создание особой комиссии по названиям.

Ойконимы, как и другие группы географических названий, являются своеобразными памятниками духовной культуры, языка и истории народов, их создавших. Именно поэтому крайне необходимо бережное отношение к ним, а главное единство, четкость и стабильность в их употреблении.

ЛИТЕРАТУРА

- АТУ – Карельская АССР. Административно-территориальное устройство (на 1 января 1996 г.). Петрозаводск, 1996.
- Клементьев 2002 – Клементьев Е.И. Карелия: штрихи к этнополитическому портрету (история и современность) // Этнопанорама, № 1. 2002.

- Мамонтова 1988 – Мамонтова Н.Н. К вопросу о традициях и традиционных топонимах. / На материале топонимии Карелии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988.
- Мамонтова 1995 – Мамонтова Н.Н. Из истории изучения топонимии Карелии // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995.
- Мамонтова 1991 – Мамонтова Н.Н. О структурных типах карельской ойконимии (первичные и вторичные ойконимы) // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991.
- ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Подольская 1978 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
- СНМ 1928 – Список населенных мест Карельской АССР (По материалам переписи 1926 года). Петрозаводск, 1928.
- СНМ 1935 – Список населенных мест Карельской АССР (По материалам переписи 1933 года). Петрозаводск, 1935.
- Суперанская 1985 – Суперанская А.В. Что такое топонимика? М., 1985

М. Э. Рум

Екатеринбург

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД РУССКИМИ «БАБАМИ» И СААМСКИМИ «ДЕВУШКАМИ» В НАРОДНОЙ АСТРОНИМИИ

Хотя античное название *Плеяды* задает в научной астрономии образ женщин (девушек) – дочерей Плейоны – по отношению к звездному скоплению в созвездии Тельца, в целом массив народных астрономов Европы, связанных с этим объектом звездного неба, разрабатывает иные представления: наиболее популярными оказываются идеи гнезда, птицы, высиживающей птенцов, или решета (ср. болг. *Квачка*, нем. *Klukhenne*, франц. *Poussinière*, укр. *Квочка* ‘наседка’, рус. *Гнездо*, *Утиное Гнездо*, *Курица с цыплятами*, чешск. *Kuřatka*, эст. *Kukekene* ‘цыплята’, румын. *Găinișă* ‘тетерка’, латыш. *Sietinš*, литов. *Sietynas*, финск. *Seulaset* ‘решето, сито’ и др.). Впрочем, этими образами не исчерпываются представления, конкретизирующие, в сущности, одно – представление о скученности, о «кучке» (ср. рус. *Кучки*, польск. *Кира*, *Курка*, *Gromadka*, где идея «скученности» находит наиболее прямое выражение), и каждый народ находит ему свое оригинальное конкретное воплощение.

Среди этих отмеченных оригинальностью названий выделяется русское *Бабы*, польск. *Baby*, укр. *Баби*. С одной стороны, они, казалось бы, предлагают чисто славянскую параллель античному образу. Отметим, что женские образы на славянском звездном небе занимают достаточно существенное место – ср. отмечаемые М. Гладышовой представления об

Орионе, как о косцах и идущих за ними женщинах, сгребаящих сено, находящее, по мнению польской исследовательницы, соответствия также у сербов и румын [Gladyszowa 1960: 34–35, 44], а также укр. *Дівчина з відрами*, болг. *Мома с бачари за вода*, *Мома с кобилица* и перекликающиеся с ними названия, основанные на образе коромысла (рус. *Коромысло*, белорус. *Каломысло*, *Каромыселко* и т. п.), также чаще всего связанные с Орионом. Вырисовывается некая жанровая сценка: девушка, идущая к колодезю за водой (ср. еще рус. *Колодец*, укр. *Колодіц* и т. п.) под наблюдением собравшихся в кучку женщин (баб).

С другой стороны, большое количество славянских (прежде всего русских) названий, отождествляющих Плеяды с земледельческими объектами (ср. рус. *Стожары*, *Грудки* и т. п., где развивается идея укладки снопов или стогавица на поле/лугу), заставляет исследователей по-иному трактовать астроним *Бабы* и связывать его с *баба*, *бабка* 'укладка снопов в поле' [СРНГ 15, 22].

Есть и иные варианты трактовки: так, Г. Ф. Ковалев сочувственно цитирует Э. Г. Азим-заде, интерпретирующего польское *Baby*, *Babki* как 'возвышенность' [Азим-заде 1980: 97; Ковалев 2002: 221] и, в свою очередь, обращаясь к русским названиям Плеяд *Волосянка*, *Волосыни* и под. и сопоставляя их с *Бабы*, отмечает, что «такое сочетание волос и возвышенности можно в какой-то степени реконструировать только как название женского лобка» [Ковалев 2002: 221] (отметим, однако, что для большей убедительности этой интересной гипотезы хорошо было бы, чтобы «сочетание волос и возвышенности» наблюдалось бы в астрониме, а не в воображении исследователя).

Возвращаясь к чисто «бабьему» истолкованию астронима *Бабы*, обратим внимание на существование аналогичного образа в астронимии народов Сибири: ср. коряк. *Бамьс qatьmkьп*, чукот. *Навыскатьемкын* 'группа девушек', эским. *Arnarajegyт* 'группа женщин'. С одной стороны, этот образ вполне эквивалентен русскому, украинскому и польскому «бабы», с другой стороны, говорить о каком-либо генетическом родстве не приходится вообще, а предположение о взаимодействии астронимических систем также не выглядит многообещающим, учитывая достаточно поздний контакт славян и сибирских народов и древний характер астронима *Бабы* (отмечается у Срезневского [Срезневский 1989: 37]¹). Остается предположить типологическую общность образа.

Новый аспект проблемы вносят, на наш взгляд, саамские данные, где также задействован образ женского сообщества. Правда, видение саамов предполагает не «баб», а «девушек». Астроним *Nijdi kerrigaj* для Плеяд В. В. Чарнолуцкий переводит как 'девушки пляшут' [Чарнолуцкий 1930: 48] или 'играющие девушки' [Чарнолуцкий 1965: 77]. Э. Лагеркранц приводит астронимы *nië:j тта-кёе:rrі* к, *-кёе:rrі* уа, вполне созвучные

¹ Отметим однако, что современные исторические словари астроним не приводят.

приводимому В. В. Чарнолуcским, переводя их как ‘Mädchengerichtshof’ [Lagercrantz 1939: 525], что мы позволим себе истолковать как ‘группа сплетничающих (судящих, судачащих) девушек’. Саамский(ие) астроном(ы) позволяет возвратитe русскому и польскому названиям Пляяд собственно «женское» значение – ведь вопрос о контакте русских и саамов не требует доказательств, а характер саамского астронома исключает «сельскохозяйственное» или «ландшафтное» толкование. С другой стороны, возможно предположить, что именно саамские данные связывают воедино славянские и сибирские астрономы как астрономы некоего «северного» типа (о наличии такового мы уже писали [Рут 1987; Рут 1993: 137–142 и др.]).

При этом, однако, нельзя не обратить внимание на различную интерпретацию женского образа в саамских и сибирских названиях: у саамов девушки «играют», «судачат», в то время как сибирский звездный миф представляет группу девушек как «шесть молодых женщин, ожидающих мужей», на одной из которых мечтает жениться «Кривоспинник» (созвездие Ориона), но они его прогоняют². Перед нами либо собственно саамский вариант, либо развитие и одновременно упрощение исходного древнего образа, отрыв его от мифа (хотя отголоски его сохраняются – названия саамов как бы продолжают ситуацию: прогнали незадачливого жениха и сплетничают, смеются, шутят и т. п.).

Русское название *Бабы*, каким бы по исходному представлению оно ни было, несомненно, испытало на себе влияние саамских астрономов. Естественно, что это может касаться только севернорусских фиксаций астронома, и у нас нет оснований уверенно говорить о закреплённости его лишь на севере русской территории – против этого украинские данные (подчеркнем все же, что на славянских землях астроном фиксируется еще только у поляков, и именно от них он мог проникнуть и в украинские говоры). В этой связи нельзя не привести полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета, иллюстрирующие наличие вполне отвечающих саамскому образу мотивов в русском астрономе, ср.: «Посмотришь на небо – звездочки плотно, как будто бабы собрались кучкой сплетничать, так Бабами и звали звезды-те» (Ленский р-н Архангельской области, д. Большой Остров), – где мотивировка практически точно повторяет перевод Э. Лагеркранца для саамского астронома. Интересно в этом смысле замена *сплетничающих девушек* на *баб* (для русского менталитета это более привычная связь). С другой стороны, севернорусские данные позволяют говорить о стремлении отразить в названии и «девичью» семантику, сопровождая ее приращением новых семантических нюансов, ср.: *Семь Сестер* – Пляды: «Густо-густо звездочки, как девки пугливые. Семь сестер грудкой, не расстаются» (Междуреченский р-н

---

² Именно таким образом, по свидетельству В. Г. Богораза, представляют небесные объекты чукчи [Богораз 1939: 25].

Вологодской области, д. Тютелево; астроним фиксируется также в Грязовецком районе Вологодской области).

Если все же признать за астронимом *Бабы* исходное «сельскохозяйственное» значение (что вполне отвечает общей направленности в восприятии славянами звездного неба как небесного поля/луга), невозможно отказать от вывода, что на астроним *Бабы* «Плеяды» на Русском Севере несомненное воздействие оказали саамские названия и саамское видение объекта.

ЛИТЕРАТУРА

- Азим-Заде 1980 – Азим-заде Э. Г. К сопоставительному анализу славянских и тюркских названий созвездий // Советское славяноведение. 1980. № 1.
Богораз 1939 – Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 2: Религия. Л., 1939.
Ковалев 2002 – Ковалев Г. Ф. Ономастические этюды. Воронеж, 2002.
Рут 1987 – Рут М. Э. Русская народная астрономия. Свердловск, 1987.
Рут 1993 – Рут М. Э. Взаимодействие языков и трансформация образной ономастической модели в астрономии // Этимологические исследования. Вып. 5. Екатеринбург, 1993.
Срезневский 1989 – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М.: 1989. Т. 1, ч. 1.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л.: 1966.
Чарнолуцкий 1930 – Чарнолуцкий В. В. Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930.
Чарнолуцкий 1965 – Чарнолуцкий В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965.
Gladyszova 1960 – Gladyszowa M. Wiedza ludowa o gwiazdach. Wroclaw, 1960.
Lagercrantz 1939 – Lappischer Wortschatz von E. Lagercrantz. T. 1. Helsinki, 1939.

.....
Н. Г. Зайцева
Петрозаводск

ТРИАДА ВОЗВРАТНОГО СПРЯЖЕНИЯ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Действие, совершаемое субъектом и направленное на субъект же, называют возвратным. В прибалтийско-финских языках существует значительное количество словообразовательных суффиксов, придающих глаголам значение возвратности, например: фин. *peseytyä* ‘умываться’, *kotiutua* ‘возвращаться домой’, кар. *ligavuo*, ‘пачкаться, мараться’, веп. *verduda* ‘сердиться’, *süveneda* ‘углубляться’. Глаголы данного типа спрягаются также, как и прочие глаголы; в них лишь наличествует значение возвратности, при котором существенную роль играет связь между действием и субъектом. Наряду с этим в ряде прибалтийско-финских языков

возник грамматический способ передачи значения возвратности – возвратное спряжение, характеризующееся особым набором лично-числовых форм, особой парадигмой спряжения. Причем очевидно, что соответствующая почва для формирования возвратного спряжения сложилась уже в прибалтийско-финском языке-основе, поскольку либо элементы возвратного спряжения, либо само спряжение в его наиболее развитом виде имеются, по крайней мере, в нескольких родственных языках: вепском, карельском, ижорском, восточных говорах финского языка.

Возвратное спряжение в грамматике вепского языка выделялось уже в трудах ученых XIX века. Так, в работе Х. Хунфалви [Ujfalvy 1875: 36–38] представлено возвратное спряжение глаголов *anttas* ‘даться’, *tehtas* ‘сделаться’, *saupertas* ‘закрыться’ во всех наклонениях. В его работе наиболее любопытен момент, касающийся лично-числовых окончаний множественного числа. В современном южновепском, а также отчасти средне-вепском диалекте, имеется различие между парадигмой единственного и множественного чисел (*mina peze-moi* ‘я моюсь’; *mõ peze-moiš* ‘мы моемся’), в то время как в некоторых других говорах оно нивелировано. В материалах Х. Хунфалви разница в формах также наличествует: *anda-moi* ‘(я) дамся’ и *anda-moisei* ‘(мы) дадимся’. Отмеченная разница в системе окончаний дает возможность объяснения их современного состояния: дифтонг *-ei* из состава лично-числового окончания *-mois(ei)* отпал; оставшийся на конце окончания *-s* > *-š* (или *-ž*) после *-i*. В позиции после *-i* в вепском языке отмечается переход *s* > *š* (*ž*) во многих словоформах, как глагольных (напр.: *mänižin* ‘(я) пошел бы’, но *kasarzin* ‘(я) вырубил’), так и именных (*mecas* ‘в лесу’, но *kodiš* ‘дома’). Таким образом, вариант более древнего лично-числового окончания *-moisei* достаточно легко позволяет объяснить его сегодняшнее состояние *-moiš*.

Довольно подробные таблицы возвратного спряжения представлены и в работе Й. Синней [Szinneyi 1881: 430–433]. По своему построению возвратные формы, приведенные в его работе, полностью совпадают с формами у Х. Хунфалви.

Позднее по способам передачи возвратности, среди них как одному из способов – *возвратному спряжению* и его происхождению – в той или иной степени различные идеи выдвигали многие лингвисты из Финляндии. Такие языковеды, как Э. А. Тункело [Tunkelo 1924], Л. Кеттунен [Kettunen 1943: 422–424], Л. Пости [Posti 1961: 1980], С. Сухонен [Suhonen 1974], Й. Койвисто [Koivisto 1990] и др., в разное время высказывались по проблемам сложения отдельных компонентов возвратного спряжения в прибалтийско-финских языках, среди них – и в вепском языке.

Известный эстонский языковед Т.-Р. Вийтсо, посвятивший одну из своих работ выражению плана содержания прионежского диалекта вепского языка, склонен был выделять *возвратный залог* [Viitso 1968: 150]. А. Кяхрик же, занимавшаяся углубленным исследованием языка южных вепсов, настаивала на *возвратном спряжении*. Поскольку в

вепском языке имеется две группы глаголов, у которых каждое лицо обладает двумя различными окончаниями, то можно, как справедливо утверждает она, с полным основанием говорить об *основном* спряжении и *возвратном* спряжении [Кяхрик 1978: 267–268].

В отечественных исследованиях по языку вепсов проблемы возвратного спряжения не подвергались серьезному и специальному изучению. В статье М. М. Хмяляйнена, первом, по сути дела, полном отечественном очерке по грамматике вепского языка [Хмяляйнен 1966: 91–92], речь идет о *возвратных формах* глаголов. Этот же термин используется и в грамматической справке, приложенной к словарю вепского языка [СВЯ: 737], а также М. И. Зайцевой в ее «Грамматике вепского языка» [Зайцева М. И. 1981: 275–283].

На наш взгляд, более правомерен термин «возвратное спряжение», поскольку в языке существуют не только разрозненные возвратные глагольные формы, а особая полная парадигма из совокупности лично-числовых окончаний. Мы называем ее *парадигмой возвратного спряжения* в противовес *парадигме основного спряжения*. Возвратное спряжение в вепском языке чаще всего свойственно тем глаголам, которые могут иметь прямой объект: *minä pezen modod* ‘я умываю лицо’ и *minä pezemoi* ‘я моюсь (или умываюсь)’. Однако, очевидно, не без влияния русского языка, и многие непереходные глаголы также обладают в вепском языке парадигмой возвратного спряжения: *tämbei astuse hondoin*, *g’augan kibištāb* ‘сегодня плохо идетя, нога болит’; *mina ajeldamoi kodihe päiväiçi* ‘я съезжу домой в течение одного дня’.

Таким образом, в вепском языке исторически сформировалось *возвратное спряжение*, обладающее по отношению к *основному спряжению* особыми лично-числовыми окончаниями; последние прослеживаются как в положительных, так и в отрицательных формах (напр. *peze-moi* ‘(я) моюсь’, *peze-toi* ‘(ты) моешься’, *peze-soi* ‘(он) моется’, *en peste* ‘(я) не моюсь’, *peste* ‘(ты) мойся!’, ср.: *peze-n* ‘(я) мою’, *peze-d* ‘(ты) моешь’, *peze-b* ‘(он) моет’, *en peze* ‘(я) не мою’, *peze!* ‘(ты) мой!’ и т. д.).

Обе группы спряжений в вепском языке имеют точки соприкосновения:

- 1) во многих формах они обладают одинаковой лексической основой, которая также у различных групп глаголов может быть только гласной, краткой или долгой гласной, либо гласной и согласной: *peze-n* ‘(я) мою’ – *peze-moi* ‘(я) моюсь’; *kaika-toi* ‘берегитесь’; *sop-ka-has* ‘пусть они одеваются’;
- 2) у них одни и те же показатели наклонений: имперфекта, императива, кондиционала, и те же условия присоединения их к лексической основе глаголов, например, для сравнения глагол *pesta* ‘мыть’ и *pestas* ‘мыть-ся’: *pez-i-n* ‘(я) мыл – *pez-i-moi* ‘(я) мылся’; *pez-iži-n* ‘(я) мыл бы’ – *pezi-iži-moi* ‘(я) мылся бы’; *pes-ka-t!* ‘мойте!’ – *pes-ka-toiš* ‘мойтесь!’;
- 3) обе группы глаголов обладают одинаковым количеством времен в наклонениях и имеют одну и ту же модель их (*pezemoi* – 1 л. ед. числа

презенса индикатива; *pezimoi* – имперфект; *olen peznus* – перфект; *olin peznus* – плюсквамперфект);

- 4) в свою очередь, временные формы возвратных глаголов воплощают в себе и сходное противопоставление в значении.

Исходя из анализа истории происхождения лично-числовых показателей возвратного спряжения в вепском языке, можно сделать любопытные наблюдения, которые свидетельствуют об их тройственной природе.

В качестве триады мы рассматриваем:

- 1) наличие лично-числовых окончаний (*veremoi* ‘(я) ложусь’, *veretoi* ‘(ты) ложишься’, *verese* ‘(он) ложится’ и т. д.);
- 2) существование особого суффикса форм 2 лица единственного числа императива и отрицательных форм ед. числа индикатива, который мы трактуем как показатель возвратной основы (*verde!* ‘(ты) ложись!’, *ala verde!* ‘(ты) не ложись!’; *en verde* ‘(я) не ложусь’, *ed verde* ‘(ты) не ложишься’, *ei verde* ‘(он) не ложится’);
- 3) функционирование в ряде форм особого единого показателя возвратности *-š (-s)* (*em vergoiš* ‘(мы) не ложимся’, *et vergoiš* ‘(вы) не ложитесь’, *ei vergoiš* ‘(они) не ложатся’; *em vernus* ‘(мы) не ложились’, *et vernus* ‘(вы) не ложились’, *ei vernus* ‘(они) не ложились’ и т. д.).

Первый момент названной триады связан с появлением особых лично-числовых окончаний. Данное явление вполне объяснимо, ибо спряжение и должно базироваться, прежде всего, на лично-числовых окончаниях. Оно в данном случае параллельно основному спряжению, которое также обладает особыми лично-числовыми окончаниями. Лично-числовые окончания возвратного спряжения, также как и основного, по своему происхождению связаны с личными местоимениями. Отличие заключается в том, что каждое лично-числовое окончание основного спряжения (за исключением формы 3 лица, которая по своему происхождению – бывшая форма причастия актива) связано по происхождению с соответствующим личным местоимением (*-n* < *minä*; *-d* < *sinä* (*tinä) [Серебренников 1974: 75; Основы 1974: 316–320; Nakulinen 1979: 249]. При этом лично-числовые окончания как единственного, так и множественного числа обязаны своим происхождением первому слогу личных местоимений *единственного* числа. Различение же единичности и множественности произошло исторически при помощи древнего признака множественности *k (напр.: 1 л. мн. числа *-m* < **-kmV**k*; 2 л. мн. числа *-d* < **-ktV**k* [см., напр., Nakulinen 1979: 250]).

Лично-числовые окончания возвратного спряжения связаны по своему происхождению с личными местоимениями *множественного* числа (например, веп. *-moi* < **-(m)mek*; *-toi* < **-(t)tek* [Posti 1980: 132]). Кроме того, предполагается, что на формирование системы лично-числовых окончаний возвратного спряжения могли повлиять посесивные суффиксы также множественного числа [Кяхрик 1978: 273–274], которые по своему внешнему виду, например, в вепском языке,

поразительно напоминают лично-числовые окончания возвратного спряжения (ср. *minä pezemoi* ‘я умываюсь’ и *meidamoi* ‘нас самих’). О данной взаимосвязи говорил и известный финно-угровед, знаток вепсского языка Л. Пости [Posti 1980: 133]. В принципе, изложенное умозаключение не вызывает возражений, хотя и не совсем понятно, почему в формировании системы возвратных лично-числовых окончаний единственного числа приняли участие личные местоимения и, возможно, посессивные суффиксы именно множественного числа. Вполне возможно, что сказалась «занятость» личных местоимений единственного числа в формировании лично-числовых окончаний основного спряжения.

Фонетическая оформленность лично-числовых окончаний возвратного спряжения в диалектах вепсского языка достаточно пестра, напр., **сев.:** *minä katamei* *pöul* i *milei läm liinob* (Kask, NÄKM: 167) ‘я укроюсь шубой, и мне тепло будет’; *mina sinunke makseičemei* (Pr, Kettunen 1943: 431) ‘я с тобой дружу’; *muga minä sötameiki* (Št) ‘так я и кормлюсь’; **срд.:** *mina üu hal’g herastelemoi* (Pnd, СВЯ: 116) ‘я ночью часто просыпаюсь’; *vähäine varasta ka vastoimoi* *min’ä* (L, NÄKM: 393) ‘подожди немного, я попарюсь’; *sinnä veromī, sörouno ozutasī i nägusī* (VI) ‘я туда улягусь, и все равно покажется и привидится’; **южн.:** *mä hänespää kaičeme* (Sod, СВЯ: 170) ‘я его оберегаюсь’; *godišek, mä, basib, sobime* *mužikal’žihe sobihe* (Čg, NEV I: 78) ‘погоди-ка, говорит, я переоденусь в мужскую одежду’; *muga möst spravime* (Ars, NEV I: 11) ‘так я опять выздоровела’. Как свидетельствуют примеры, внутри лично-числовых окончаний отмечаются гласные **-о-** и **-е-**. Для средневепсского диалекта характерен вариант окончания **-moi**; в южновепсском диалекте повсеместно встречается вариант окончания **-me**. Гласный **-е-** в составе лично-числового окончания отмечается в северновепсском диалекте и куйско-войлахотских говорах средневепсского диалекта. Можно, тем не менее, полагать, что это явление в названных говорах более позднего порядка: они характеризуются сужением дифтонга **-oi-** и даже превращением его в монофтонг (*abideičeze*, ср. *abidoičese* ‘(он) обижается’; *em tulgi*, ср. *em tulgoi* ‘(мы) не придем’).

И, таким образом, лично-числовые окончания единственного числа противопоставляются по линии южновепсский диалект – средневепсский и северновепсский диалекты. Причем исследователи возвратного спряжения полагают, что в южновепсском диалекте представлен более древний порядок вещей [см., напр., Kettunen 1960: 48; Koivisto 1990: 131].

При формировании системы возвратного спряжения сказалось действие второго фактора триады возвратности: существование единого показателя, который присоединился к уже имеющимся лично-числовым окончаниям единственного числа (*mö peze-moi+š* ‘мы умываемся’, ср. *mina pezemoi* ‘я умываюсь’; *tö peze-toi+š* ‘вы умываетесь’, ср. *sina pezetoi* ‘ты умываешься’; *hö peze-soi+š* ‘они умываются’, ср. *hän pezese* ‘он умывается’), напр.: **срд.:** *kül’betiš rozvodim vet lämäšt da valamoiš* *hüväšti* (P, СВЯ: 610) ‘разведем в бане воды да обольемся хорошенько’; *nakkou paimendasoiš* *härgäd* (Šim,

NAKM: 267) ‘вон быки пасутся’; *mecnikad mändas neche pertižehē i ištusoiš* (Jä, OBP: 9).

Правда, в презенсе такое противопоставление в диалектах нерегулярно. Так, в южновепском диалекте несколько иное противопоставление, основанное на качестве гласного звука, входящего в состав окончания, где в единственном числе представлен *e*, во множественном числе – *ō*, напр.: **южн.**: *mö jäl'ghe tacimō* (Krl, NEV: 99) ‘мы следом бросимся’; *rahvas dividulesō* (Čg, NEV I: 55) ‘народ дивится’; *davai borimō* (Vg, СВЯ: 47) ‘давай поборемся’; *pangatō kravatile ühtes* (Mg) ‘укладывайтесь вместе в постель’. В северновепском же диалекте различие в окончаниях по линии единственного и множественного чисел в презенсе нивелировано; разница в значениях выявляется из контекста: *mö teravas vasttamei sinunke* (Št) ‘мы скоро с тобой встретимся’; *tö perdatei mecaspei möhä* (Kask) ‘вы из лесу поздно вернетесь’;

Таким образом, в средневепском диалекте каждое из окончаний множественного числа состоит из двух частей: **-moi+š**; **-toi+š**; **-soi+š**. Вторая часть названных лично-числовых окончаний (т. е. **-š**), по мнению исследователей возвратного спряжения, возникла из окончания 3 лица единственного числа (**-š** < **-se**: *hän pezese* ‘он моется’), где в позиции после **-i** **s>š**. Тем самым можно утверждать, что сам по себе данный прилеп – явление вепского языка, а окончание представляет собой наложение лично-числовых окончаний [Posti 1980: 133]. В вепском языке достаточно много различного рода примеров на употребление нескольких вариантов окончаний в одной форме (напр., *hän-da-s-ta-ze* ‘его’ – два окончания партитива: **-da**, **-ta** и два варианта посессивного суффикса 3 лица: **-s** и **-ze**; *ajelesob* ‘(он) едет’ – два окончания 3 лица ед. числа: **-b** – вариант окончания основного спряжения и **-so** – вариант окончания возвратного спряжения). А вот в постоянном повторении употребления данного прилепа **-š** в составе лично-числовых окончаний множественного числа можно усматривать воздействие русского языка, в котором вся возвратность сосредоточена в единственной возвратной частице **-ся**.

Названный прилеп **-š**, а также его варианты по диалектам **-s**, **-ze**, **-kse**, **-zhe** [см. Зайцева Н. Г. 2002: 192–198] выступают в составе лично-числового окончания и в отрицательных возвратных формах множественного числа, присоединяясь в смысловом глаголе к форманту **-koi**, **-goi**, который маркирует форму множественного числа глаголов (*em peskoiš* ‘(мы) не умываемся’, *et peskoiš* ‘(вы) не умываетесь’, *ei peskoiš* ‘(они) не умываются’).

Отметим, что данный прилеп употребляется как в составе лично-числовых окончаний, так и самостоятельно в формах причастий, указывая на возвратность сложных глагольных форм – **сев.**: *en tä mi siga pertiš om tehnuze* (Št) ‘не знаю, что там в доме случилось’; *hei oma ičeze male karznuze* (Kaleig, СВЯ: 181) ‘они убрались восвояси к себе домой’; **срд.**: *min'a rodn'us Ladvha* (L, СВЯ: 481) ‘я родилась в Ладве’; *reboi heitnus muite kol'l'aks* (Šim, NAKM: 237) ‘лиса притворилась мертвой’; **южн.**: *silō*

peüváz ei olend vē heidičenu**zhe** (Vg) ‘тогда лен еще не распустился’; lehm ajelnus oli (Sod, СВЯ: 27) ‘корова уже обгулялась’. Думается, что велсский язык, находясь под сильным влиянием русского языка, стремился также приобрести единый показатель значения возвратности, каковым в системе лично-числовых показателей множественного числа стал прилеп **-š** и его варианты.

Третий момент триады возвратного спряжения – особые отрицательные формы единственного числа презенса, а также положительная и отрицательная форма 2 лица ед. числа императива: **en peste** ‘(я) не умываюсь’, **ed peste** ‘(ты) не умываешься’, **ei peste** ‘(он) не умывается’ – **peste!** ‘умывайся!’, **ala peste!** ‘не умывайся’. Отметим, что отрицательные формы презенса возвратного спряжения включают в себя элементы основного и возвратного спряжений. В структуре их форм участвуют те же лично-числовые окончания основного спряжения, присоединяющиеся к отрицательному глаголу. А все отличие форм основного и возвратного спряжений сосредоточено в форманте **-te** (и его варианте **-de**), который присоединяется к основе смыслового глагола, напр.: **cev.**: mä en katkoide [Pr, Kettunen L. 1943: 430] ‘я не переломлюсь’; **barpo** nece ei laide, a muga kaccub [Kaleig] ‘эта бабуля не ругается, а так смотрит’; **pertine**, seižutade päivha päi ikneil, meile päi pordhil [Št, NÄKM: 63] ‘избушка, повернись к солнцу окнами, к нам крыльцом’; **ala pande** näl’gal [Št] ‘не ложись голодным’; **срд.**: mina en vastoide [P] ‘я на парюсь’; **ii ište** parz’ pardho [P, СВЯ: 151] ‘не садится бревно на бревно’; **en čvande**, a muite en tahtoi söda [L] ‘я не зазнаюсь, просто не хочу есть’; **hul**, ala kosketade [P, СВЯ: 229] ‘горячо, не притрагивайся’; **южн.**: kondi ī krätääde [Krl, NEV I: 98] ‘медведь не шелохнется’; **ed muga ištude**, ište muga [Krl, NEV I: 115] ‘не так усаживайтесь, садись по-другому’; **ala pörte**, Makar [Krl, NEV I: 107] ‘Макар, не возвращайся’.

Если обратимся к основному спряжению, то обнаружим и здесь формы, аналогичные названным формам возвратного спряжения. И в основном спряжении императив единственного числа 2 лица и форма смыслового глагола в отрицательных формах презенса идентичны (**pane!** ‘положи!’ – **en pane** ‘(я) не положу’, **ed pane** ‘(ты) не положишь’, **ei pane** ‘(он) не положит’).

Но в возвратном спряжении показатель **-te** (**-de**) употребляется не на месте лично-числового показателя, как это обычно происходит в спряжении, а присоединяется к основе смыслового глагола. Ученые отводят названному форманту исключительно важное место в истории сложения форм возвратного спряжения. Так финский языковед Й. Койвисто пишет: «Рефлексивные окончания и суффикс ***-de** объединились в элементарную систему, которая стала в свое время основой для всего рефлексивного спряжения» [Koivisto 1990: 169]. Предполагается, что данный суффикс достаточно древен по своему происхождению. По мнению некоторых языковедов он восходит к периоду прибалтийско-финского языка-основы

и, более того, имеет соответствия даже в саамском языке [Tunkelo 1924: 381]. По мнению Э. А. Тункело, элемент **-t-** в составе суффикса идентичен **-t-**, выступающему в личном местоимении 2 лица единственного числа [Tunkelo 1946: 145]. Другая точка зрения связывает данный формант со словообразовательным суффиксом **-te-**, который присутствует, напр., в таких вепских словоформах, как *lankten* '(я) упаду' [Posti 1980: 117]. Но с синхронной точки зрения нас не столько волнует происхождение данного суффикса, сколько его положение в системе возвратного спряжения. А. Кяхрик в свое время писала, что «суффикс... по своей позиции не является ни словоизменительным, ни словообразовательным» [Кяхрик А. 1978: 268], и с этим нельзя не согласиться. По аналогии с основным спряжением, в котором в отрицательных конструкциях единственного числа презенса смысловая глагол выступает в виде чистой лесической основы без всяких показателей, поскольку последние переходят к отрицательному глаголу (*en tule* '(я) не приду', *ed tule* '(ты) не придешь', *ei tule* '(он) не придет'), хотелось бы данное положение вещей ожидать и в возвратном спряжении, поскольку, в основном построение форм обоих спряжений аналогично. Однако именно обсуждаемые формы нарушают данную аналогию. В них значение грамматической формы передается не только словоизменительными аффиксами, но также специальным показателем, который присоединяется к лексической основе глагола, придавая ей тем самым значение возвратности (*en verde* '(я) не ложусь', *ed verde* '(ты) не ложишься', *ei verde* '(он) не ложится'). Тем самым в систему возвратного спряжения вошел специальный показатель возвратной основы некоторых форм.

Таким образом, триада возвратности в вепском языке заключается в том, что:

- 1) возникли особые, отличные от основного спряжения, лично-числовые окончания, которые являются общей чертой северной группы прибалтийско-финских языков, получив самостоятельное развитие в вепском, карельском, ижорском языках и в восточных диалектах финского языка;
- 2) развился особый показатель возвратной основы отдельных форм **-te (-de)**, который передает значение возвратности, а лично-числовые окончания возвратного спряжения в данных формах отсутствуют и выступают окончания основного спряжения (это показательные и отрицательные формы императива 2 лица единственного числа и отрицательные формы презенса единственного числа). Следует отметить, что данный показатель вносит в возвратные формы некоторый налет смешения уровней словоизменения и словообразования;
- 3) получил развитие специальный единый формант **-s (-š)**, который, присоединяясь к аффиксам возвратного спряжения единственного числа, придает им оттенок множественности. Он употребителен и в формах возвратных причастий, использующихся при образовании сложных

глагольных времен. И хоть данный формант, как было указано в статье, имеет собственные языковые корни, в постоянстве его употребления чувствуется сильный налет русского языкового влияния. Можно, таким образом, считать, что возвратное спряжение – это сплав самостоятельного развития языка, получившего данный импульс, очевидно, из позднего прибалтийско-финского языка-основы, смешения урвней словоизменения и словообразования, а также – под воздействием иноязычного влияния – стремления к образованию единого показателя возвратности.

ЛИТЕРАТУРА

- Вийтсо 1966 – Вийтсо Т.-Р. Описание плана выражения прионежского диалекта вепского языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тарту, 1966.
- Зайцева М. И. 1981 – Зайцева М. И. Грамматика вепского языка. Л., 1981.
- Зайцева Н. Г. 2002 – Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск, 2002.
- Кяхрик 1978 – Кяхрик А. О формировании парадигмы возвратных глаголов вепском языке // Советское финно-угроведение. № 4. 1978.
- Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
- Серебrenников 1964 – Серебrenников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.
- Хмяляйнен 1966 – Хмяляйнен М. М. Вепский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966.
- Hakulinen 1979 – Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979.
- Kettunen 1943 – Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 86. 1943.
- Kettunen 1960 – Kettunen L. Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 119. 1960.
- Koivisto 1990 – Koivisto J. Suomen murteiden refleksiivitaivutus. Helsinki, 1990.
- Posti 1961 – Posti L. Itämerensuomalaisen verbitaivutuksen kysymyksiä // Virittäjä. 1961.
- Posti 1980 – Posti L. The Origin and Development of the Reflexive Conjugation in the Finnic Languages // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 20–27.VIII, 1980. Pars I. Turku, 1980.
- Suhonen 1974 – Suhonen S. Lähisukukielten muoto-oppia ja lainasuhteita // Castrenianumin toimitteita 9. 1974.
- Szinnyei – Szinnyei J. A veps nyelvról // Nyelvtumanyi közlemenyek. № XVI. Budapest, 1881
- Tunkelo 1924 – Tunkelo E. A. Eräistä suomen, karjalan ja vepsän refleksiivitunnuksista // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1924.
- Tunkelo 1964 – Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 228. 1964.
- Uivalvy 1875 – Uivalvy Ch. E. Essai de Grammaire vèpse ou tchoude du nord. Paris, 1875.
- Viitso 1958 – Viitso T.-R. Äänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus // Ученые записки Тартуского университета 218. 1958.

ИСТОЧНИКИ

- OBP Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л. 1969.
СВА Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л. 1972.
NEV I Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä, I. Helsinki, 1920.
NÄKM Setälä E. N. ja Kala J. N. Näytettä äänis- ja keskivepsän murteista. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 100. 1951.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Северновепсский диалект:

- Kaleig Рыбрека, Вепсская национальная волость, Республика Карелия;
Kask Kaskeza, Kaskezoja – Каскесручей, Вепсская национальная волость, Республика Карелия;
Pr Pervakat – Урицкое, Подпорожский район Ленинградской области;
Št Šoutarv – Шелтозеро, Вепсская национальная волость, Республика Карелия.

Средновепсский диалект:

- Jä Järvenkülä – Озера, Подпорожский район Ленинградской области;
L Ladv – Ладва, Подпорожский район Ленинградской области;
Pnd Pondal – Пондала, Бабаевский район, Вологодская область;
Šim Šimgär’ – Шимозеро, Вытегорский район, Вологодская область;
VI Voilaht – Войлахта, Бабаевский район, Вологодская область.

Южновепсский диалект:

- Ars Arskahť – Радогощ, Бокситогорский район, Ленинградская область;
Čaigl Чайгино, Бокситогорский район, Ленинградская область;
Krl Kortlaht – Кортлахта, Бокситогорский район, Ленинградская область;
Mg Maigär’ – Боброзеро, Бокситогорский район, Ленинградская область;
Sod Sodjärv – Сидорово, Бокситогорский район, Ленинградская область;
Vg Vägär’ – Белое озеро (Белая), Бокситогорский район, Ленинградская область.

П. М. Зайков
Петрозаводск

ОППОЗИЦИЯ ГЕМИНИРОВАННЫХ И НЕГЕМИНИРОВАННЫХ АФФИКСОВ В ДИАЛЕКТАХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В карельском языке грамматические аффиксы, имеющие в своем составе гласные фонемы, выступают в двух вариантах: с заднерядной и переднерядной огласовкой. При этом первые присоединяются к основам с гласными *a, o, u*, а вторые к основам с гласными *ä, ö, y*. Переднерядные же гласные *i* и *e* могут выступать в обоих случаях. Этот закон проявляется, например, в падежных окончаниях инессива -*ssa, -ssä* (talo-*ssa* ‘в доме’),

järve-ssä ‘в озере’); элатива -sta, -stä (talo-sta ‘из дома’, järve-stä ‘из озера’); адессива -lla, -llä (talo-lla ‘на доме’, järve-llä ‘на озере’); в личных окончаниях презенса изъявительного наклонения -mma, -mmä, -mmo, -mmö (tule-mma, -mmo ‘мы придем’, keitä-mmä, -mmö ‘мы сварим’); -tta, -ttä, -tto, -ttö (tule-tta, -tto ‘вы придете’, keitä-ttä, -ttö ‘вы сварите’); в отдельных словообразовательных суффиксах, таких как -laini, -läini (heimo-laini ‘родственник’, kylä-läini ‘житель села’), -toi(n), -töi(n) (koji-toi(n) ‘бездомный’, miele-töi(n) ‘безумный’), -naini, -näini (koko-naini ‘целый’, irti-näini ‘отвязанный’) и др.

Это общеизвестное явление присуще языкам с гармонией гласных. Однако, мало кто обращал внимание на то, что в карельском языке, в отличие, например, от финского, часть грамматических аффиксов выступает в двух вариантах относительно начального согласного аффикса. Подобные окончания, либо суффиксы коррелируют по признаку геминированности – негеминированности начальных согласных и проявляются в следующих случаях¹.

1. Лично-числовые окончания глаголов в повелительном наклонении выступают в следующих модификациях:

а) 1 л. мн. ч.

с.-кар. **-ka, -kä** и **-kka, -kkä**:

luo-ka ‘давайте бросим’, syö-kä ‘давайте съедим’, män-kä ‘давайте уйдем’, valehel-ka ‘давайте солжем’, pes-kä ‘давайте вымоем’, haravoï-ka ‘давайте сгребем’, kačšo-kka ‘давайте посмотрим’, keittä-kkä ‘давайте сварим’.

ливв. **-kuammo, -kiämmö** и **-kkuammo, -kkiämmö**:

nos-kuammo ‘давайте мы поднимем’, pes-kiämmö ‘давайте мы помоем’, kabaloi-kkuammo ‘давайте запеленаем’, suutu-kkuammo ‘давайте мы рассердимся’, eči-kkiämmö ‘давайте мы поищем’

б) 2 л. мн. ч.

с.-кар. **-kua, -kyä** и **-kkua, -kkyä**:

tuo-kua ‘принесите’, vie-kyä ‘отнесите’, nos-kua ‘поднимитесь’, ran-kua ‘положите’, tul-kua ‘приходите’, riig-kua ‘грызите’, kabaloi-kua ‘запеленайте’, laske-kkua ‘отпустите’, itke-kkyä ‘плачьте’.

ливв. **-kua, -kiä** и **-kkua, -kkiä**:

riig-kua ‘грызите’, pes-kiä ‘мойте’, kučču-kkua ‘позовите’, itke-kkiä ‘плачьте’,

kabaloi-kkua ‘запеленайте’.

в) 3 л. ед. ч.

-kah, -käh и **-kkah, -kkäh**

¹ В статье используются примеры, взятые из грамматических пособий по собственно-карельскому и ливвиковскому наречиям: Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 2000; Zaikov P. Karjalan kieliooppi. Petroskoi, 2002; Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Verbit. Adverbit. Petroskoi, 1995.

с.-кар.: *luo-kah* ‘пусть он бросит’, *syö-käh* ‘пусть он поест’, *karaloi-kah* ‘пусть он запеленает’, *pes-käh* ‘пусть он вымоет’, *kacel-kah* ‘пусть он при-сматривает’; *kačšo-kkah* ‘пусть он посмотрит’, *näyttä-kkäh* ‘пусть он покажет’ В собственно-карельском наречии эти же формы повелительного склонения употребляются в значении 3 лица множественного числа.

ливв.: *nos-kah* ‘пусть он поднимется’, *kacel-kah* ‘пусть он присматривает’, *nieglo-kkah* ‘пусть он свяжет’, *niittä-kkäh* ‘пусть он скосит’, *kabaloi-kkah* ‘пусть он запеленает’.

Геминированные окончания представлены только в многосложных одноосновных глаголах, типа *kačšo-*, *kučšu-*, *keittä-* и др. В остальных случаях выступает негеминированное окончание. В собственно-карельском наречии оно присоединяется к односложной (типа *voi-* ‘мочь’, *tuo-* ‘принести’) и трехсложной (типа *haravoi-* ‘сгребать сено’) основе одноосновных глаголов. В первом случае окончание присоединяется к лексической гласной основе, во втором – к особой гласной основе, которая находится путем отбрасывания суффикса основного инфинитива, т. е. *voi-ka*, *voi-kua*, *voi-kah*, *tuo-ka*, *tuo-kua*, *tuo-kah*, *haravoi-ka*, *haravoi-kua*, *haravoi-kah*. В ливвиковском наречии к односложным основам в настоящее время присоединяется окончание с начальным звонким согласным, напр., *tuo-guammo*, *tuo-gua*, *tuo-gah*. В глаголах же типа *haravoiija* ‘сгребать’, *emändöijä* ‘хозяйничать’ в формах императива, в отличие от собственно-карельского наречия, представлено геминированное окончание, напр., *haravoi-kkuammo*, *haravoi-kkua*, *haravoi-kkah*, *emändöi-kkiämmö*, *emändöi-kkiä*, *emändöi-kkäh*.

Встает закономерный вопрос: каким образом возникли геминированные окончания императива в карельском языке? Л. Кеттунен считает, что первоначально окончания императива с удвоенным согласным *kk* возникли в сфере двухосновных стяженных глаголов, напр., *varata* ‘бояться’: *varat-* + *-ka*, *-kua*, *-kah* = *varakka*, *varakkua*, *varakkah*; *hүpätä* ‘прыгнуть’: *hүpät-* + *-kä*, *-kyä*, *-kiä*, *-käh* = *hүpäkkä*, *hүpäкkyä*, *hүpäкkiä*, *hүpäкkäh*. В этих случаях на стыке морфем происходит ассимиляция согласных в пользу *k*. В двухосновных стяженных глаголах, таким образом, повсеместно стали употребляться окончания императива с геминированным согласным. Впоследствии они по аналогии стали употребляться и в одноосновных многосложных глаголах, напр., *paistua* ‘печь’: *paista-kka*, *paista-kkuammo*, *paista-kkua*, *paista-kkah*, *peittyä* ‘прятать’: *peittä-kkä*, *peittä-kkiämmö*, *peittä-kkyä*, *peittä-kkiä*, *peittä-kkäh*. Такое было возможно по той причине, как полагает Л. Кеттунен, а вслед за ним и другие исследователи, что ранее двухосновных стяженных глаголов было намного больше, чем в настоящее время [Kettunen 1915: 110–111; Ojansuu 1918: 30; Nakulinen 1979: 80]. Х. Оянсуу, правда, выдвинул и другое объяснение, по которому начальный согласный признака императива *k*, оказавшись в позиции начала долгого слога, фонетически усилился и перешел в геминату *kk*. [Ojansuu 1918: 30–31]. Представляется, что подобное объяснение

возникновения геминированных аффиксов в карельском языке вряд ли корректно. Его же замечание о том, что формы императива с геминированными окончаниями возникли ранее перехода $k > g$, абсолютно справедливо [Ojansuu 1918: 30–31].

Интересно отметить, что четырехсложные глаголы типа *karaloija*, *kabaloija* ведут себя в собственно-карельском и ливвиковском наречиях по-разному. В первом из них представлено негеминированное окончание (*karaloi-ka*, *-kua*, *-kah*), в другом же – геминированное (*kabaloï -kkuammo*, *-kkua*, *-kkah*). Первоначально в этом типе глаголов было представлено негеминированное окончание, поскольку эти глаголы были ранее не одноосновными, а двухосновными, имевшими гласную (*karaloïče-*) и согласную основы (*karaloi-*). Окончание императива присоединялось к согласной основе (*karaloi-ka, *-kua*, *-kah*). Позднее этот тип глаголов стал одноосновным, однако окончание императива по-прежнему оставалось с одиночным начальным *k*. В ливвиковском же наречии в этих глаголах, вероятно, под влиянием других одноосновных многосложных глаголов стало употребляться геминированное окончание [Зайков 2000: 189–190].

В двухосновных глаголах негеминированный аффикс присоединяется всегда к согласной основе: с.-кар.: *kävel-kä*, *kävel-kyä*, *kävel-käh* ‘давайте походим, ходите, пусть он погуляет, они погуляют’, *ran-ka*, *ran-kua*, *ran-kah* ‘давайте положим, положите, пусть он положит, они положат’, *pes-kä*, *pes-kyä*, *pes-käh*; ливв.: *pes-kiämmö*, *pes-kiä*, *pes-käh* ‘давайте мы помоем, помойте, пусть он помоеет’. В ливвиковском наречии к согласной основе с исходом на *s* всегда присоединяется окончание с начальным одиночным согласным *k*. Оно выступает также в тех случаях, когда согласная основа является многосложной и имеет в своем исходе согласный *l*, например, *ommel-kuammo*, *ommel-kua*, *ommel-kah* ‘давайте мы сошьем, сшейте, пусть он сошьет’. Если же основа глагола оканчивается на этот согласный и является односложной, то в этом случае начальный согласный окончания императива озвончился и перешел в согласный *g*: *ol-guammo*, *ol-gua*, *ol-gah* ‘давайте будем, будьте, пусть он будет’. Окончания со звонким согласным представлены также в глаголах, согласная основа которых оканчивается на *n* и *r*, например, *ran-guammo*, *ran-gua*, *ran-gah* ‘давайте положим, положите, пусть он положит’, *riig-guammo*, *riig-gua*, *riig-gah* ‘давайте будем грызть, грызите, пусть он грызет’. В подобных случаях нет оснований говорить о количественной корреляции согласных в личных окончаниях императива.

2. Суффиксы презенса возможного наклонения представлены модификациями: **-ne**, **-no**, **-nö** и **-nne**, **-nno**, **-nnö**.

Аффиксы с исходом на гласный *o*, *ö* выступают только в форме 3 л. ед. ч.

с.-кар.: *voi-ne-n*, *gyki-ne-n*, *karaloi-ne-n* ‘возможно я смогу, покашляю, запеленаю’, *voi-no-u*, *gyki-nö-u*, *karaloi-no-u* ‘возможно он сможет, покашляет, запеленает’, *kavotta-nne-n*, *löylyttä-nne-n* ‘возможно я потеряю, попарюсь’;

ливв.: tahto-ne-n, häiby-ne-n ‘возможно я захочу, исчезну’, tahto-no-u, häiby-nö-y ‘возможно он захочет, исчезнет’, tuo-nne-n, муö-nne-n, haravoi-nne-n ‘возможно я принесу, продам, сгребу граблями’, tuo-nno-u, муö-nnö-y, haravoi-nno-u ‘возможно он принесет, продаст, сгребет граблями’.

В собственно-карельском наречии в одноосновных глаголах типа *voija* и *karaloija* всегда выступает негеминированный суффикс возможностного наклонения (*voi-ne-n, voi-po-u, karaloi-ne-n, karaloi-po-u*), тогда как в ливвиковском наречии, напротив, – геминированный (*voi-nne-n, voi-nno-u, kabaloi-nne-n, kabaloi-nno-u*). В одноосновных многосложных глаголах после второго слога также присоединяется негеминированный суффикс (*tahto-ne-n, tahto-po-u*), тогда как после третьего и далее слогов присоединяется геминированный суффикс (*kavotta-nne-n, kavotta-nno-u*). Другими словами, дистрибуция геминированных и негеминированных аффиксов зависит от типа глагола (одноосновный или двуосновный) и от его слоговой структуры.

3. Суффикс II причастия пассива также выступает в двух вариантах: – **tu, -ty** и **-ttu, -tty**.

с.-кар.: *luo-tu, syö-ty, haravoi-tu, ikävöi-ty* ‘брошено, съедено, програблено, стало скучным’ и *hienonne-ttu, piässe-tty* ‘измельчено, отпущено’;

ливв.: *pur-du, pes-ty, haravoi-ttu, kopat-tu, lukät-ty* ‘изгрызано, вымыто, схвачено, програблено, брошено’ и *kate-ttu, peite-tty* ‘накрыто, спрятано’.

Негеминированный суффикс *-tu, -ty* в собственно-карельском наречии выступает в одноосновных глаголах с односложной основой (типа *syö-vie-*) и в трехсложных основах (типа *emännöi-*), а также в двухосновных глаголах, где названный суффикс присоединяется к согласной основе (*tul-, pur-, ran-, pes-, varat-*). В ливвиковском наречии во всех названных типах глаголах, кроме глаголов, основа которых оканчивается на согласные *s* и *t*, произошло озвончение начального согласного суффикса ($t > d$), т. е. *sua-du, tul-du, pur-du, ran-du*.

В одноосновных многосложных глаголах, а также в глаголах типа *kabaloiija*, представлен геминированный суффикс II причастия пассива, который присоединяется к гласной основе глагола. При этом конечный гласный основы *a, ä* чередуется с *e*:

hienonna- + ttu = hienonne-ttu, näytä- + tty = näyte-tty.

4. Суффиксом II причастия актива в ливвиковском наречии является **-nuh, nyh** и **-nnuh, -nnyh**

ливв.: *otta-nuh, jättä-nyh* ‘взятый, оставленный’, *tuo-nnuh, syö-nnyh, himoitta-nnuh, kabaloi-nnuh* ‘принесенный, съеденный, захотевший, спеленутый’.

Дистрибуция суффиксов зависит как от типа глагола, так и от структуры слова. В одноосновных глаголах после второго слога выступает негеминированный суффикс. После третьего же – геминированный. В свою очередь, после первого слога одноосновных глаголов, а также в глаголах типа *kabaloiija* всегда присоединяется геминированный суффикс (*syö-nnyh, kabaloi-nnuh*).

В собственно-карельском наречии геминированный суффикс отсутствует полностью. В нем имеется только негеминированный *-nun, -нун*, который присоединяется к односложной основе (*tuonun, syönun, vie-nun*) и к основе глаголов типа *karaloija*, которая находится путем отбрасывания показателя словарной формы *-ja, -jä: karaloi-nun, haaravoi-nun*. В многосложных одноосновных глаголах суффикс *-nun, -нун* сократился до согласного *-n: (olen) potki-n, keittä-n* ‘я пнул, я сварил’. В силу этого в собственно-карельском наречии, в отличие от ливвиковского, не существует дистрибуции геминированных и негеминированных суффиксов II причастия актива.

Таким образом, особенностью ливвиковского наречия является то, что к односложным основам, а также к основам типа *kabalo-* присоединяются геминированные окончания и суффиксы (*tuonnen, tuonnuu, tuonnuh, kabaloi-kkuammo, kabaloi-kkuu, kabaloi-nne-n, kabaloi-nno-u, kabaloi-nnuh, kabaloi-ttu*). Подобное предпочтение геминированным аффиксам кроется вероятно в истории языка. Известно, что сочетания согласных *lk* и *rk* чередовались в закрытом слоге по-разному в собственно-карельском и ливвиковском наречиях. В первом из них оно имело вид *lk : l, rk : r* (*jalka* ‘нога’ – *jalan* (ген. ед. ч.), *kulkie* ‘идти’ – *kulen* ‘я иду’, *kurki* ‘журавль’ – *kuren* (ген. ед. ч.), *pyrgie* ‘стремиться’ – *pyrin* ‘я стремлюсь’), во втором же *lk (>lg) : ll, rk (>rg) : rr* (*jalgu* – *jallan*, *kulgie* – *kullen*, *kurgi* – *kurgen*, *pyrgie* – *pyrin*). Не исключено, что подобное положение могло повлиять на то, что в рассмотренных нами случаях обобщились геминированные аффиксы. В собственно-карельском наречии такого обобщения в пользу геминированных аффиксов не произошло.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайков 2000 – Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.
 Hakulinen 1979 – Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979.
 Kettunen 1915 – Kettunen L. Passiivin tunnuksesta // Virittäjä 7. 1915.
 Ojansuu 1918 – Ojansuu H. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 196, 1918.

.....

Н. А. Лыскова

Санкт-Петербург

КОНЦЕПЦИЯ ГЛУБИННЫХ ПАДЕЖЕЙ В ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Семантический аспект имени существительного в обско-угорских языках

Глубинная структура обско-угорских языков исследована в недостаточной степени, и это заставляет, прежде всего, обратиться к описанию фактического материала. Необходимость обращения к глубинным падежам

диктуется малым количеством поверхностных падежей: так, в северных диалектах хантыйского языка (обдорском и приобском) всего 3 падежа, а в северных говорах мансийского языка (сосьвинском и среднеобском) – 6. Парадигмы склонения имён существительных обско-угорских языков нуждаются в корректировке, для этого необходимо изучать семантические роли глубинной структуры.

При определении падежных отношений (семантических ролей) в обско-угорских языках мы выделили семантический синтаксис (семантика + синтаксис) и противопоставили его традиционной грамматике: традиционной морфологии (части речи и морфологические падежи) + традиционному синтаксису (члены предложения). Надо сказать, что некоторые семантические функции дифференцировались и в традиционной грамматике: адвербиальные роли места, времени, образа действия, причины и цели, в нашей терминологии локатив₁, темпоратив, мезуратив, каузатив₂, финатив – уже «звучали» как наименования разрядов наречий по значению, как разновидности обстоятельственных предложений. Идея глубинных падежей Ч. Филлмора была подхвачена многими исследователями [Fillmore 1968]. В силу того, что имя (экспонент) и вещь (денотат) связаны не напрямую, а через человеческую голову, каждый лингвист пришёл к своему списку семантических функций, при этом роли интерпретируются индивидуально; вырабатываются отличные от других авторов термины; устанавливается своё количество ролей. Теория Ч. Филлмора позволяет творчески подойти к описанию глубинной структуры. Списки глубинных падежей и приписываемые им значения носят в достаточной степени условный характер: допускается различное число глубинных падежей, и нет закреплённых постоянных терминов. Например, наряду с термином *агентив* встречаются термины *агенс*, *агент*, наряду с *экспериенсив* – *экспериенс*, *экспериенцер*, наряду с *бенефициатив* – *бенефициант*, наряду с *контрагентив* – *контрагент*, наряду с *пациентив* – *пациенс*, *пациент* и т. д. Нами изучены списки ролей многих исследователей. Методика ролевой грамматики не представляется вполне удовлетворительной во всех своих деталях (особенно поражает «пестрота» используемой терминологии, которая нуждается в унификации). Терминологический разнородный характер для периода поисков. Прежде чем составить список ролей обско-угорских языков, мы выработали некие критерии выделения семантических функций, так как до сих пор таких критериев не было и не были определены границы между ролями [Лыскова 1996: 15]. В идеале мы должны стремиться к универсальному списку. Наиболее адекватными глубинной структуре являются списки семантических функций Ч. Филлмора и В. В. Богданова [Fillmore 1971; Богданов 1977]. Богданов, вслед за Филлмором, включил в свой список латинские термины падежных отношений. Все

14 латинских терминов Богданова заимствованы нами: *агентив, элементив, экспериенсив, бенефициатив, дескриптив, пациентив, объектив, перцептив, результатив, инструментатив, медиатив, локатив, композитив, ономасиатив*. Этот список мы дополнили своими терминами, которые, на наш взгляд, необходимы для интерпретации ситуативной семантики в исследуемом фактическом материале обско-угорских языков: *каузатив, делибератив, контрагентив, комитатив, мобилитив, посессив, комплетив, транслатив, номинатив, локатив-предикат + глубинное предложение*. Все термины представлены в унифицированном виде, установлено терминологическое единообразие. При выделении роли учитывалось абстрагированное категориальное значение семантической функции: вместо отдельных аргументов, названных в списках последователей Филлмора (*адресат, реципиент, бенефициант, бенефактив*), мы используем один абстрагированный термин, обладающий категориальным значением, из списка В. В. Богданова – *бенефициатив*, который совмещает в себе, обобщает перечисленные выше разновидности; вместо терминов *источник, содержание – делибератив*; вместо *место, начальная точка, конечная точка, маршрут – локатив*; вместо *срок, время, темпоралис – темпоратив*; вместо *причина, каузалис – каузатив*; вместо *цель, финалис – финатив*; вместо *инструмент – инструментатив*; вместо *средство – медиатив*; вместо *контрагент – контрагентив*; вместо *количество – комплетив*, вместо *каузатор – каузатив*. Мы используем термин Р. С. Амбарцумян *аргумент* для выражения семантической единицы, в отличие от синтаксического термина *актант* [Амбарцумян 1977]. Мы исключили термины *субъект, объект, субстанция, конкретизатор, экзистент*, так как они не называют конкретную семантическую роль. Мы стремились создать систему глубинных падежей, свободную от синтаксических понятий и терминов. Термины *субъект* и *объект* используются в разных планах, и в каждом отдельном плане они выполняют свою терминоразличительную функцию: в логическом плане – субъект и объект; в синтаксическом – подлежащее и дополнение; в семантическом – 8 ролей субъекта (*агентив, каузатив, элементив, экспериенсив, бенефициатив, дескриптив, комитатив, контрагентив*), 8 ролей объекта (*пациентив, объектив, перцептив, результатив, делибератив, инструментатив, мобилитив, медиатив*). Слова *субстанция* и *конкретизатор* могут лишь пояснять значение термина, называющего роль, сами терминами в прямом смысле быть не могут [термины *субъект* и *объект* см. – Гак 1969; Апресян 1973]. Термин *экзистент* [Хейнсоо 1987] не выражает определённой семантической функции, так как в экзистенциальном положении может оказаться любой субъектный аргумент, из объектных аргументов – пациентив.

Все возможные в глубинной структуре обско-угорских языков глубинные падежи нами впервые дифференцируются согласно понятиям

логики: субъектные аргументы, объектные аргументы, адвербиальные аргументы, атрибутивные аргументы, предикативные аргументы. Классификация ролей производится нами с учётом глагольной и «именной» валентности. Впервые аргументы классифицируются как глагольные детерминанты и именные детерминанты. Аргументы-субъекты, аргументы-объекты, аргументы-обстоятельства являются глагольными детерминантами, аргументы-атрибуты, аргументы-предикаты – именными детерминантами.

«Именная» валентность состоит из атрибутивных, посессивных, комплетивных и предикативных моделей. Атрибутивные, посессивные и комплетивные аргументы проецируются влево, что объясняется фиксированным порядком определения (атрибутивного признака) в предложении. Предикативный аргумент проецируется влево, так как в обско-угорских языках признак как предикат занимает устойчивую позицию конца предложения. Аргументы-атрибуты обско-угорского предложения представлены посессивом, композитивом и комплетивом. Аргументы-предикаты включают в себя ономасиатив (для собственных имен – кличек, прозвищ), номинатив (для аргумента со значением «вписывание объекта в класс»), транслатив (со значением превращения), локатив (имя-предикат со значением места).

Семантические роли выделяются нами с опорой на семантику, непременно в отрыве от падежной формы в традиционном смысле. Вслед за Ч. Филлмором, мы абстрагировались от традиционных форм морфологических падежей, признавая их случайный характер. Напр., бенефициатив на семантическом уровне – субъект, на синтаксическом – подлежащее или дополнение, на морфологическом уровне – разнообразная многочисленная реализация: манс. – номинатив -Ø, латив -н, хант. вах.-вас. – латив -а, обдор. – номинатив в сочетании с послелогом *э/ты* ‘для’ и т. д. Для реализации данной роли локатива в хантыйском языке используются падежи локатив, датив-латив, локатив-инструменталь, адитив, латив (в разных диалектах); в мансийском – элатив, латив, локатив. Сюда можно причислить бесчисленное множество субстантивно-послеложных конструкций и соответствующих наречий. Кроме падежей существительных привлекаются и другие компоненты: датив личного местоимения для реализации объектива, имя числительное для реализации комплетива, многочисленные послелоги, которые, сочетаясь с номинативом имени существительного, обогащают грамматическую систему выражения ролей.

Одним из критериев выделения семантических ролей мы называем выражение грамматических категорий «человек – нечеловек», «одушевлённость – неодушевлённость». Семантические роли субъекта обозначают активно или пассивно участвующий в ситуации одушевлённый или неодушевлённый денотат. В данном случае применяется принцип контролируемости действия: так, агентив контролирует действие, а экспериенсив не контролирует психические и физиологические процессы.

Описание и классификация глубинных падежей обско-угорских языков основаны на нескольких современных теориях семантического синтаксиса: теории валентности, теории глубинных падежей, теория полипредикативности, теории функционально-семантического поля. Полевой подход применяется в том случае, когда необходимо установить центр – периферию категории, переходные явления семантической роли, например: партитивное значение атрибутивных аргументов композитива и комплетива можно рассматривать как переходное явление; предикат в форме локатива с присоединением предикативных суффиксов – это периферия поля семантических функций локатива.

Теория полипредикативности впервые используется для описания глубинного предложения. Придаточные предложения и прямая речь уже рассматривались в лингвистике как глубинные предложения, но без применения теории полипредикативности [Fillmore 1970; Апресян, Палл 1982]. Инфинитные же конструкции впервые описываются в качестве глубинного предложения.

Близкородственные хантыйский и мансийский языки обладают общим синтаксисом (синтаксический «каркас» совпадает почти во всём). Разнообразные нюансы семантического аспекта синтаксиса объясняются специфическим склонением отдельных говоров и диалектов. Так, в ваховском диалекте хантыйского языка роль агентива реализуется реликтовой формой активного строя – формой локатива -у;. Только на семантическом уровне становится понятным это необычное выражение субъекта. В том же ваховском диалекте хантыйского языка предикат может быть выражен формой локатива с предикативным аффиксом. Лишь в шурышкарском говоре приобского диалекта хантыйского языка употребляется форма супина (целевого инфинитива, маркированного падежным формантом латива-датива -а) для реализации адвербиального аргумента финатива. В обдорском диалекте хантыйского языка отсутствует дативлатив, присущий падежной системе других северных диалектов, вместо него используется форма локатива-инструменталиса или номинатив в сочетании с послелогом. В южномансийском диалекте объектив реализуется формой аккузатива имени, который отсутствует в остальных диалектах и говорах хантыйского и мансийского языков. Можно приводить примеры ещё и ещё.

Обобщённые данные о пестроте в морфологической реализации ролей иллюстрируют не столько структуру и специфику обско-угорских языков, сколько факт отсутствия корреляции между глубинными и реальными языковыми структурами. Глубинное предложение, в частности, рассматривается как один из способов поверхностного выражения глубинных падежей.

С точки зрения типологии термин «глубинная структура» квалифицируется как общее категориальное понятие (или общий тип), лежащее в основе систем сравниваемых языков, а термин «поверхностная структура»

рассматривается в качестве результата сравнения языков (описание внешних материальных средств конкретных языков). Глубинно-поверхностное тождество в семантической типологии для генетически родственных языков характеризуется совпадением материальных единиц при выражении абстрагированного глубинного падежа. Так, в генетически близкородственных хантыйском и мансийском языках одна та же единица глубинной структуры выражается идентичными языковыми средствами, например: субъектный аргумент и в том, и в другом языке выражается номинативом имени, словосочетанием, придаточным предложением и инфинитивной конструкцией; адвербиальный аргумент финатив реализуется дативом-лативом, лативом имени и инфинитивной конструкцией, управляемыми глаголом движения. Субъектный аргумент элементив может быть реализован асемантическим компонентом: хант. *Ерт ертым* 'Дождь дождит'; манс. *Вот воты* 'Ветер ветрит' и т. д.

Метод ролевой грамматики не является совершенным метаязыком для сравнения, так как он предназначается не для типологии и характеризуется больше как логическая система, а не как лингвистическая. Структура логического суждения имеет общечеловеческий характер. Такие логические понятия, как субъект, предикат, объект, причина, цель, время, место и др., универсальны, неважно, имеются в данном языке особые формы выражения для указанных понятий или нет. Данные, полученные в результате логического анализа, универсальны и применяются к любому языку. Выявление на фактическом материале обско-угорских языков 28 ролей + глубинное предложение можно рассматривать в любых языках.

Наше исследование семантических ролей в обско-угорском предложении основано на логическом принципе их дифференциации. Нами выявлено 8 ролей субъекта: агентив, каузатив₁, элементив, экспериенсив, бенефициатив, дескриптив, комитатив, контрагентив; 8 ролей объекта: пациентив, объектив, перцептив, результатив, делибератив, инструментатив, мобилитив, медиатив; 5 ролей обстоятельства: локатив₁, темпоратив, мезуратив, каузатив₂, финатив; 3 роли атрибута: посессив, композитив, комплетив; 4 роли предиката: ономасиатив, номинатив, транслатив, предикат-локатив₂.

Мы не претендуем на единственно верный и полный список ролей, хотя очевидно, что наш список наиболее подробный и охватывает ситуативные явления объективной действительности гораздо шире, чем это было осуществлено нашими предшественниками.

Список типовых ролей в обско-угорских языках

Глагольные детерминанты

Аргументы - субъекты

1. Агентив – активный одушевлённый производитель действия: хант. *Ими пун верл*, манс. *Эква пун вари* 'Женщина готовит пищу' (букв.

‘Женщина котёл делает’); хант. *Няврэмат* *хвхатлялат*, манс. *Няврамыт хайтыгтээгыт* ‘Дети бегают’; хант. *Онем хотхары ёвл*, манс. *Упум колкан хосги* ‘Тётя=моя подметает пол’; хант. *Икилал тохал таллат*, манс. *Ойканыл толыг хартээгыт* ‘Мужья=их тащат невод’.

2. Каузатив₁ – аргумент как невольный или непосредственный инициатор (виновник) события (результата) в каузативной ситуации: хант. *Апсем ернасл ампа манишуптаслэ*, манс. *Апсим супе ампн манытаптастэ* ‘Братишка=мой позволил собаке порвать рубашку=его’; хант. *Няврэм а\кема нянь верты турас верас*, манс. *Няврам а\кумн нянь вару\кве торас варыс* ‘Ребёнок маме=моей мешал стряпать (букв. делать хлеб)’; хант. *Рупутаин сёмты версаюм*, манс. *Рупутал сёмтал варвесум* ‘Работа меня изнурила’ (букв. Работой я сделан бессильным).

3. Элементив – активный неодушевлённый (обычно природный, стихийный) производитель действия: хант. *Вотн хопыт нык менумт-сайт*, манс. *Вотн хапыт налм манумтавесыт* ‘Ветром сорвало лодки’; хант. *Тови йи\кан пусал хона\ рувая верса*, манс. *Туя витн посал вата аврахиг варвес* ‘Весенняя вода сделала берег протоки обрывистым’; хант. *Хосат рампилат*, манс. *Хусыт рампегыт* ‘Звёзды мерцают’; хант. *Пала\ маршил*, манс. *Сяхыл мирги* ‘Гремит гром (букв. туча)’.

4. Экспериенсив – одушевлённый аргумент, пребывающий в некотором физиологическом или психическом состоянии, которое выражается предикатом: хант. *Кусяй иса ул*, манс. *Кусяй пуссын ваг* ‘Начальник знает всё’; хант. *Няврэм рых касятыс*, манс. *Няврам тил касалас* ‘Ребёнок увидел ягоду’; хант. *Эви оя*, манс. *Аги соты* ‘Девушка счастлива’; хант. *Ики сёмты питас*, манс. *Ойка сёмтал патыс* ‘Старик устал (букв. стал бессильным)’; хант. *Апсем акань пела аматляс*, манс. *Апсим акань нупыл сятыглас* ‘Сестрёнка=моя радовалась кукле’.

5. Бенефициатив – одушевлённый аргумент как адресат, получатель или объект, в пользу которого или в ущерб которому совершается действие: хант. *Пох нэпекн ёхатса*, манс. *Пиг нэпекл ёхтавес* ‘Юноше пришло письмо’; хант. *Эвие а\кемн охшамн лутса*, манс. *Агикве омамн торыл евтвес* ‘Девушке мама=моя купила платок’; хант. *А\ка\кем рут нэ\ела хул тус*, манс. *Анекам рут нэтэн хул тотыс* ‘Бабушка=моя родственнице=её отнесла рыбы’.

6. Дескриптив – аргумент как носитель свойства, выражаемого предикатом: хант. *Похиеп шушитты хошит*, манс. *Пыгрисяквен ёмыгта\кве хасы* ‘Сыночек=твой умеет ходить’; хант. *Ики лунатты мошитл*, манс. *Ойка ловиньта\кве верми* ‘Старик может читать’; хант. *Ишнет мет аит*, манс. *Иснасыт сяр манит* ‘Окна малюсенькие’.

7. Комитатив – одушевлённый и неодушевлённый сопроводитель субъекта действия: хант. *На\ именны мана*, манс. *На\ эквал минэн*

‘Ты с женой иди’; хант. *Ампел пила вэнта манс*, манс. *Ампе ет ворн минас* ‘С собакой=его в лес пошёл’; хант. *Име\ан-икенан хул велса\н*, манс. *Экваг-ойкаг хул алысьласыг* ‘Жена с мужем рыбу добывали=дв.’.

8. Контрагентив – одушевлённый или неодушевлённый аргумент со значением противника, партнера (напарника) или силы, сопутствующей или препятствующей осуществлению действия: хант. *Микуль ме\кыт пила нют ветты птыс*, манс. *Микулка ме\кыт ёт алхата\кве патыс* ‘Николай с великанами стал драться (бороться)’; хант. *?ув юрнат пила вулы тась лавлас*, манс. *Тав ёрныт ёт салы аня ургалас* ‘Он с ненцами пас оленья стадо’; хант. *?а/я вуракыт холтаты янхыс*, манс. *Хонти во-ракыт холта\кве ялыс* ‘На войну ходил уничтожить врагов’.

Аргументы-объекты

9. Пациентив – одушевлённый аргумент как объект действия или отношения: хант. *Пурсь ампын нюхатса*, манс. *Пурсь ампын нявлас* ‘Собака преследовала свинью’; хант. *Эвем сяселн шанша омасса*, манс. *Агим сясекватэн сансын унттавес* ‘Дочь=мою бабушка=её посадила на колени’; хант. *Асем мирхота вохса*, манс. *Асюм мирколн воввес* ‘Отца=моего пригласили на собрание’.

10. Объектив – неодушевлённый аргумент как объект действия: хант. *Ики холан омасл*, манс. *Ойка хули унтты* ‘Старик сеть ставит’; хант. *Ака\кем сэва\ вей тыйл*, манс. *Анеквам сагы\ вай саги* ‘Бабушка=моя чулок вяжет’; хант. *Му\ моньсь хулантлув*, манс. *Ман мойт хунтлэва* ‘Мы сказку слушаем’.

11. Результатив – аргумент, выступающий как результат действия: хант. *Му\ торн пай етицуптасэв*, манс. *Ман пум аня аступтаслув* ‘Мы завершили стог’; хант. *На\ хул велсын*, манс. *На\ хул алсын* ‘Ты рыбы добыл’; хант. *Яем вальсям нёхарл*, манс. *Ка\кум вальсям ёрги* ‘Брат=мой строгаёт (букв. строгаёт стружку, в смысле – «делает стружку»)’; хант. *Асем хот омсас*, манс. *Асюм кол унттыс* ‘Отец=мой дом построил (букв. поставил, посадил)’.

12. Перцептив – одушевлённый или неодушевлённый аргумент как объект физиологического или психического состояния: хант. *Имет палтапн юхатсаит*, манс. *Экват пилысьмал ёхтавесыт* ‘Женщины испугались’ (букв. Женщины были скованы страхом); хант. *Эвие какилн ехатса*, манс. *Агикве какилыл ехтавес* ‘Девочка кашляет’ (букв. Девочка была одолеваема кашлем); хант. *Амплэ иськийн тэсы*, манс. *Ампрись асирман тайвес* ‘Собачонка замёрзла’ (букв. Собачонка была съедена морозом); хант. *Эвем марэмасы*, манс. *Агим марсюмавес* ‘Дочь=моя соскучилась’ (букв. Дочь=моя была подвержена скуке).

13. Делибератив – аргумент как источник: хант. *?ув лувы улупсаела аматлял*, манс. *Тав такви олтулэн сягтыглы* ‘Он радуется своей

жизни=его’; хант. *Лаль ола\н ар нэпек ханшум*, манс. *Хонт урыл сав нэпек хансыма* ‘**О войне** много книг написано’, хант. *Моньсят элты ар нумас па пумась хоятыт вулат*, манс. *Мойтытныл сав номт ос пумась элихоласыт вигыт* ‘**Из сказок** много мудрости и прелести черпают (букв. берут) люди’.

14. Инструментатив – аргумент как орудие или инструмент: хант. *Кешийн нянь эвалт*, манс. *Касаил нянь якты* ‘**Ножом** хлеб режет’; хант. *Ов томанн лап-тухрум*, манс. *Ави туманыл лап-товртым* ‘Дверь закрыта **на замок**’; хант. *Ики нарсьюхи ёнтыс*, манс. *Ойка са\квылтапыл ёнги* ‘Старик играет **на национальном струнном музыкальном инструменте**’; хант. *Васы пошканн ветса*, манс. *Вас писалил алвес* ‘Утка убита **ружьём**’.

15. Мобилитив – аргумент как средство передвижения: хант. *Хонн холтийта манл*, манс. *Хапл хулпая\кве мины* ‘**На лодке** сетковать (ставить сети, рыбачить) поедет’; хант. *Товн пум таттишт*, манс. *Лувл пум тотылы* ‘Сено возит **на лошади**’; хант. *Вульйн мойлаты я\хлув*, манс. *Салыл муйла\кве ялэв* ‘**На оленях** в гости съездим’.

16. Медиатив – аргумент как средство (санитарно-гигиеническое, техническое и т. д.): хант. *Эвем апсел луньсяхн лэхитл*, манс. *Агим апситэ муйтэкл ловтытэ* ‘Дочь=моя братишку=её **мылом** моет’; хант. *Лекар пуртонн няврам ямамтаслэ*, манс. *Лекар портулн няврам пусмалтастэ* ‘Врач **лекарством** ребёнка вылечил’; хант. *Пел\аит пуса\н вошатсаит*, манс. *Лемуит посымл посвесыт* ‘Комары спрятались от дыма’ (букв. Комары прогнаны посредством дыма); хант. *Товыт сотн окрота акатсаит*, манс. *Лувыт солволыл окротн атвесыт* ‘Лошадей посредством **соли** собрали в ограду’.

Адвербиальные аргументы

17. Локатив₁ – аргумент как место: хант. *Вонлтыйлты эвет Ём вош эва\т юхатсат*, манс. *Ханисьтахтан агит Ям усныл ёхтасыт* ‘Студентки прибыли **из Ханты-Мансийска**’; хант. *Ин эвет Петербург вошин вллат*, манс. *Ань агит Петербург уста олэгыт* ‘Теперь девушки живут **в Петербурге**’, *Арсыр институтатн вонлтыйлат*; манс. *Сырсыр институтытта ханисьтахтэгыт* ‘Учатся в разных **институтах**’; хант. *Овыс мува ропитты манлат*, манс. *Луи ман рупита\кве минэгыт* ‘По-еуду работать **на Север**’.

18. Темпоратив – аргумент как время: хант. *Ема\ хат\н мов\ нэ ёхтас*, манс. *Ялны\ хоталт муи\ нэ ёхтыс* ‘**В праздничный день** приехала гостя’; хант. *А\кием талан хат\ рупитас*, манс. *Омаквем пус хоталт рупитас* ‘Мамочка=моя трудилась **весь день**’; хант. *Веллас пурайн вонт хотн вдат*, манс. *Алысьлан порат вор колт олсыт* ‘**В период промысла** жили в лесной избушке’.

19. Мезуратив – аргумент как способ: хант. *Сядум няэрэм нявлак портарна воюмттасы*, манс. *Люньсим няврам эрпаци\ потрыл оилмаптавес*

‘Плакавшего ребёнка усыпили ласковым разговором’; хант. *Икилэ вел-пасн вл*, манс. *Ойкарись ворам олы* ‘Старичок живёт промыслом’; хант. *Менев лувь хотлна рупитас*, манс. *Манюв такви колэт рупитас* ‘Невестка=наша работала на дому’.

20. Каузатив₂ – аргумент как причина: хант. *Иськи патта сумат кивартасы*, манс. *Асирма магыс халь полил хойвес* ‘Из-за мороза берёза заиндевила’; хант. *Апсем так/ы а\кем олмел ан йилы*, манс. *Апсим тал омам улме ат юве* ‘Без сестрёнки=моей мама=моя не может уснуть’; хант. *Лаварт /а/ь юшит патта ухал вотса*; манс. *Тарвиты\хонт лё\хыт магыс пу\кве хот-вотыма* ‘Из-за трудных военных дорог голова=его поседела’; хант. *Мушл патта Серёжа кортан хасис*, манс. *Азме магыс Серёжа павылт хультыс* ‘Из-за болезни=его Серёжа остался в деревне’.

21. Финатив – аргумент как цель: хант. *Та/ кеша турн верлат*; манс. *Тэлы магыс пум варегыт* ‘Заготавливают (букв. делают) сено на зиму’; хант. *Сах кеша ханшет эватсам*, манс. *Сахи магыс хансат яктасум* ‘Для ягушки (шубы) вырезала=я узоры’; хант. *Пух нянь лутты я\хыс*, манс. *Пыг нянь ёвту\кве ялас* ‘Мальчик сходил купить хлеба’; хант. *Эви йи\ка манс*, манс. *Аги витн минас* ‘Девочка пошла по воду’.

Именные детерминанты

Аргументы - атрибуты

22. Посессив – одушевлённый или неодушевлённый аргумент, называющий обладателя (владельца): хант. *Икем холап намн ихатман*, манс. *Ойкап хулп налумт тагатым* ‘Сеть мужа=моего на берегу висит’; хант. *Юхан хонана си хойсамын*, манс. *Посал ватан та хоисмен* ‘И причалили=дв. к берегу реки’; хант. *Няврэм венишел хулэн*, манс. *Няврам вильтэ па\кы* ‘Лицо=его ребёнка грязное’; хант. *Окрот ов пелки*, манс. *Окрот ави палыг* ‘Ворота ограды открыты’.

23. Композитив – неодушевлённый аргумент как материал, вещество, состав или содержимое какого-либо предмета, выступающего в роли другого аргумента: хант. *Хул сон хотхарыйн омасл*, манс. *Хул сана колкаит унды* ‘Берестяное корыто с рыбой стоит на полу’; хант. *Воньсюмотн ткэна\ пайпаит лопаса туватн*; манс. *Пилыл талдан пайпат сумъяхн тотэна* ‘Ягодой наполненные (букв. полные) берестяные рюкзаки занесите в амбар’; хант. *Нянь хырналан хопа понатн*, манс. *Нянь хургаан хапн пинээн* ‘Мешки=дв. с хлебом положите=их в лодку’; хант. *Воша\эхат кев хотн вллат*, манс. *Усын махмыт ахвтас колт олэгыт* ‘Горожане живут в домах из камня’.

24. Комплетив – аргумент количества: хант. *Кат хоят ёхи ло\ас*, манс. *Кит хотпа юв сялтыс* ‘Два человека домой вошло’; хант. *Холмит мис осьн влс*, манс. *Хурмит мис осьта олыс* ‘Третья корова была в стойке’;

хант. *Там ол ар нохыр вѳс*, манс. *Ты тал сав пакв олыс* ‘В этом году было много шишек’; хант. *Эсомъй\к куришка яньсе*, манс. *Сяквит куришка аелн* ‘Выпей=её кружку молока’.

Аргументы-предикаты

25. Номинатив – аргумент номинации, классификации: хант. *Катсь-курт – ема\ тахи*, манс. *Калсьпагыл – ялы\ кан* ‘Калтысьяны – святое место’; хант. *Похем – велпас ху*, манс. *Пыгум – вораян хум* ‘Сын=мой – охотник’; хант. *Солмат – эла\ лэтот*, манс. *Солмат – аты\ тэнут* ‘Саламат (мучная каша – национальное блюдо) – вкусное блюдо’; хант. *Там эвие – ма хилнэ\ием*, манс. *Ты агикве – ам апгум* ‘Эта девочка – моя племянница=ласк.’.

26. Ономасиатив – аргумент как прозвище, кличка одушевлённого или неодушевлённого объекта: хант. *?ув похел Юрая нэматсалэ*, манс. *Тав пиге Юраг намаятэ* ‘Он сына=его Юрой назвал=его’; хант. *Микулка ики бригадира лупла*, манс. *Микулка ойка бригадирыг лававе* ‘Деда Николая называют бригадиром’; хант. *Яем ям хоята лу\атла*, манс. *Канкум ёмас хотпаг ловиньтахты* ‘Дядя=мой считается (слывет) хорошим человеком’; хант. *Пунька нэмуп амп ким этмас*, манс. *Пунька намуп амп кон квалас* ‘Выскочила собака по кличке Пунька’.

27. Транслатив – аргумент превращения, «метаморфозы»: хант. *Эвел тохтура йис*, манс. *Агите тохтурыг емтыс* ‘Дочь=его доктором стала’; хант. *Похел кусья пирийса*, манс. *Пыге кусяиг периявес* ‘Сына=его избрали руководителем’; хант. *Наста тув имиела йис*, манс. *Наста тав экваквег емтыс* ‘Настя стала его женой=ласк.=его’; хант. *Юхиуп ай хотыге верантыс*, манс. *Йивсуп мань колквег варапахтас* ‘Деревянная чурка превратилась в маленькую избушечку’.

28. Локатив₂ – аргумент локализации в ваховском диалекте хантыйского языка: *Карднташѳт птсйн оутынѳк ѳјатѳт* ‘Карандаши на столе’ (букв. Карандаши на поверхности стола) [Терёшкин 1961: 51].

Глубинное предложение

А. Прямая речь: хант. «*Вѳн шува йиты птс*», – нумасум ма, манс. «*Яныг сэ\кв емта\кве патыс*», – номсасум ам «*Стал возникать большой туман (в смысле – густой)*», – думал я’.

Б. Придаточная часть сложноподчинённого предложения: хант. *Вот ая ки йил, халэвт еллы манлув*, манс. *Вот маниг ке емты, хольтан элаль минэв* ‘Если ветер стихнет (букв. станет маленьким), завтра продолжим путь’.

В. Инфинитивная конструкция: хант. *Няврэма вѳлмалн Пушкин нянял моньсят хѳлантты сама\ вѳс*, манс. *Няврамиг олкетэт Пушкин нянятэ мойтыт хонтла\кве сымы\ олас* ‘Будучи ребёнком, Пушкин любил слушать сказки няни=его’.

Данный список ролей можно обобщить в следующей таблице.

ГЛУБИННАЯ СТРУКТУРА ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Глагольный детерминант			Именной детерминант	
Субъект	Объект	Обстоятельство	Атрибут	Предикат
I. Глубинные падежи				
Агентив Каузатив ₁ Элементив Экспериенсив Бенефициатив Дескриптив Комитатив Контрагентив	пациентив объектив перцептив результатив делибератив инструментатив мобилитив медиатив	локатив ₁ темпоратив мезуратив каузатив ₂ финатив	посессив композитив комплетив	ономасиатив номинатив транслатив только в вах. диалекте хант. языка – локатив ₂
II. Глубинные предложения (по предварительным наблюдениям)				
Агентив (прид., прич. и глагол. имя) Дескриптив (инфинитив)	объектив (прямая речь, инфинитив) делибератив (прид., прямая речь и прич.)	локатив ₁ (прид.) темпоратив (прид., прич. и глагол. имя) каузатив ₂ (прид., прич. и дееприч.) мезуратив (прид., дееприч.) финатив (прид., дееприч., инфинитивные конструкции и супин)	композитив (прич. констр.)	транслатив (прич. и дееприч. констр.)

Таков список семантических ролей в обско-угорских языках. Известно, что в лингвистической литературе ещё отсутствует единство в понимании значения и определения глубинного падежа. Поэтому, естественно, система аргументов в обско-угорском предложении содержит и спорные моменты, и некоторые противоречия. Это неизбежно.

Привлечённый для анализа фактический материал обско-угорских языков уже позволяет *продолжить* список ролей. Возможна дифференциация аргумента-сопроводителя: 1) комитатив₁ – субъектная роль; 2) комитатив₂ – объектная роль. Приведём иллюстрации комитатива₂: хант. *Няврем апм кати панна касятыс*, манс. *Няврем амп кати ёт касалас* ‘Ребёнок увидел собаку с кошкой’. Возможно выделение антикомитатива: хант. *Асем йивпухел так/ы, пушканэ/ так/ы, амне/ так/ы си манс*, манс. *Асюм ягпиге тал, писале та/, амне та/ та минас* ‘Отец=мой без брата=его, ружья=его, собаки=его ушёл-таки’.

Возможно обратное: список из 20 аргументов можно сократить. Так, под единой семантической ролью локатив₁ объединяются аргументы с собственно локативными, элативно-аблативными, иллативно-аллативными и пролативными ролями. По крайней мере для обско-угорских и других уральских языков дифференциация в этой семантической области оказывается никак не менее существенной, чем, скажем, разграничение аргументов-субъектов каузатив₁ (каузатор) и агентив или разграничение объектов инструментатив, мобилитив и медиатив. В последнем случае возможно рассмотрение единой семантической роли – инструментатив (аргумент,

выражающий орудия и средства). Адвербиальный аргумент локатив₁ можно дифференцировать на статический локатив₁ и динамический локатив₁. При этом как статическому, так и динамическому локативу на поверхностном уровне соответствовало бы практически неограниченное число реализаций. Ср.: 1) статический локатив: хант. *похие омаст* – *хотн/хотта/ати/насан хона/н/насан вутпин/насан итпин/па пелькн*, манс. *пигке унды* – *колта/колалат/насан похат/насан ватат/насан ёлы-палт/насан та палт* ‘Мальчик сидит – в доме/на крыше/у стола/за столом/под столом/по другую сторону стола’; 2) динамический локатив: хант. *похие маныт* – *хота/хот кимпия/хот хося/хот эвыт/хона\ хуват/унт мухты/реп па пелькн*, манс. *пигке мины* – *колн/колныл/кол палт/кол похан/вата хосыт/вор тара/сома мот палн* ‘Мальчик идёт – в дом/из дома/к дому/от дома/по берегу/сквозь лес/на другую сторону горы’. Принцип морфологического описания «от значения к форме», который лежит в основе концепции глубинных падежей Ч. Филлмора, «страдает» в достаточной мере произвольностью странствий в мире денотатов.

Список ролей мы оставляем открытым. Глубинная структура обско-угорских языков – перспективный объект будущих исследований. Описание семантических ролей на уровне всех частей речи позволит дать наиболее полную характеристику глубинной структуры хантыйского и мансийского языков и их глубинно-поверхностного тождества. В перспективе – рассмотрение синтаксиса имен прилагательных и наречий, которые также релевантны для валентных отношений. Механизм заполнения (семантического и синтаксического) свободных позиций прилагательных и наречий таков же, что и у глаголов и существительных. Соотношение семантического и грамматического анализа аргументов является отражением всеобщих связей объективной действительности (природы мира), которое происходит в нашем сознании. Прилагательные выражают свойства предметов, лиц, процессов и иные свойства. Наряду с одноместными прилагательными существуют двухместные и многоместные (производные от глаголов). Имя прилагательное реализуется в предложении как атрибут и как предикат. Неординарны также компаративные и суперлативные конструкции. Наречия как часть прилагательных обозначают свойства действий, процессов и состояний. Они обладают одной свободной позицией. Сюда, вероятно, можно причислить предложения с категорией состояния. Компаративные отношения, выраженные наречиями, также заслуживают внимания исследователей. В целом различие между такими частями речи, как прилагательное и наречие, наблюдается вне логико-семантического уровня.

ЛИТЕРАТУРА

- Амбарцумян 1973 – Амбарцумян Р. С. Логико-семантический и синтаксический аспект теории валентности: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1977.
Апресян 1973 – Апресян Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.

- Апресян, Палл 1982 – Апресян Ю. Д., Палл Э. Русский глагол – венгерский глагол. Будапешт, 1982.
- Арват 1984 – Арват Н. Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. Киев, 1984.
- Ахатов 1981 – Ахатов Г. Х. Об основных признаках парных слов // Советское финно-угроведение XVII № 2. 1981.
- Богданов 1977 – Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
- Гак 1969 – Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.
- Лыскова 1996 – Лыскова Н. А. Семантический аспект синтаксиса имени существительного в обско-угорских языках. СПб., 1996.
- Хейнсоо 1987 – Хейнсоо Х. Ю. Взаимоотношения сказуемого и подлежащего в водском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тарту, 1987.
- Fillmore 1968 – Fillmore Ch. I. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory/Eds. E. Bach and R. T. Harms. New York; London; Toronto, 1968.
- Fillmore 1970 – Fillmore Ch. I. Subjects, speakers, and roles // Synthese. Vol. 21. Nos 3/4. 1970.
- Fillmore 1971 – Fillmore Ch. I. Some Problems for Case Grammar // Working Papers in Linguistics / Onio State University. Department of Linguistics, № 10. Onio, 1971.

СОКРАЩЕНИЯ

вах-вас. – вах-васюганский
манс. – мансийский

обдор. – обдорский
хант. – хантыйский

.....

О. Ю. Бояркина
Саранск

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале романа А. Мартынова «Розень кши»)¹

В эрзянском языке первые сведения о сложноподчиненных предложениях находим в работе А. П. Рябова [Рябов 1953]. В сложноподчиненном предложении он выделяет главное предложение и придаточное предложение. А. П. Рябов рассматривает четыре типа сложноподчиненных предложений: придаточные времени, условные, сравнительные, дополнительные придаточные предложения.

М. Н. Коляденков в своей «Грамматике мордовских языков» [Коляденков 1954] дает более полную классификацию сложноподчиненных

¹ См. Мартынов А. А. Розень кши. Саранск, 1977.

предложений. Существуют сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащими, сказуемыми, определительными, дополнительными, обстоятельственными, с придаточными образа действия, придаточными времени, придаточными меры или степени, придаточными места, придаточными причины, придаточными следствия, придаточными условными, придаточными уступительными.

Такую же классификацию сложноподчиненных предложений находим в одном из исследований И. С. Бузакова [Бузаков 1973]. Но в отличие от вышеуказанной классификации И. С. Бузаков выделяет в отдельную группу сложноподчиненные предложения с придаточными компаративными (сравнительными). В свою очередь, М. Н. Коляденков же [Коляденков 1954] рассматривает придаточные компаративные как разновидность придаточных образа действия. По мнению И. С. Бузакова, «такой подход к придаточным компаративным неправомерен, так как они по своей семантике и синтаксико-стилистическим особенностям отличаются от придаточных образа действия» [Бузаков 1973: 128].

В современных мордовских литературных языках сложное предложение является развитой категорией, но в разговорной речи и в устном народном творчестве встречается реже, чем в литературных произведениях. И мы в своей статье рассмотрим сложноподчиненные предложения в эрзянском языке на материале романа А. Мартынова «Розень кши» («Ржаной хлеб»).

Необходимо отметить, что сложноподчиненное предложение в современных мордовских языках по своей общей структуре значительно сложнее сложносочиненного, а по средствам выражения – богаче. При подчинительной связи компоненты сложного предложения связаны между собой теснее, чем при сочинении. Сущность подчинения заключается в том, что один из составных компонентов (зависимый) или выполняет функции какого-либо члена другого (главного) компонента, или находится по смыслу и грамматическим отношениям в зависимости от главного компонента, например:

Валскень экшеванть, зярдю перть пельга эрвя кодамо толсо палсь ды цитнесь тусто росась, «Инерка» совхозсто сыргасть колмо самоходной комбайнат (с. 114) «По утренней прохладе, когда вокруг разноцветными огнями переливалась и сверкала густая роса, из совхоза «Инерка» выехали три самоходных комбайна».

В примере компонент зярдю перть пельга эрвя кодамо толсо палсь ды цитнесь тусто росась ‘когда вокруг разноцветными огнями переливалась и сверкала густая роса’ поясняет главную часть предложения: валскень экшеванть «Инерка» совхозсто сыргасть колмо самоходной комбайнат ‘по утренней прохладе с совхоза «Инерка» выехали три самоходных комбайна’.

Итак, подчинение – такой способ связи составных компонентов сложного предложения, при котором один компонент синтаксически зависит от другого и поясняет его.

Основными грамматическими средствами связи компонентов при подчинении в мордовских языках являются подчинительные союзы и союзные слова.

Сложное предложение, в котором один составной компонент синтаксически подчинен другому и связан с ним подчинительным союзом или союзным словом, называется сложноподчиненным.

Независимый компонент называется главным, зависимый – придаточным: Зярдю те́йтересь морызе «Умаринанть», весе марто вейсэ, кедень апак жалья, цяпась Зинань Захаргак (с. 8) ‘Когда девушка спела «Умарину», вместе со всеми, не жалея рук, аплодировал Зине и Захар’.

В этом примере весе марто вейсэ, кедень апак жалья, цяпась Зинанень Захаргак ‘вместе со всеми, не жалея рук, аплодировал Зине и Захар’ – главный компонент. Зярдю те́йтересь морызе «Умаринанть» ‘когда девушка спела «Умарину»’ – зависимый компонент, поясняющий главную часть. Этот компонент – придаточный.

Сложноподчиненное предложение характеризуется следующими признаками: 1) главный компонент сохраняет значение самостоятельного высказывания, а придаточный зависит от главного в семантическом и грамматическом отношении; 2) главный и придаточный компоненты связываются подчинительными союзами, союзными словами и подчинительными союзами и подчинительной интонацией.

Подчинительные союзы – это абстрактная категория, не обладающая вещественным (лексическим) значением. Выступая в качестве выразителя синтаксических отношений между частями сложноподчиненного предложения и находясь в составе зависимого компонента, подчинительные союзы тесно сливаются с подчиненным компонентом.

Несмотря на то, что союзы выступают только в качестве формальных выразителей синтаксических отношений между частями сложноподчиненных предложений, каждый из них вносит в содержание предложения определенный оттенок значения: сравнения, цели, причины, и т. д.:

1. Таяня неть валтнэде кода-бути мик кирмицявсь, прок кияк коняс лоштизе, рудаз ведьсэ валызе (с. 201) ‘Таяня от этих слов как-то даже съежилась, словно кто-то ударил ее по лбу, облил грязной водой’.
2. Пецянь чокшнестэнтъ Дарья Семеновна путсь чапакс, штобу церанзо самонтень панемс прякат, суюкорнэть, панжакайтъ. (с. 179) ‘В пятницу вечером Дарья Семеновна поставила тесто, чтобы к приходу сына испечь пироги, лепешки, ватрушки’.

В первом примере союз прок ‘словно’ вносит в содержание предложения оттенок сравнения, а во втором союз штобу ‘чтобы’ – цели.

Эрзянские союзы делятся на две группы:

- 1) заимствованные из русского языка: што ‘что’, штобу ‘чтобы’, хоть ‘хотя’, кабу ‘кабы’, бую ‘будто’.

2) исконно мордовские союзы: кодак как штобу ‘чтобы только’, прок (теке) ‘как’, кадык ‘пусть’, мекс ‘почему’, секс ‘потому’.

В функции союзов могут выступать частицы натой ‘даже’, ансяк ‘только’, мик ‘даже’.

Примеры:

1. Черников Захар пек кеждяся Тянянь лангс ды покордавсь мик секскак, мекс ‘Изнямо’ колхозсо эзь невтеве тенст концертэсь (с. 98) ‘Черников Захар очень рассердился на Таню и обиделся даже потому, почему в колхозе «Победа» им не удалось показать концерт’.
2. Поля а мельсэ варштась Зина лангс, пурнынзе коневонзо, сайнзе ландыштненьгак, штобу сынст путомс ведь марто чакшкес (с. 19) ‘Поля безразлично посмотрела на Зину, собрала бумаги, взяла и ландыши, чтобы поставить их в горшок с водой’.
3. Сисем иень перть Сурайкин истя невтиезе прынзо, истя крутинзе «гайкатнень», мик ламо колхозниктне ней сынскак а мельсэ аштить сонзэ эйтэ (с. 15) ‘За семь лет Сурайкин так показал себя, так закрутил «гайки», даже многие колхозники и сами теперь недовольны им’.

Союзные слова – средство грамматической связи компонентов сложноподчиненного предложения, имеющее то или иное лексическое значение и по функции в составе зависимого компонента подобное знаменательному слову.

Союзные слова, вступая в связь с другими словами, выполняют в составе зависимого компонента роль членов предложений, являясь подлежащими, сказуемыми, определениями, дополнениями и обстоятельствами.

В эрзянском языке в качестве союзных слов употребляются следующие относительные местоимения и местоименные наречия: ки (кие) ‘кто’, мезе ‘что’, кона ‘который’, кодамо ‘какой’, косо ‘где’, косто ‘откуда’, ков ‘куда’ (по направлению), козо ‘куда’ (в каком месте), кува (куваня) ‘где, вдоль чего’, кода ‘как, когда’, зяро ‘сколько’, сярдо ‘когда’, зярс ‘до каких пор’. Многие из них (ки, кие, мезе, кодамо, кона) употребляют-ся как в номинативе, так и в косвенных падежах.

Примеры:

1. Килейкин Федя вагон кенкшенть чирестэ яла вансь, кода эрзва секундастонть удалов кадовить тиринь таркатне, сехте питней ды вечкевик ломантне. (с. 4) ‘Килейкин Федя в приоткрытую дверь вагона все смотрел, как в каждую секунду позади остаются родные места, самые дорогие и любимые люди’.
2. Потап Сидорович совхозонь кавто комбайнертнэнь эсензэ машинасо ускинзе колхозникнень кудов, косо эйсэст учесь вадря ужин (с. 117) ‘Потап Сидорович двух комбайнеров из совхоза на своей машине привез в дом колхозника, где их ждал хороший ужин’.
3. Таяя варштась вишнянь куротнень лангс, конат чиремсть вальматнес, мизолгась тенст (с. 18) ‘Таяя посмотрела на кусты вишни, которые склонились к окнам, улыбнулась им’.

Подчинительные союзы и союзные слова всегда находятся в составе придаточного компонента, а в главном компоненте им соответствуют соотносительные слова – указательные местоимения или местоименные наречия.

Наличие соотносительного слова указывают в главном компоненте на то значение, которое выражено в придаточной части. В свою очередь придаточный компонент раскрывает и уточняет содержание соотносительного слова.

Поэтому и придаточная часть выполняет в сложноподчиненном предложении роль такого члена предложения, каким и в составе главного компонента является соотносительное слово.

В эрзянском языке в качестве соотносительных слов употребляются т-овые и с-овые указательные местоимения и местоименные наречия: тона 'тот', тоната 'тот самый', тосо 'там', тоско 'там же', тосто 'оттуда', тов 'туда', тозо (тозонь) 'туда', тува 'там, по тому месту', те 'этот', тесэ 'здесь', теск (теске) 'здесь же', тесэ 'отсюда', тев (тей) 'сюда', тезэ (тезэй, тезэнь) 'сюда', тия 'здесь, по этому месту', се 'тот, та, то', секе 'тот же, этот же', сескэ 'там же, сразу', сестэ 'тогда, оттуда', сезэ, сезэй, сезэнь 'туда'.

В качестве соотносительных слов часто употребляются указательные местоименные слова истямо 'такой', истя (истяня) 'так'.

Примеры:

1. Весе эрямонзо перть Ландышева Танянь кияк эзизе покордакшно истя, кода те Черниковось заметкасонтъ (с. 105) 'За свою жизнь никто не оскорбил Ландышеву Таню так, как этот Черников в заметке'.
2. Крыльця лангсто Коля мельга Таня вансь се шкас, зярс тонась эзь кекшеве кудотнень икельга касыця пиже чувтнэнь экшс (с. 209) 'Крыльца Таня смотрела за Колей до тех пор, пока тот не скрылся за растущими перед домами зелеными деревьями'.
3. Юты весе эрямось вана истя жо, кода ютась пиземь те коволсь (с. 10) 'Пройдет вся жизнь вот так же, как прошел этот шквал дождя'.

В заключение следует отметить, что приведенные примеры – лишь небольшая иллюстрация сложноподчиненных предложений, встречающихся в романе А. Мартынова «Розень кши» («Ржаной хлеб»). Необходимо подчеркнуть, что в этом произведении автором используются все типы сложноподчиненных предложений, компоненты которых связаны как подчинительными союзами, так и союзными словами.

ЛИТЕРАТУРА

- Бузаков 1954 – Бузаков И. С. Сложное предложение в мордовских языках. Саранск, 1973.
- Коляденков 1954 – Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 2. Синтаксис. Саранск, 1954.
- Рябов 1953 – Рябов А. П. Эрзянь кельнь грамматика. Омбоце пелькс. Синтаксис. Москов, 1953.

А. С. Герд
Санкт-Петербург

ОБ ОДНОМ РЕФЛЕКСЕ БЫЛОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ (карельское *no* – русское *но*)¹

Не только диалектологи-русисты, но и почти все гости Карелии, носители русского языка не раз замечали, что даже в Петрозаводске местные русские жители при ответе на тот или иной вопрос очень часто вместо утвердительной частицы *да* употребляют частицу *но*, нередко с удвоением. – Ты собралась? – Но. – Ты готова? – Но, но; или из речи студентов: – Ты все сделала уже? – Но, все (об экзаменах). Попробуем же взглянуть на это маленькое слово несколько шире.

Обратимся прежде всего к русским говорам Карелии. Утвердительная частица *но* в значении ‘да’ при ответе на простые вопросы, не требующие никакого дополнительного пояснения и разъяснения, шире всего употребляется и чаще всего отмечается в говорах Обонежья, в Заонежье, реже в Пудожье. Приведем примеры из СРГК и картотеки СРГК [КСРГК]².

– Здесь бабушка Катя живет? – Но, здесь. – А дома она? – Но, дома.
Медв. Космозеро.

– В печку хлеб класть? – Но, но в печку. *Медв. Габнаволок.*

– Лисиц-то много? – Но. *Медв. Данилово.*

– Ты ела? – Но. *Медв. Падмозеро.*

– Ты здесь живешь? – Но. *Пуд. Шала.*

– Привезли хлеб? – Но. *Прион. Ладва.*

– Пойдем завтра в лес? – Но. *Прион. Вороново.*

– На пароходе едешь? – Но. *Выт. Кузнецово.*

Отмечена, правда, гораздо реже, частица *но* в этом же значении и в бассейне реки Онеги. Примеры:

– Вы Зорина? – Но. *Плес. Федово.*

– Ваш внук? – Но, мой. *Карг. Орлово.*

– А кожи-то били? – Но. *Карг. Орлово.*

– Луковой травы идешь рвать? – Но. *Онеж. Тамлица.*

Наконец, единичные примеры из Белозерья и Беломорья:

– Пойдешь со мной? – Но. *Чер. Дмитровское.*

– Картошки-то набрали? Уклали-то куда, в кладовку? – Но. *Тер. Умба.*

В СРГК и в КСРГК, правда, реже, отмечена и утвердительная частица *ну* в значении ‘да’. В части примеров, по-видимому, можно видеть фонетический вариант частицы *но* с более закрытым *о*.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 01-04-49006-А/С.

² Список сокращений районов согласно СРГК.

- Вы девочки с того дома? – Ну. *Белом. Вирма.*
- Что, Ивановна, куры-то плохо кладутся? – Ну, ну, плохо. *Выт. Игнатово.*
- Тебе сделать птичку? – Ну, сделай. *Пуд. Корбозеро.*
- У Вас здесь школа есть? – Ну. *Пуд. Канзанаволок.*
- Да как была ты в магазине? – Ну. *Выт. Девятины.*
- Ты корову одоила? – Ну. *Медв. Харлово.*

Как видно из примеров, ареал варианта *ну* в целом тот же – прежде всего Обонежье, частично Южное Беломорье. Хотя, как кажется, употребление варианта *ну* сопровождается несколько другой интонацией.

Показательно, что ни частица *но*, ни *ну* не известны севернее Кеми и восточнее Каргополя. Таким образом, помимо говоров Обонежья утвердительная частица *но* в значении ‘да’ известна в Кемском, Каргопольском и Плесецком районах, т. е. на территориях исторического влияния говоров Обонежья. В Южное Белозерье, в Кадуйский и Череповецкий районы она пришла, по-видимому, по реке Вытегре. Что касается обширной территории других русских народных говоров, то, как показывают наши материалы, утвердительная частица *но* в ответах на вопрос не является яркой отличительной чертой русских диалектов. Русская диалектология располагает сегодня большим числом хороших новых словарей и атласов. Однако утвердительная частица *но* не отмечена ни в одном из них, кроме СРНГ, но и здесь все основные примеры опять приходится на помету КАССР, Волог. и говоры Сибири. В говоры Сибири она занесена, конечно, позднее.

Итак, по материалам живых полевых записей 60-х годов XX века по частоте своего употребления утвердительная частица *но* в значении ‘да’ является характерной особенностью русских говоров Обонежья, и в особенности, Заонежья. То, что *но* в этом значении не было отмечено ранее в других областях свидетельствует о том, что собирателей, по-видимому, ничто не поражало в употреблении слова *но*.

В то же время нельзя не обратить внимание на то, что слово *но* как союз в разных его функциях, чаще в значении противительного союза (в значении ‘mutta’) достаточно широко употребляется в различных прибалтийско-финских языках. Большое число примеров из финского языка см. в NS и в словарях других прибалтийско-финских языков и диалектов [KKS, KMS, LMS, SMS, VKS]³. И только в третьем томе KKS в последнем шестом значении при слове *no(h)* находим примеры такого же употребления слова *но* в карельском значении ‘да’ при ответе на вопрос.

- Jaiko muamoš kotih? – No.
- Marjahko läksit? – No. *Vuokkiniemi, Rebola.*
- Ongo tuo kniiiga Raamatt? – No. *Paatene.*

---

³ В словарях Г. Н. Макарова [Макаров] и А. В. Пунжиной [Пунжина] подобных примеров нет. Совсем не отмечено слово *но* и у Я. Калимы [Kalima 1952].

– Oligo hebone siula? – No miula oli, heinässa. *Paatene.*

Вряд ли действительно стоит сомневаться в том, что исторически противительный союз *no* в карельском (ливв, люд.) и в водском заимствован из русских диалектов [SKES, SSAES, VKSMS]. Ю. Мягисте также выделяет особо карельское *no*, олонечкое *no*, *noh* в ответах на вопрос, полагая, что в целом *no* во всех финно-угорских языках – наследие индоевропейского [ЕЕВ]. Сложнее ответить на вопрос, почему слово *no* (*no*) при ответе на вопрос в функции утвердительной частицы выступает только в русских говорах Обонежья и в карельском языке. Формально перед нами факт вторичного усиления старого русского союза *no* на одной определенной локально замкнутой территории. И здесь могут быть два равных предположения.

1. Можно предположить, что свое утвердительное значение в функции частицы слово *no* приобрело уже только в Обонежье под влиянием карельских диалектов. Каков был этот процесс? Слово *no* (*no*) в функции союза из русских диалектов и, по-видимому, гораздо южнее Онежского озера проникло в разные прибалтийско-финские языки. Затем только в карельских диалектах, преимущественно в говорах средней Карелии, оно стало употребляться в функции утвердительной частицы, и уже позднее, в эпоху карельско-русского билингвизма и постепенного перехода предков заонежан на русскую речь, приблизительно в XIII–XIV веках, слово *no* в этом своем новом грамматическом значении проникло из карельского в русские говоры Заонежья и Прионежья⁴. Подобное «обратное» заимствование могло произойти только в условиях билингвизма.

2. Но возможно и другое предположение. А именно, что старый русский противительный союз *no* в русских говорах Обонежья на основе изъяснительной функции развил новое локально приуроченное утвердительное значение, которое и было в разной степени заимствовано карельскими диалектами.

И то, и другое предположение – гипотезы, однако в любом случае это маленькое и незаметное грамматическое слово являет нам следы былой активной межъязыковой интерференции в Обонежье⁵. Широкому закреплению слова *no* в этом новом значении и распространению его позднее в городской речи в Карелии, конечно, способствовало то, что рядом существовало старое русское слово *no* как союз.

---

⁴ Вряд ли в русском диалектном *no*, *no-no* следует усматривать влияние финского *no*, по *niin*.

⁵ Конечно, влияние прибалтийско-финских диалектов на русский язык в морфологии и синтаксисе сказалось не столь сильно, как в лексике. Обширные материалы см.: Доля Т. Г. Синтаксис простого предложения в говорах Заонежья Карельской АССР. Л., 1967, и специально – Маркова Н. В. Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежских говорах и их история. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1989; Маркова Н. В. Глагольные конструкции с родительным падежом объективирования в онежских говорах // Севернорусские говоры. СПб., 1999.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- КСРГК – Картотека Словаря русских говоров Карелии. Архив Межкафедрального словарного кабинета им. Б. А. Ларина С.-Петербургского университета.
- Макаров – Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (Ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
- Пунжина – Пунжина А. В. Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1994.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Под ред А. С. Герда. Вып. 4. СПб., 1999.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Сороколетова. М. – Л., 1965 –.
- EEW – Mägiste J. Estnisches etymologisches Wörterbuch. Helsinki, 1982–1983.
- Kalima 1952 – Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968 –.
- KMS – Nirvi R. E. Kiihtelysvaaran murten sanakirja. Lappeenranta.
- LMS – Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.
- NS – Nykysuomen sanakirja. Под ред. М. Sadeniemi. Porvoo – Helsinki – Juva, 1996.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1978.
- SMS – Pohjanvalo P. Salmin murteiden sanakirja. Helsinki, 1947.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja.. Helsinki, 1995–2000.
- VKJMS – Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Helsinki, 1995.
- VKS – Posti L. Vatjan kielen Kukkosen murteen sanakirja. Helsinki, 1980.

.....

Ю. Э. Коппалева
Петрозаводск

ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ФЛОРЫ (на материале финских говоров Ингерманландии)

Формирование финской народной лексики флоры происходило с помощью различных способов номинации, в первую очередь, с использованием собственных языковых средств, на основе которых возникли наименования, содержащие характеристику самого растения по какому-либо признаку. Важным способом обогащения лексики флоры любого языка является также заимствование названий растений из родственных и неродственных языков. Этимология слов далеко не всегда является прозрачной. Это касается и тех названий, которые появились в языке в результате контактов с соседними народами и взаимовлияния языков и диалектов. Источник и направление заимствования не всегда поддаются однозначной трактовке. Распространение наименований растений происходит также самыми различными путями, порой весьма неожиданными.

Даже наиболее древние заимствования подвергаются в результате языкового освоения и народной этимологии различным трансформациям, а в более поздних иноязычных названиях в процессе функционирования диалектной системы лексики флоры могут происходить самые разные метаморфозы.

Старое балтийское заимствование *vihvilä* закрепилось в ингерманландских говорах за болотным растением пушицей (ср. литовское *viksva* ‘болотное растение’) [см. этимологии в SKES]. В других прибалтийско-финских языках оно может обозначать также другие болотные растения – ситник или осоку. В ингерманландских говорах данная лексема выступает в нескольких фонетических вариантах: *vihvilä* ~ *virvilä* ~ *virvelo* ~ *virpelo* ~ *virpalo* ~ *verpalo*, причем появление четырех последних наименований, возможно, произошло под влиянием словообразовательной модели слова *karpalo* ‘клюква’ (тоже болотное растение). А общеприбалтийско-финское балтийское заимствование *takkijaine* ‘репейник’ (эст. *takjas*, веп. *takhiin'e*, *takkiž* и т. д., ср. литовское *dagys*, латышское *dadzis*) используется в губаницком говоре также для обозначения ревеня, вероятно, по внешнему сходству.

Многие германские заимствования попали в финские, в том числе ингерманландские, говоры через посредство шведского языка. Поэтому диалектные варианты названий ближе к шведскому оригиналу, чем финские литературные наименования, или, вообще, распространены только в говорах. Напр.: *mynttiheinä* ‘мята полевая’ < швед. *mynta* ‘то же’ (ср. фин. литер. *minttu*), *kirsikka* ~ *kisperpuu* ‘вишня’ < швед. *kirseber* ‘то же’ (ср. фин. литер. *kirsikka*), *myrttiheinä* ‘подмаренник топяной’ (ср. фин. литер. *myrtti* ‘мирт’ < швед. *myrten* ‘мирт’), *holaninjuur* ‘девясил’ < швед. *alant* ‘то же’. Многие из подобных названий являют собой пример семантического переосмысления и освоения иноязычного слова: *kisperpuu* (ср. *puu* ‘дерево’), *holaninjuur* (ср. *juur* ‘корень’), в этом же ряду *raparpuu* ‘ревень’ (варианты *raparperi* ~ *raparteri*) < швед. *rabarber* ‘то же’ (ср. *puu* ‘дерево’).

Можно предположить, что некоторые финские народные названия растений являются кальками шведских названий растений или возникли под влиянием шведских наименований, ср., напр., название зверобоя в мгинском говоре *juhanuskukka*, букв. Иванов день -цветок, и швед. *johannersört* ‘то же’.

В другие близкородственные финскому языки соответствующие германские заимствования могли попасть и иным путем: эст. *münt* ‘мята’ < нем. *Minze*, эст. *mürt* ‘мирта’ < нем. *Myrte*, эст. *alanti*, *aland*, *aalant* и т. д. ‘девясил высокий’ < нем. *Alant* [см. Vilbaste 1960: 429–431].

Древние балтийские и германские заимствования, занимающие прочное место в лексике финских говоров, участвуют в образовании характерных именно для ингерманландских говоров названий растений: *kurenkurppune* ‘Венерин башмачок’, *kurppune* ‘поршень’ (обувь пастухов) < балт., ср. литовское *kùprė*, латышское *kufre* ‘башмак’ [Kalima

1936: 123]; *puumel'kukka* ~ *pumul'kukka* 'пушица', *puumel'* ~ *pumul'* 'вата' < герм., ср. швед. *bomull* 'вата'; *vinkerkukka* 'колокольчик', *vinker* < *vinkerpör* 'наперсток' < швед. *fingerborg* 'то же'.

В названии *kuismanpaiseheinä* (вариант *kuisenpaiseheinä*) 'череда трехраздельная', возможно, два первых компонента являются синонимами, т. е. употребляется германское заимствование *kuisma* [Setälä 1912–1913 : 395] и исконное слово *paise*, которые имеют одно и то же значение 'нарыв'.

Многие из иноязычных названий растений имеют греко-латинское происхождение. В финский язык, в частности, в рассматриваемые говоры, они проникли различными путями, чаще всего через германские языки, напр., *humala* 'хмель', ср. латин. *Humulus*, *mynttiheinä* 'мята', ср. латин. *Mentha* и т. д. Лексема *sampukka* 'бузина' (варианты *sampuspuu* ~ *samppul'puu*) также восходит к латинскому наименованию *Sambucus*, но в ингерманландские говоры она могла попасть и из русского языка, ср. ныне устаревшее *самбук* 'бузина' [Ушаков].

Старые славянские заимствования в ингерманландской лексике флоры имеют чаще всего соответствия в русских народных говорах. Финским названиям *norheinä* ~ *nor'heinä* ~ *norasheinä* соответствуют русские *норичник*, *норичка*, *норица* [Даль]. Так назывались растения, которые использовались для лечения коров при заболеваниях, именующихся в ингерманландских говорах *nor* ~ *nor'* < рус. *норица*. Носители рассматриваемых говоров применяли в этих целях такие растения, как пижма, таволга, тимьян, тысячелистник и др. При присоединении атрибута к общему названию целого ряда растений объект номинации конкретизируется: *ver'norheinä* ~ *ver'nor'heinä* 'гравилат речной', букв. кровавой норичник, растение употреблялось повсеместно в Ингерманландии в тех случаях, когда у коровы вместе с молоком из вымени выступала кровь. Представляется возможным связывать финское наименование *pulpukas* ~ *pulpukkaine* (и др. варианты) 'кувшинка', 'кубышка желтая', 'купальница европейская' с русским народным *балаболка* 'колокольчик', 'купальница' и др., хотя направление заимствования трудно установить (ср. фин. литер. *ulpukka* 'кубышка желтая', веп. *bul'buk*, *bul'buun'e*, *bolobouk*, вод. *bul'bukaz* 'кубышка', кар. *pul'pukka*, *bul'bukka* 'кувшинка', 'кубышка'). Варианты названия *verapoi* ~ *virapoi* ~ *virapei* ~ *virapuu* (ср. рус. *зверобой*) встречаются не только на территории Ингерманландии, но и в юго-восточных говорах Финляндии [см. Suhonen 1936].

Старые славянские заимствования также участвуют в образовании характерных для ингерманландских говоров названий растений: *karstaheinä* 'шавель курчавый', *karsta* 'чесотка' < рус. короста, *tököttikukka* 'смолка липкая', *tökötti* < рус. дёготь.

Весьма интересны ингерманландские названия кассандры: *saksanpar* ~ *saksparheinä* ~ *sakspariloi* ~ *saksanparsii* ~ *sakslappareita*. Это растение считалось чудодейственным и использовалось представителями финских говоров для исцеления разных недугов, в частности, при заболеваниях

суставов, ревматизме и т. д. В ингерманландские говоры название могло проникнуть из эстонского языка. Зафиксированы такие эстонские названия, как: *saksaparalad*, *sarsaparillad*, *sassabarid*, *sassaparillad* и др., предположительно из немецкого *Sarsaparille* [см. Vilbaste 1960: 58–59, 429–430]. Заметим, однако, что в данном случае не исключен и другой источник появления данного наименования в рассматриваемых финских говорах: из русского языка. В словаре Даля зафиксированы следующие наименования: *сарсапариль*, *сарсапаруель*, *сасапариль* ‘*Smilax sarsaparilla*’. Наименования лекарственных растений распространяются в народе очень быстро благодаря легендам, связанным с применением растения. В финских говорах название подверглось в процессе адаптации народно-этимологическому переосмыслению (*saksan* ‘немецкий’).

При заимствовании названий растений возможен перенос наименования с одного растения на другое по какой-либо ассоциации. Употребляющееся в лисинском говоре название кассандры *tikkopla* по всей вероятности восходит к русскому диалектному *декон*, которое, согласно Словарю русских народных говоров [СРНГ], может обозначать сабельник болотный и осоку волосистую (оба растения, как и кассандра, являются болотными растениями).

Очень сильное влияние на лексику ингерманландских финских говоров в течение XX века оказывал русский язык. Были позаимствованы из русского языка, естественно, и многие названия растений. Однако и исконно финская лексика флоры, по нашим наблюдениям, хорошо сохранялась в говорах, занимая свое прочное место в словарном запасе языка и являясь одной из ее наиболее консервативных частей. Поздние русские заимствования зачастую существуют в финских говорах параллельно с финскими названиями, напр.: *taikinapuu* и *pojarka* ‘боярышник’, *karvamarja* ~ *karvijaismarja* ~ *karvijaine* и *rusovn`iekka* ~ *rusen`iekka* ~ *krusovn`ikka* ‘крыжовник’, *punajuur* и *sv`okla* ‘свекла’. В ряде случаев старое финское наименование может оттесняться на второй план, и более широкое распространение получает заимствованное наименование, напр., *koira(n)herspuu* и *kalina* ‘калина’, первое из этих наименований зафиксировано в северноингерманландских говорах, а второе употребляется повсеместно.

Иногда распространение русского заимствования ограничено небольшим ареалом, а в остальных говорах используется свое слово или более древнее заимствование, напр.: *l`iippa* < ‘липа’ и *lehmus*, *pusuna* ~ *pusina* < ‘бузина’ и *sampukka* ~ *sampuspuu* ~ *samppul`puu* или *sittapuu*, *sittamarjapuu*, *vieraanmuanpihlaja*. В отдельных говорах те растения, которые финны называют русским словом, получают свое описательное наименование или на них переносятся названия других растений, напр., вика – *viikka* и *hiirenherne*, букв. мышинный горох, *kurenherne*, букв. журавлиный горох (*hiirenherne* повсеместно в рассматриваемых говорах обозначает *мышинный горошек*), ср. фин. литер. *virma*; тимофеевка – *timoska*, *timofeika* и *tähkäheinä*, букв. колос-трава, ср. фин. литер. *tähkiö*,

timotei; акация – *akantš* и *palkopuu*, букв. стручок-дерево, ср. фин. литер. *akasia*.

Признаком адаптации иноязычных слов является присоединение атрибута к заимствованным названиям, в результате чего появляется новое название: *t'ienvienromaska* ‘тысячелистник’, букв. придорожная ромашка; *keltaneromaska* ‘пижма’, букв. желтая ромашка.

Многие финские народные названия растений близки по семантике к соответствующим русским названиям и возникли, как нам представляется, под влиянием русских названий, напр., *käenkuunelet* ‘трясунка средняя’, букв. кукушкины слезы, ср. рус. народное название *кукушкины слезки*; *emintimänleht* ‘мать-и-мачеха’, букв. лист мачехи; *lumkukka* ‘подснежник’, букв. снег-цветок; *keltakynsi* ‘ноготки’, букв. желтые ногти. С другой стороны, подобные наименования могут возникать в разных языках и самостоятельно, когда в основе номинации лежит один и тот же признак, напр.: *kärpästatti* ‘мухомор’, букв. мушиный гриб (по способу использования – для борьбы с мухами); *ämmänsuappaat* ‘живокость’, букв. бабушкины сапоги, ср. рус. народное название живокости *сапожки*; *avvainkukka* ‘первоцвет весенний’, букв. ключ-цветок, ср. рус. народное *ключики* (по форме соцветия).

Влияние русской народной лексики флоры на финские названия растений может иметь и другие формы проявления. Напр., слово *kanerva* в рассматриваемых говорах повсеместно употребляется для наименования двух разных растений – вереска и багульника, иногда используется уточняющий компонент: *suokanerva* ‘багульник’, *kuivakanerva* или *kankaskanerva* ‘вереск’ (в финском литературном языке и в других финских говорах *kanerva* ‘вереск’). Здесь наблюдается влияние русских говоров, в которых словом *вереск* обозначают как вереск обыкновенный (*Calluna vulgaris*), так и багульник болотный (*Ledum palustre*). Это влияние обусловило перенос старого финского наименования *kanerva* с вереска также на багульник.

Лексика флоры любого языка является очень яркой составной частью лексики. Она содержит в себе сведения как об историческом прошлом народа через отражение языковых контактов носителей языка с другими народами, так и информацию о среде обитания, жизненном укладе и особенностях мышления представителей определенной языковой общности. Богатый материал предоставляет в этом отношении исследование иноязычных названий растений, путей их распространения и способов освоения в различных диалектах.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1–4. М. 1955.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. – Л., 1965 –.
Ушаков – Толковый словарь русского языка. Под. ред. проф. Ушакова, т. 1–4. М. 1935–1940.
Kalima 1936 – Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Suomen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 202, 1936.

Setälä 1912–1913 – Setälä E. N. Bibliographisches Verzeichnis der in der Literatur behandelten älteren germanischen Bestandteile in den ostseefinnischen Sprachen. Finnisch-ugrische Forschungen XIII, 1912–1913.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja, I–VI. Helsinki 1955–1978.

Suhonen 1936 – Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet. Vanamon Kasvitieteellisiä Julkaisuja 7, n:o 1, Helsinki 1936.

Vilbaste 1960 – Vilbaste G. Rahvapärased taimenimesid. Keel ja kirjandus instituut, Emakeele Selts. Tallinn 1960 (рукопись).

Д. В. Цыганкин

С а р а н с к

О ЛЕКСИКЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Лексика пространственной ориентации, довольно распространенная в речи каждой эпохи, не являлась еще предметом системного исследования как автономная семантическая группа, посредством которой наряду с другими языковыми средствами в системе языка закрепляются результаты освоения носителями мордовских языков пространственных реалий в окружающем мире и адекватной передачи своего понимания этих реалий при помощи языковых средств, в том числе и лексических.

Лексические средства – это: имена собственно предметной семантики; имена предметной семантики в форме локативных падежей; особая группа имен пространственной ориентации, употребляемых как в функции независимых слов, так и в функции отыменных послелогов; дейктические слова (указательные местоимения), характеризующие разные аспекты пространственной ориентации; наречия места, образовавшиеся от тех же корневых морфем, что и указательные местоимения, посредством которых обозначается направление или положение предмета в пространстве; глаголы, характеризующие пространственную ориентацию действия субъекта: движения к предмету, из предмета, на предмет, вниз, вверх. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

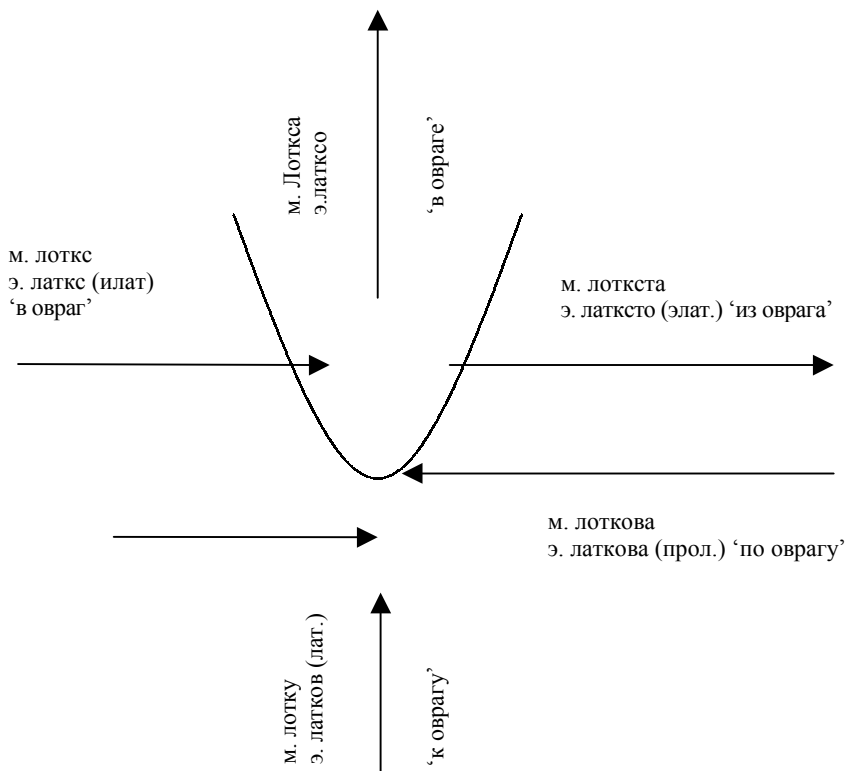
1. К первой группе относятся имена предметной семантики, выражающие категориальные понятия пространства. Мордовские языки располагают организованной системой именных слов для обозначения понятия пространства и пространственных отношений. Последние разнородны в зависимости от того, какую функциональную нагрузку они несут в процессе коммуникации. По этому признаку различаются: 1) имена апеллятивы с пространственной ориентацией, выступающие в качестве номенклатурных терминов в топонимических названиях: м. *ляй*, э. *лей* ‘река, речка’; ‘овраг без воды или с водой’, м. *панда*, э. *пандо* ‘гора, холм’; м. *трва*, э. *чире* ‘берег реки’, м. *нярь*, э. *нерь*

‘мыс’, м., э. *ки* ‘дорога’, м., э. *ян* ‘тропинка’, м., э. *веле* ‘селение’, м. *лотка*, э. *латко* ‘овраг’, м. *лашима*, э. *лашимо* ‘низина’ и др.; 2) отглагольные имена, обозначающие место действия, а также абстрактные понятия типа «место, пространство», мыслимые как предметы: м., э. *лисема* ‘выход, восход (солнца)’, м. *тума*, э. *туема* ‘уход, удаление, отъезд’, м. *сама*, э. *само* ‘переход, возвращение, прибытие’ и др.; 3) имена предметной семантики типа м. *кувалма*, э. *кувалмо* ‘длина’, э. *покиолма* ‘величина’, э. *эчкелма* ‘толщина’, а также имена типа м., э. *келе* ‘ширина, широта’, м. *серь*, э. *сэрь* ‘рост, высота; уровень воды’. Посредством этих имен обозначаются абстрагированно-обобщенные признаки пространственных понятий; 4) имена предметной семантики с атрибутивно-пространственным значением: м. *сери*, э. *сэрей* ‘высокий, возвышенный (о местности)’, э. *алкине* ‘низенький, не высокий’, м. *кели*, э. *келей* ‘широкий’ и др. Приведенные в данном пункте имена образованы от основ, которые названы в пункте «в», и употребляются в сочетании с определяемыми ими словами, обладая, следовательно, более конкретным лексическим содержанием и характеризую качество пространственные признаки предмета. Например, м. *кели ки*, э. *келей ки* ‘широкая дорога’, м. *сери панда*, э. *сэрей пандо* ‘высокая гора’; 5) антонимы атрибутивного значения м. *види*, э. *вить* ‘правый’, м. *кержи*, э. *керш* ‘левый’, последние наделены важнейшей функцией в сфере пространственной лексики. Ими выражаются два вида антонимичных понятий: а) местонахождение с правой стороны (э. *вить ёно* ‘на правой стороне’ и б) местонахождение с левой стороны (сбоку) и направленность движения в левую сторону (м. *коржи няле* ‘слева (находиться)’, *кержи няли* ‘налево’, *кержи няльде* ‘слева (подойти)’, э. *керш пелев* ‘налево’, *кершев* ‘влево’); б) имена собственной предметной семантики (м. *васта*, э. *тарка* ‘место’, обозначающие неопределенное пространство: м. *сери васта* ‘возвышенность у дома’, *удома васта* ‘ночлег; место для сна’, э. *леень чудема тарка* ‘русло реки’, *эрямо тарка* ‘местожительство’, *венелев якамо тарка* ‘отхожее место’).

2. К данной группе относятся имена пространственной ориентации, которые могут употребляться как в функции послелогов, так и в качестве субстантивов. Таковыми являются м. *инголь*, э. *икель* ‘перед, пространство впереди’, м., э. *вакс* ‘место, пространство рядом, около, возле кого – чего-либо’, м., э. *ал* ‘низ, пространство под чем-либо’, м. *потма*, э. *потмо* ‘нутро, пространство внутри чего-либо’, м. *фтал*, э. *удал* ‘зад, пространство сзади кого – чего-либо’, м. *вярь*, э. *верькс* ‘вверх, пространство вверху’; м. *кучка*, э. *куншка* ‘середина, пространство в середине чего-либо’; э. *ён* ‘сторона, пространство на той или иной стороне’ (*омбоце ёндо* ‘с другой стороны’), э. *бока* ‘бок, пространство с боку’ (*вить бока* ‘правая сторона’). Данная группа слов с пространственной ориентацией, сочетаясь с именами существительными, выполняет служебную функцию – функцию послелогов: ср. м. *фтал*, э. *удал* – м. *кудть фтала*, э. *кудонть удалдо* ‘сзади, из-за дома’; м., э. *ал* – м. *сечь алга ётась*, э. *сэдь алга ютась* ‘под мостом проехал’. Эта группа слов не лишена и функций наречия, если последние сочетаются с глаголами,

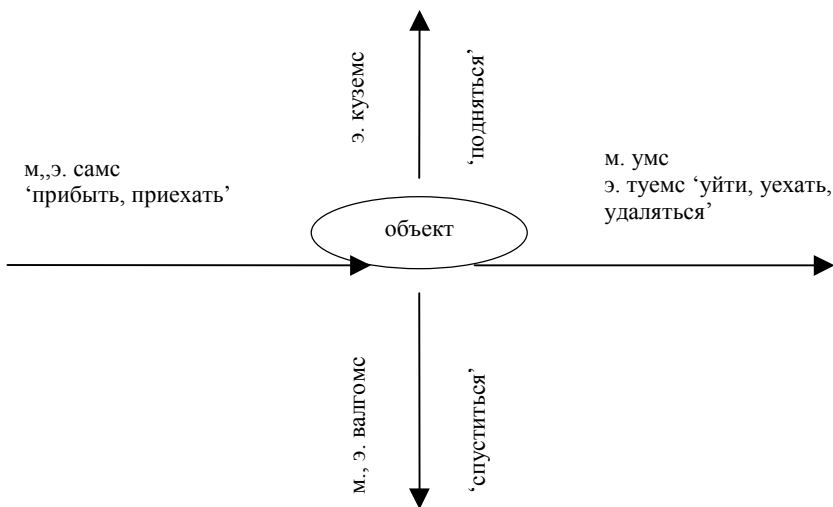
например: м. *ётась вакса*, э. *ютась вакса* ‘проехал мимо’, э. *ульниек икеле* ‘мы были впереди’, м. *мольсь ингольге* ‘шел впереди’. Следует отметить еще одну особенность данной группы слов. Выражая отношение к пространству всех трех лиц, они получают соответствующие лично-притяжательные суффиксы, в результате чего приобретают грамматическую автономность: ср. м. *ётка*, э. *ютксо* ‘промежуток, пространство в середине чего-либо’ – м. *минь ётксонк*, э. *минек ютксо* (м. *ётксонк*, э. *ютко* – послелог) – м. *ётксонк*, э. *ютксонок* ‘между нами’, м. *ётксонт*, э. *ютксонк* ‘между вами’, м. *ёткост*, э. *юткост* ‘между ними (находиться)’.

3. Эту группу образуют имена предметной семантики в форме местных падежей (инессива = инес., элатива = элат., иллатива = иллат., латива = лат., пролатива = пролат.), указывающие на положение предмета в пространстве, конкретизируя направленность действия на объект, от объекта, из объекта, в объект, к объекту, по объекту, внутри объекта: ср. направленность действия, связанную с объектом м. *лотка*, э. *латко* ‘овраг’.

4. Данная группа связана с разрядом указательных местоимений, характеризующих разные аспекты пространственной ориентации. Прежде всего, они ориентируют субъект действия на нахождение объекта в его разных направлениях по вертикали: ср. м. *тя*, э. *те* 'этот (что близко, рядом)', м. *ся*, э. *се* 'тот (в отдалении)', м., э. *тона* 'тот (в отдалении)', 'тот, на другой стороне', *тона бокасо* 'на той стороне', *тона ёно*, 'в том направлении', *тона ёнов* 'в ту сторону', *тона пелев* 'в ту сторону'. Эту группу пополняют: 1) местоименные наречия, возникшие из древних местоименных основ *ко-, *то=: *косо* (инес.) 'где', *косто* (элат.) 'откуда', *козо* (илат.) 'куда', *ков* (лат.) 'куда', *кува* 'где'; *тосо* (инес.) 'там', *тосто* 'оттуда', *тозо* (иллат.) 'туда', *тов* (лат.) 'туда', *тува* 'там, по тому месту'; 2) местоименные наречия, сохранившие в своей основе современные указательные местоимения: м. *ся*, э. *се*, м. *тя*, э. *те*; м. *тяса*, э. *тесэ* 'здесь', м. *тяста*, э. *тестэ* 'отсюда, из этого места', м. *тяза*, э. *тезэ*, 'сюда, в это место', э. *тей* 'сюда, в это место', м. *сяса*, э. *сесэ* 'там', м. *сяста*, э. *сестэ* 'тогда', э. *сия* 'там, по тому месту'.

5. К этой группе относятся глаголы движения, характеризующие пространственную ориентацию действия субъекта. В семантике ряда глаголов заложены значения направленности движения в определенную сторону: к предмету, из предмета, на предмет, вниз, вверх. Проиллюстрируем сказанное в такой схеме:

Другие глаголы пространственной ориентации (такие, как м., э. *ардомс* 'ехать; поехать, идти (о поезде)', *молемс* 'идти; шагать; пойти, направляться; поехать', м. *ласькомс*, э. *чиемс* 'бежать, мчаться; вбежать,

забежать', м., э. *якамс* 'ходить, двигаться') могут выражать различные типы движения – 1) движение происходит ради того, чтобы совершить действие с определенной целью: э. *ардомс сонензэ* 'приехать к нему для какой-то определенной цели'; 2) движение от одного пункта к другому: м. *якамс кудста кудс*, э. *якамс кудосто кудос* 'ходить от одного дома к другому'; 3) движение в пределах ограниченного пространства: м., э. *молемс вурьга* 'идти лесом'; 4) движение на определенном месте или на чем-либо: м. *ласькомс паксява*, э. *чиемс паксява* 'бежать по полю', м. *ардомс поездса*, э. *ардомс поездсэ* 'ехать на поезде'; 5) движение, не ограниченное рамками какой-либо направленности: э. *сон арды* 'он едет'.

Таким образом, анализ мордовских словарных дефиниций выявляет количественное многообразие пространственных реалий, представленных содержательной стороной языковых единиц.

СОКРАЩЕНИЯ

м. – мокша

э. – эрзя

Р. И. Акашкина

Саранск

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В МОКШАНСКОЙ СВАДЕБНОЙ ПОЭЗИИ

Мокшанская свадебная поэзия по своему словарному составу очень богата. По словарю свадебных песен и причитаний можно представить семейный быт мордвы-мокши, который указывает на фактическую степень родства и свойства.

Мордовские термины родства составляют часть основного словарного фонда общемордовского языка. Они являются единственными и общими для мордовского народа, обозначают жизненно важные понятия, обладают устойчивостью на протяжении ряда столетий, служат базой для образования новых слов и выражений. Лексическая группа терминов родства очень велика. В мордовских языках она включает около 100 наименований.

У мордвы-мокши имеется довольно четкое разделение родственников по старшинству и полу, разграничение отцовской и материнской линии.

Основные понятия кровного родства **мать**, **отец** в мокшанском языке передаются терминами **тядя** (диал. **ава**) 'мать', **алья** (диал. **бате**) 'отец'. В мокшанской свадебной поэзии эти термины часто употребительны

в звательной¹ и притяжательной² форме. Например, невеста причитывает, обращаясь к матери:

Сака, тядяняй, малазон,
Тядяняй – акша лофцоняй,
Тядянязе-тюзя вайнязе...

Подойди-ка, матушка, поближе
Матушка-белое молочко мое,
Матушка – желтое маслеце мое...

(УПТМН 1975: 109).

Также она обращается к отцу:

Вай, месендян, аяйкай?
Кода тиян, траянязе?
Тячиень шить симиняй,
Шары томбас каяйнай.

Ой, что мне делать, батьюшка?
Что мне делать кормилец мой?
Сегодняшний день пропивший,
В омут глубокий бросивший

(УПТМН 1975: 65)

В мокшанской свадебной поэзии для жениха, в основном, употребляется русская терминология **жених** или мордовский термин **цера** ‘юноша, парень’, сын по отношению к родителям. Например, термин **цера** ‘сын’ встречается в песне матери жениха:

Церанязе – тьяконязе,
Богатырень пондонязе!
Эх, да-а-а!
Хоть и веле шароме,
Сявومه минь барыня.
Эх, да-а-а!

Сыночек – единственный,
Богатырского роста!
Эх, да-а-а!
Хоть все село обошли,
Мы боярыню нашли.
Эх, да-а-а!

(УПТМН 1975: 257)

Зять по-мокшански **ов**. Это обозначение не распространяется ни на какую другую группу родственников – оно строго индивидуально. В свадебной поэзии термин мало употребителен.

Молодую девушку, вышедшую замуж, мордва-мокша называет **рвьня** ‘невеста’. Этим же термином называют сноху по отношению к свекру и свекрови, например:

На-ка, рвьня, шабаня,
На-ка таза цераня,
Кирьтке сонь хоть аф ламос,
Штоба тонга шачфтолеть,
Лама иднят-церанят.

На-ка, сношенька, ребенка,
На-ка хорошего мальчика,
Подержи-ка его хоть немножко,
Чтоб и ты народила,
Много деток-мальчиков.

(УПТМН 1975: 113)

¹ Звательная форма существительного в мокшанском языке образуется при помощи суффиксов **-й, -кай**.

² Притяжательная форма существительного в мокшанском языке образуется при помощи суффикса **-зе**.

В отношении к снохам у мордвы следует подчеркнуть их различие по возрастной структуре. По приходу в дом мужа невеста получила новое имя – **маза, пава, вяжя, тязя, тятя**.

По мнению Н. Ф. Мокшина, указанные термины не являются личными именами, а представляют собой особые и видимо, восходящие к глубокой древности общемордовские термины свойства. Именно поэтому так строго их регламентация, так четко соблюдаются порядок их присвоения по старшинству. От этих наименований, видимо, зависели права и обязанности снохи в большой семье. [Мокшин 1991: 46].

Маза или **Мазава** – жена старшего брата по отношению к младшим братьям и сестрам. **Маза** (букв. красивая). **Тязя** и **Тязява** – жена второго брата по старшинству по отношению к братьям и сестрам. **Тязя**, видимо, образовано от слова **таза** ‘крепкая, здоровая’.

Вяжя или **Вяжява** – жена третьего брата по старшинству по отношению к братьям и сестрам. **Вяжя** образовано от слова: 1) **вяжлав** ‘ловкая, шустрая, бойкая’; 2) эрз. **веженць** ‘самая младшая’.

Пава или **Парава** – жена четвертого брата. **Парава** (букв. хорошая), от слова **пара:** ‘хороший, хорошо’.

Тятя или **Тятява** – жена пятого брата. Значение этого термина забыто.

В мокшанской свадебной поэзии эти термины малоупотребительны. Из них чаще встречаются термины **маза** и **вяжя**. Например:

Вай, аканяй, вай, **вяжняй**,
Акань маца ужяльдиняй!
ялга лаца кельгиняй!

Ой, сестренка, ой, **заловка**,
Как родную сестру меня жалевшая»
Как подружку меня любившая!.

(УПТМН 1975: 231)

Иземайть токсе, **мазакай**,
Тон монь эсь сурбенысот,
Ашемайть тон аерфне
Монь эсь кальдяв валнясот.

«Не трогала меня, **золловка**,
Ты меня даже пальчиком,
Ты не отворачивалась от меня,
Даже словечком не обидела.»

(УПТМН 1975: 64)

«Жизненных» имен для обозначения снох первоначально, вероятно, было больше. Довольно значительный их набор не должен удивлять, поскольку речь идет об обозначении имен снох в больших неразделенных семьях, нередко насчитывающих по несколько десятков человек. Позднее, с распадом таких семей на малые, круг терминов свойства сузился, часть их трансформировалась в обычные женские имена [Мокшин 1991: 51].

В мокшанской свадьбе для выражения отношений между родителями мужа и жены повсеместно функционировали **сват** и **свах**. Эти термины заимствованы из русского языка. В некоторых мокшанских районах Мордовии употребляется термин **кудава** ‘свах’. Родственников жениха, принявших участие в свадьбе и после нее, называют **кудат** ‘сваты’. Мокшанская свадебная поэзия насыщена этими терминами, например,

мордва-мокша своих сватов встречали у ворот хлебом-солью, приветствуя их скороговорками:

Кельгома куданят,
Уледа шумбранят!

Любимые сваты,
Будьте здоровы!

(УПТМН 1975: 50)

Кельгома тинь сваткат!
Ваность сембе вастоньконь,
Эрям-ащема пизоньконь.

Любимые вы сваты!
Посмотрите наши все места,
Наше гнездышко, житье-бытье

(УПТМН 1975: 50)

Среди мордовского населения вплоть до настоящего времени действуют родственные связи между отдельными лицами, связанными узами духовного родства. Это термины, возникшие в связи с христианским обрядом крещения: крестнай аля ‘крестный отец’, крестнай тядя ‘крестная мать’, крестнай стирь ‘крестная дочь, крестница’, крестнай цера ‘крестный сын, крестник’. В мокшанской свадебной поэзии эти термины встречаются часто, например, в причитании невесты к крестной матери:

Крестнайязе, матанязе,
Святой ведьста таргайязе,
Мазы лемонь максыязе...

Крестная матушка, родимая,
Из святой воды вынувшая меня,
Красивым именем назвавшая меня...

(УПТМН 1975: 182)

В причитании крестной матери к невесте:

Крестниконяй, матаняй,
Сась ни пинге наряжамот,
Венец алу прважамот.

Крестница, голубушка,
Пришло время наряжать тебя,
Под венец отправить

(УПТМН 1975: 102)

В настоящее время в силу ряда причин происходит утеря многих исконно мордовских терминов родства и свойства. Кроме этого, уходят главные хранители данного словарного пласта – представители старшего поколения. Именно они являются главными носителями знаний о сфере функционирования этой терминологии, о правильности их употребления в конкретных жизненных ситуациях.

Таким образом, в настоящее время реальное существование и повседневное употребление терминов родства и свойства полностью исчезают из лексики как разговорного, так и литературного мордовского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Мокшин 1991 – Мокшин Н. Ф. Тайны мордовских имен: исторический ономастикон мордовского народа. Саранск, 1991.
УПТМН 1975 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6, ч. 2. Саранск, 1975.

М. Ю. Семенова
Йошкар-Ола

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ТЕРМИНУ «АЛЛИТЕРАЦИЯ» ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Целью данной статьи является определение единого термина «аллитерация» при исследовании звуковой стилистики финно-угорских языков. Реализация этой цели предполагает постановку и решение ряда задач:

1. Ознакомление с существующими основными принципами, используемыми при выявлении аллитерации в разных лингвистических школах.

2. Выявление роли ударения при исследовании благозвучия в текстах финно-угорских языков.

Данная статья основана на результатах структурного анализа 150 текстов из различных источников. При ее написании был использован теоретический и фактический материал из фондов Марийского научно-исследовательского института, Карельского научного центра РАН, кафедры финно-угорских языков университета г. Хельсинки.

Объектом исследования являлись тексты карело-финских калевальских рун и марийских языческих молитв.

Под калевальскими рунами понимаются стихи, написанные в размере четырехстопного хоря. Этот же размер лежит в основе многих народных плачей, пословиц, поговорок и других стихотворных жанров карело-финского фольклора.

Марийские языческие молитвы также уникальны в своем исполнении. Их воспроизводство, на наш взгляд, является своеобразным видом музыкального речитатива, допускаявшим некогда сопровождение игрой на гусях.

Таким образом, марийские языческие молитвы и финские руны имеют много общего. Будучи живыми историческими памятниками развития языка, передававшимися из поколения в поколение, и имеющими свой характерный стиль, они составляют особые жанры фольклора двух наций.

Одной из ведущих стилистических черт звуковой организации карело-финских калевальских рун и марийских языческих молитв является аллитерация.

У лингвистов разных стран, в зависимости от принадлежности исследуемого языка к той или иной языковой семье, сложилось свое понимание термина «аллитерация».

Ученые, занимающиеся исследованиями аллитерации индо-европейских языков, понимали под ней, как правило, только «созвучие

согласных» [Томашевский 1923: 111; Chatman 1960: 152; Goldsmith 1965: 6], другие при этом допускали и «созвучие гласных» [Шульговский 1914: 319; Burchfield 1953: 11; Арнольд 1990: 213]. Например, немецкие лингвисты не выделяют отдельно созвучия согласных и гласных звуков в словах. Английские языковеды также не наделяют их отдельными терминами, т. к. под аллитерацией они понимают «созвучие согласных звуков в близкорасположенных словах» [Chatman 1960: 152; Goldsmith 1965: 16].

В российской лингвистике традиционно считают аллитерацию синонимом консонанса [Жирмунский 1975: 16; Томашевский 1923: 111]. Этого же мнения придерживаются эстонские языковеды, но в эстонском языкознании существует термин *algiiim*, составляющими которого являются консонанс (= аллитерация) и ассонанс, т. е. созвучия согласных и гласных [Kallas 1901: 4; Laugaste 1962: 531].

Не менее противоречивыми являются определения аллитерации в зависимости от местоположения в слове слогов, звуки которых составляют так называемые «аллитерационные звуковые повторы».

Р. Бёрчфилд в своей статье, посвященной изучению «звуковых повторов» в английской поэзии, писал, что аллитерация – это «созвучие или сочетание звуков, стоящих в начале слов или слогов» [Burchfield 1953: 11].

Д. Массон под аллитерацией понимает «созвучие идентичных гласных абсолютного начала слов» [Masson 1953: 190].

По мнению современных отечественных ученых, занимающихся исследованиями функциональных стилей английского языка, аллитерацией является «повтор согласных или гласных звуков ударных слогов в близкорасположенных словах» [Гальперин 1981: 213; Арнольд 1990: 43].

Противоречивые определения аллитерации в лингвистических школах разных стран объясняются, на наш взгляд, отличием фонетического строя и фонетических особенностей исследуемых языков. В прибалтийско-финском языкознании при исследовании аллитерации особое внимание уделяется местоположению в слове звуков, образующих аллитерационное созвучие. Таким образом, аллитерация, по мнению прибалтийско-финских исследователей, прикреплена к определенному месту стиха, чаще всего к первому, ударному, фонетически сильному слогу. Она наиболее характерна для устного народного творчества тех народов, в языке которых ударение падает на первый слог [Куторов 1976: 43; Starshova 1997: 19]. Например, аллитерация широко распространена в финских, эстонских, бурятских, древнегерманских фольклорных текстах, в которых созвучны два и более слова по первому ударному слогу.

Аллитерация в текстах марийских фольклорных песен, загадок, заговоров, сказок и языческих молитв рассматривалась учеными по-разному.

До настоящего времени не установлено единых норм ее определения. Одни исследователи марийского языка и языка его фольклора, под влиянием традиций русского и общего индо-европейского языкознания, понимают под аллитерацией созвучие согласных звуков [Иванов 1975: 50; Мустаев 1995 : 44; Глухова 1998: 49]. Другие же под исследуемым стилистическим приемом подразумевают созвучие гласных и согласных одного или нескольких слов по первому слогу [Куторов 1976: 43; Saارينen 1991: 99]. З. В. Учаев, как и некоторые отечественные русисты, созвучие согласных в марийском языке называет консонансом [Учаев 1992: 13–14]. Следует отметить, что созвучие в словах согласных является определением аллитерации в узком ее смысле [Лаугастэ 1970: 10; Куторов 1976: 45].

Таким образом, при определении аллитерации допустимо три возможных критерия: 1) местоположение в слове находящихся в созвучии звуков; 2) качество звука (гласный или согласный); 3) ударность слога. Поскольку местоположение в слове, находящихся в созвучии звуков, во многих лингвистических школах определяется ударностью слогов, к которым эти звуки относятся, мы предлагаем обратить особое внимание на роль ударения в марийском языке.

Действительно, перемещение ударения в марийском языке лишено смысловозначительной функции. Оно, как и в тюркских языках [Жирмунский 1975: 48–50], является недостаточно выраженным, слабоцентрализующим.

Разноместность ударения в марийском языке и его стремление к концу слова многими лингвистами объясняется влиянием тюркских и русского языков. В современных финно-угорских языках встречаются самые разнообразные типы ударения: нефиксированное ударение (эрзя-мордовский и коми-зырянский языки), фиксированное ударение на первом слоге (прибалтийско-финские языки, венгерский, мансийский, саамский), фиксированное на предпоследнем слоге (горно-марийский), фиксированное на последнем слоге (восточно-марийский и удмуртский). Могут также существовать разные типы разноместного ударения с элементами «передвижности» (мокша-мордовский, лугово-марийский, коми-пермяцкий, коми-язьвинский и хантыйский) [Основы 1974: 212]. Несмотря на большую территориальную и языковую отдаленность друг от друга финно-угорских языков, во многих из них ударным является первый слог слова. Это объясняется тем, что ударение в языке-основе было фиксировано именно на первом слоге. Финский лингвист Э. Итконен предполагает, что все отклонения при постановке ударения не на первый слог, наблюдаемые в ряде финно-угорских языков, появились позже в процессе их обособленного развития [Itkonen 1966: 21–34]. Следует упомянуть, что и в тюркском языке, по мнению Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой, ударение было силовым и падало на первый слог (Серебренников, Гаджиева 1984: 76).

Итак, слабая централизованность и недостаточная выраженность ударения в марийском языке, а также и то, что оно не несет в себе смысло-различительной функции, позволяют определить принципы определения данного стилистического приема. При исследовании аллитерации марийских языческих молитв необходимо рассматривать созвучие гласных или согласных, либо тех и других одновременно, выступающих в стихе (а также в прозе), по меньшей мере, в начале двух самостоятельных слов или же частей композит. Таким образом, руководство единым значением термина «аллитерация» при типологическом исследовании родственных финно-угорских и самодийских языков позволит выявить наиболее архаичные законы и формы звуковой организации древних произведений устного творчества народов, говорящих на вышеуказанных языках.

Аллитерация – это один из главных признаков выразительности, яркой звуковой организации и благозвучия текстов устного народного творчества. Она является «звуковой фигурой», которая, в силу своей функции, становится определяющим фактором стиля [Лаугастэ 1984: 45].

Таким образом, термин «аллитерация» при типологическом исследовании звуковой стилистики родственных финно-угорских и самодийских языков следует понимать как созвучие согласных и гласных звуков, а также их сочетаний, находящихся в абсолютном начале двух и более близкорасположенных слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд 1990 – Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). М., 1990.
- Гальперин 1981 – Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Глухова 1998 – Глухова Н. Н. Информативность и поэтика марийских языческих молитв. Йошкар-Ола, 1998.
- Жирмунский 1975 – Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.
- Иванов 1975 – Иванов И. Г. О языке одного из жанров марийского фольклора // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1975.
- Куторов 1976 – Куторов Н. И. Марийское стихосложение. – Йошкар-Ола, 1976.
- Лаугастэ 1970 – Лаугастэ Э. Г. Начальная и внутренняя аллитерация в эстонских народных песнях: Автореф. дисс. док. филол. наук. Тарту, 1970.
- Лаугастэ 1984 – Лаугастэ Э. Г. Эстонская аллитерационная народная песня. Таллин, 1984.
- Мустаев 1995 – Мустаев Е. Н. Марий йыльме: 10–11 класс. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1995.
- Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
- Серебренников, Гаджиева 1986 – Серебренников Б. А., Гаджиева П. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.
- Томашевский 1923 – Томашевский Б. В. Русское стихосложение. Метрика // Вопросы поэтики II. 1923.

- Учаев 1992 – Учаев З. В. Сылнымутыш корно. Йошкар-Ола, 1992.
- Шульговский 1914 – Шульговский Н. Н. Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения. СПб. – М., 1914.
- Burchfield 1953 – Burchfield R. W. Alliterative Verse. Cassel's Encyclopedia of Literature, Vol. I. Edited by Steinberg. London, 1953.
- Chatman 1960 – Chatman S. Comparing Metrical Style. Style in Language. Edited by Thomas A. Sebeok. Cambridge, 1960.
- Goldsmith 1965 – Goldsmith U. K. Alliteration. // Encyclopedia of Poetry and Poetics. Ed. Alex Preminger. Princetown, 1965.
- Itkonen 1966 – Itkonen T. Proto Finnic Final Consonants. Their History in the Finnic Language with Particular Reference to the Finnic Dialects. I: 1. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 138: 1. 1966.
- Kallas 1901 – Kallas O. Die Wiederholungslieder der esthnischen Volkspoesie I. Helsingfors, 1901.
- Laugaste 1962 – Laugaste E. Eesti alliteratsioonist ja assonantsist // Keel ja kirjandus. 1962.
- Masson 1953 – Masson D. I. Vowel and Consonant Patterns in Poetry // The Journal of Aesthetics and Art Criticism XII. 1953.
- Saarinen 1991 – Saarinen S. Marilaisen Arvoituksen Kielioppi // Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, 1991.
- Starshova 1997 – Starshova T. I. Kalevala-eepoksen kieli- ja tyylirikoisuuskista. Petroskoi, 1997.

А. П. Феоктистов

Москва

ОБ ЭКСПРЕССИВНЫХ СВОЙСТВАХ ОРНИТОНИМОВ В МОРДОВСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Орнитонимы в мордовских языках составляют относительно небольшую, но, как и во многих других языках, достаточно замкнутую лексико-семантическую группу слов. В устно-поэтическом творчестве эта тематическая группа лексики предназначена быть высоко эффективным выразительно-изобразительным средством отражения картины действительности и выведения художественного мира из рамок обыденной достоверности. Этим объясняется полисемия названий птиц, которые в народной речи употребляются не только как обычные имена нарицательные, но и как слова-символы, слова-метафоры. Образное содержание символической лексики имеет эмоциональный и иносказательный смысл. В семантике употребления орнитонимов в произведениях мордовского устно-поэтического творчества еще в глубокой древности установилась невидимая связь между номинацией птиц и традиционными представлениями и поверьями носителей прамордовской речи. Так, например, в мифологии мордвы особенно

высокая идейно-функциональная нагрузка падает на символическое число <<3>>. В языческих поверьях оказывается, что земля, погруженная в воду, держится на трех рыбах, и у мироздания всего-навсего три горы (вершины), три углубления (долины или ущелья), три стороны света (восход солнца – восток, заход солнца – запад и полуденная сторона – юг) и пр.:

*Mastor i šačš, kojne i šačš,
mastorošt' lanjks niške-pas maksš
iñe vedñe vaj pokš wedñe
iñe vec noldaš kolmo kalnešt'...
mastoruñ kolmo ñej piřanzo
mastoruñ kolmo proruvanzo
kolmo ugolga miñd'ėnek arams,
proruvatñeñe miñd'ėnek mołems...
išta meři pokš i kaloš...
mon bratici tujan či-łimev,
ombočeš tui obed jonov,
višiñeš tui či-madmev.*

Die Erde etstand, die Art, wie wir leben, etstand,
Nischke-pas gab auf die Erde
Ein Meer, ein grosses Wasser,
Drei Fische liess er ins Meer...
Die Erde hat drei Gipfel,
die Erde hat drei Schluchten,
wir sollen in drei Ecken treten,
wir sollen in die Schluchten gehen...
Der grosse Fisch sagt so...
«Ich, Brüder, mache mich nach Osten auf,
der andere macht sich nach Süden auf,
der jüngste macht sich nach Westen auf».

(MV I: 8–10)

kolmo ‘три’, *kal* ‘рыба’, *piřa* ‘вершина’, *proriva* здесь в знач. ‘долина, углубление (в воде)’ из рус. *прорва* < *прорвать* – о воде.

Так и птица в нижеследующем отрывке органически связана с числом <<три>>:

*Колмо алнэть нармунь алыась,
Неть алтнэнь нармунь нарвинзе.
Васень левкокенть ливтизе –
Сень лемезэ – куковне;
Омбоце левкокенть ливтизе –
Сень лемезэ – цековне;
Колмоце левкокенть ливтизе –
Сень лемезэ – норовжорч.
Цеков ливтясь урямов, поки калев,
Куков ливтясь вивев,
поки чувтов.
Норовжорч ливтясь поки пакояв,
норовов.*

Три яйца птица снесла,
Яйца птица высидела.
Первого птенца вывела –
Его имя – кукушечка;
Второго птенца высидела –
Его имя – соловушка;
Третьего птенца вывела –
Его имя – жавороночек.
Соловей полетел в кусты,
в большой ивняк,
Кукушечка полетела в лес,
на большое дерево,
Жаворонок полетел в большое поле,
в хлебá.

(УПТМН IX: 21–22)

Как видно, образ кукушки символизирует лес: она поет (кукует) в лесу, предсказывая человеку долгую жизнь; жаворонок парит «между небом и землей», воспевая нелегкий, но благородный труд человека на земле; ну а соловей:

*Цеков тусь вирь лангов.
Чокине позда цекурды,
Валоке рана цекурды:
Вирень керить пувтли.
Нузякокезэ велявты,
Дошущкезэ кирнавты.*

Соловей пошел (полетел) на леса.
Поздно вечером щелкает,
Рано поутру щелкает:
Он рубящих лес будит.
Ленивый-то повернется,
Досужий-то вскочит.

(ОМНС I: 208–209)

В мордовской народной поэзии особенно выделяется образ лебедя и за ним – соловья:

*Нармунь лангоо ки покшось?
Ине нармунь, поки нармунь:
Целят-целят пильгензэ,
цльдердыця лангозо,
Лов порошань пеке алкоозо,
Ярмак серма лангинезэ,
Мазы пиженъ труба кирьгинезэ,
Пшти сырнень уро нернезэ,
Васоньбеельть сонзэ пулозо.
Нармунесь либор молькинесь –
туекинесь,
Ливтнесь Равонтень, Сура леентень...
Килей чувтонть пряс нармунь озакинось,
Пизэ теекинесь, алнэть кантнекинесь.
Колмо алнэть сон альясь-кандь,
Колмо левкокетъ сон ливтекинесь,
Колмо нармунь левкот оон нар вакинесь.
Ве левкокезэ куко левко,
Омбоцесь – норовжорч,
Колмоцесь – ине нармунь левко,
цековне,
Ине нармунь левко –
моры цековне.*

Кто над птицами хозяин?
Большая птица, великая птица:
Красивы ее ноги,
светится ее оперенье,
Белая пороша – грудка ее,
Денежные знаки – спинка ее,
Медная труба – шейка ее,
Острое золотое шило – клювик ее,
Ножницы – хвост ее.
Птица крыльями махнула –
улетела,
Полетела над водами Рава и Суры...
На ту березку птица села,
Гнездо свила, яйца снесла.
Три яичка она снесла-принесла,
Трех птенчиков она вывела,
Трех птенчиков она выси дела.
Первый птенчик – кукушонок,
Второй – жаворонок,
Третий – птенчик знаменитой
птицы – соловушка,
Птенчик великой птицы –
поющий соловей.

(УПТМН IX: 10–12)

Глубоким содержанием проникнуты строки безымянного автора многих произведений мордовского устно-поэтического творчества, посвященных защите природы и, выражаясь языком современного человека, экологии. Это находит лиро-эпическое воплощение, прежде всего, в ярких художественных образах птиц. Так, божественная птица лебедь бьет тревогу о приближении неминуемой опасности, обращаясь к своему покровителю за советом и защитой от разрушителей природы и среды обитания птиц:

*lebed'a paro t'icines
pazon' večkima narmuñneš!
pize tai – kalavciž*

Schwänin, der treffliche Vogel,
Gottes Lieblingsvogel!
Baut sie ein Nest, (so) wird es zerstört

alt alii – tapšisiž
 lävksket' liv'i – čavnusiž.
 lebed'a liv'iš pazon'eñ
 ozaš pazon't' orta p'ras:
 ux ve'e paz ko'rmiñeć!
 mäks a ki'rcak mastorot
 a kardasak narodot?
 a koda moñäh eräms
 a koda moñäh aštoms:
 pize täjan – kalavciž
 alt alijan – tapšisiž
 lävksket' liv'tan – čavnisiž.
 lebed'a paro t'ciñeš
 moñ večkima narmuñe!..
 šese, šese bolota
 bol(o)tañt' kunčako šild'ejne
 šild'ejneñt' lañkso peñkiñe
 šezij täik piziñet
 šezij alii' ton alñet
 šezij lif'i't' ton lävksket'...

legt sie Eier, (so) werden sie zerbrochen,
 brütet sie Junge aus, (so) werden sie getötet.
 Die Schwänin flog zu Gott,
 sie setzte sich auf Gottes Tor:
 «O, Vere-pas, Ernährer!
 Warum hältst du nicht deine Erde (in Zucht),
 (warum) zügelst du nicht dein Volk?
 Ich kann gar nicht leben,
 ich kann gar nicht existieren:
 (wenn) ich ein Nest baue, wird es zerstört,
 (wenn) ich Eier lege, werden sie zerbrochen,
 (wenn) ich Junge ausbrüte, werden sie getötet).
 «Schwänin, du trefflicher Vogel,
 (du) mein Lieblingsvogel!..
 da und da ist ein Sumpf,
 mitten im Sumpfe ist ein Mooshöcker,
 auf dem Mooshöcker (steht) ein Baumstumpf,
 baue darin dein Nest,
 lege darin deine Eier,
 brüte darin Junge aus...»

(MV VII: 260–261)

Еще больше забот и тревоги по тому же поводу у мирной, но беззащитной ласточки:

Вай, нармунь цянавне безарди,
 Эстенэ таркине сон а мукишы.
 – Теевлинь пизэ сюпавонь кардазс,
 Сюпавонь кардазс – лато алов,
 Ох, пелян пулты пожардо,
 Кардазось палы – монь ием еми.
 Теевлинь пизэ поки вирнес,
 Вирь куникас, поки чувтонь пряс,
 Поки чувтонь пряс, чинь каршо,

Ой, ласточка мечется,
 Себе места не находит.
 – Свила бы гнездо во дворе богатого,
 Во дворе богатого, под навесом,
 Но боюсь пожаров,
 Двор сгорит – мой год пропадет.
 Свила бы гнездо в большом лесу,
 В чаще, на вершине большого дерева,
 На вершине большого дерева –
 на солнышке,

Токи чинь каршо, крайсэ моргонть, –
 Ох, пелян виев вармадо,
 Пелян цярахмандо, виев пиземеде,
 Калавтсызь пизэм, тапасызь алон,
 А нарвавить левксень, ием монь еми.
 Теевлинь пизэ поки паксинес,
 Поки паксинес, умань межинес,
 Умань межинес, межсань куникинес,
 Ох, пелян, пелян вишка эйкакито,
 Вишка эйкакито, сынст пишти сельмеде,
 Сын пизэм мусызь, сонзэ калавтсызь,
 Алнэм тапасызь, левксень чавсызь,

На солнышке, на крайнем сучке,
 Но боюсь я ветра сильного,
 Боюсь я града, сильного дождя, –
 Разрушат (они) гнездо, разобьют яички,
 Не выведи птенцов, – мой год пропадает.
 Свила бы гнездо в большом поле,
 В большом поле, на меже,
 На меже, посреди межи,
 Но боюсь, я боюсь маленьких детей,
 Маленьких детей, их острых глаз,
 Они найдут мое гнездо, разрушат,
 Яички разобьют, птенчиков убьют.

отрывистое повествование-монолог в сочетании с драматическим диалогом. Информативная функция мордовских песен, посвященных изображению конкретных представителей орнитофауны, подчиняется эстетической функции.

ИСТОЧНИКИ

- ОМНС I – Образцы мордовской народной словесности. Выпуск I: Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. Казань, 1882.
УПТМН I – Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1: Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963.
УПТМН IX – Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9: Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982.
MV I – Mordwinische Volksdichtung. I. Band. Helsinki, 1938 (MSFOu. LXXVII).
MV VII – Mordwinische Volksdichtung. VII. Band. Helsinki, 1980 (MSFOu. 176).

.....
Т. И. Янгайкина
Саранск

АНТОНИМЫ В РОМАНЕ И. ДЕВИНА «НАРДИШЕ»

В мордовском языкознании антонимы не были предметом специального изучения. Они рассматривались лишь в учебных пособиях для вузов [Бузакова 1983] и школьных учебниках. Специально языку романа эрзянского писателя А. Куторкина «Лажныця Сура» посвящена статья Е. Н. Лисиной [Лисина 1979].

Мы же в своей статье обращаемся к характеристике антонимов в языке романа мокшанского писателя И. Девина «Нардише»¹.

Одним из ярких проявлений системных отношений в лексике являются соотносительное противопоставление двух и более слов, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку. Такие слова считаются лексическими антонимами.

Основной состав противопоставлений, представляющих ядро антонимии мордовского-мокша языка, включает слова, значения которых воспринимаются как обозначения качества: цебярь – кальдяв ‘хороший – плохой’, или направленности: сувамс – лисемс ‘входить – выходить’.

В зависимости от типа противоположности в романе И. Девина «Нардише» нами выделены антонимы, выражающие:

1) качественную противоположность. Сюда относятся прилагательные, наречия. Им свойственна градуальность (между крайними членами основного противопоставления возможны промежуточные). Крайние

---

¹ Девин И. М. Нардише, Саранск, 1991.

члены отражают полную антонимию определенного качества или свойства, средние – убывающую или возрастающую: оцю – аф оцю ‘большой – небольшой’, емла – аф емла ‘маленький – не маленький’, например:

Сон оржаста ванць корожень оцю сельмонзон мархта Лепендинонь мельге (с. 67) ‘Он остро смотрел своими большими, как у совы, глазами за Лепендиным’. – сьянь потмоса аф оцю каготкя: ‘...пал смертью храбрых’ (с. 71) ‘Внутри небольшая записка: ‘...пал смертью храбрых’. Вальмянянза емланят, бта псьмаронь куд варянят (с. 200) ‘Окошки маленькие, будто вход в скворечнике’. – Сенав эряскодозь, аф емла аськолкскаса лиссь аф пяк сери, афи пяк алняня аля (с. 240). ‘На сцену шустро, не мелкими шагами вышел не очень высокий, но и не очень низкий мужчина’.

Антонимы могут выступать в одном и том же предложении. Например: А Анясь лиенди алянц мархта поталакть ежева, кудть фкя ужестонза омбоцети, алу-вяри, турк-нучк... (с. 62). – ‘А Аня летает вместе с отцом, с одного угла дома в другой, вверх-вниз, вдоль-поперек...’;

2) антонимы могут выражать коплементарность значений. Наличие промежуточных членов для такого типа антонимов необязательно. Они выражают контрадикторную противоположность. Такие ряды состоят из двух членов: аф сей – аф тов ‘ни туда – ни сюда’, цератне – стирьхне ‘парни – девушки’; например: Повсь (Пивкинонь) валоц кргапарезонза – аф сей – аф тов (с. 102) ‘Застряли (у Пивкина) слова в горле – ни туда – ни сюда’. Од цератне и од стирьхне учендсазь илядть, кода инь мазы пиньгонь (с. 71) ‘Молодые парни и молодые девушки ждут вечер, как самое красивое время’;

3) антонимы выражают противоположность действий, признаков и свойств. К ним относятся в основном глаголы, обозначающие векторную противоположность. Эта группа разделяется на две подгруппы. Первая включает антонимы, передающие направленность действий друг против друга. Оба действия активны, взаимоисключают друг друга. Например: шачемс – куломс ‘родиться – умереть’, валгомс – куцемс ‘спуститься – подняться’:

Сон (тядяц) лятфтазе: Анясь шачсь комсьсисемце кизоня. Одс шачинять лемдесе покойница бабанц лемса, кона кулось недяляшкада ингольня. (с. 110) ‘Она (мама) вспоминала: Аня родилась в двадцать седьмом году. Новорожденную называли именем покойницы-бабушки, которая умерла за неделю до рождения внучки’. Сатин валгсь, а вастозонза куцьс райкомонь уполномоченнайсь. (с. 65) ‘Сатин спустился, а вместо него поднялся уполномоченный из райкома’;

4) большая часть антонимов называет противоположные качества и свойства. Кроме этого, они могут обозначать противоположные действия: аделавомс – ушедомс ‘закончиться – начаться’, например: Иля корхтайтть ашельхть, и Сатин азозе, кле митингсь аделавсь (с. 70) ‘Других выступающих не было, и Сатин сказал, что, митинг закончился’. Велесь

аф ламонь – аф ламонь ушедсь весялготкшнема (с. 71) ‘Деревня понемножку начала веселиться’;

5) часть антонимов может обозначать пространственные и временные отношения: вяри-алу ‘вверх – вниз’; например: Поездсь ардсь вишкста, нулхтысть телеграфонь столбатне, а синь прываст пролопне шить каршеса цифторгодозь налксесть: то алу ваглондесть, то вяри кепсесть (с. 15) ‘Поезд ехал быстро, провозжая телеграфные столбы, а на них провода на солнце сверкая играли: то вниз спускались, то вверх поднимались’: называют количество: лама – кржа ‘много – мало’. И кржа кие шарьхкодсь – «спасибась» азфоль Анянди али морось тяфта аделавсь (с. 18) ‘И мало кто понял – «спасибо» было сказано для Ани или песня так закончилась’. – А мес сон (Пивкин), ниле кизоста няйсь пяк лама (с. 52) ‘А почему он (Пивкин), за четыре года увидел очень много’.

В художественной литературе антонимы применяются как стилистический прием оценки различных предметов и событий, а также для создания контрастных образов, сцен. Приведем случаи использования антонимов в анализируемом произведении на конкретных примерах:

1. Контрастные действия выражают глаголы: конемс (сельмот) – панжемс ‘закрыть – открыть (глаза)’. Например: Анясь конезень сельмонзон. А мзярда панжезень меки, нязе – каршек вальмаста лангонзонза ванць цельфоц (с. 185). ‘Аня закрыла глаза. А когда опять открыла, увидела – с противоположного окна на нее смотрело ее отражение’.

2. Антонимы могут передавать быструю смену состояния, действия: лофташкодомс – якстерьгодомс ‘побледнеть – покраснеть’, например: Кулезень Анять валонзон Вера – торхцк! – лоткась кенш лангс: шамац лофташкодсь (с. 23) ‘Услышала Вера слова Ани – вздрогнула! – остановилась на пороге: лицо побледнело’. Аня – кифчк! – якстерьгодсь. Ашезень сода, коза тиемс сельмонзон. (с. 184). ‘Аня – сразу – покраснела. Не знала, куда посмотреть (буквально спрятать глаза)’.

3. Антонимы могут выступать для выражения оценки противоположных свойств предметов, действий, например: Ульсь маластонь ломанец пленца али аш? Ульсь сон войнаса герой али трус? (с. 183) ‘Был близкий ему человек в плену или нет? Был он на войне герой или трус?’.

4. Антонимы выступают для актуализации высказывания или усиления образа, впечатления и т. д., например: Тежда керомс кшить эзда печфсь, а варжака сонь петфтамс меки, – аф петфтави. (с. 156) ‘Легко отрезать кусок от хлеба, а попробуй его соединить обратно, – не соединишь’. Мезень аф лезды улель ломаттненди, кинь кенярдеманц марямста, а кинь ризфоц ризнамста – пичефтемста! (с. 7) ‘Какой же он для людей был помощник, – у кого радость узнавал, а у кого печаль – сочувствовал...’.

5. Антонимы используются также с целью создания некоего среднего, промежуточного качества, свойства и т. д. возможного или утвер-

жденного между двумя противоположными по значению словами, например: Шачсь – кассь (Проса) аф што козялянь, но и аф ашувонь семьяс. (с. 59) ‘Родилась, выросла (Проса) не в богатой, но и не в бедной семье’.

Исходя из анализа примеров, мы можем заключить, что антонимы в языке своего романа И. Девин использовал с целью создания контрастных действий, противоположных признаков, характеризующих предмет, создания положительных и отрицательных эмоций, развития и приостановления действия, процесса; они способствуют созданию как положительных черт характера героев, так и отрицательных. Антонимы в языке романа выполняют стилистическую функцию создания противоположности, контрастности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бузакова 1983 – Бузакова Р. Н. Антонимы // Лексикология современных мордовских языков (Учебн. пособие. Под ред. Д. В. Цыганкина). Саранск, 1983.
Лисина 1979 – Лисина Е. Н. Антонимы в мордовском языке. // Вопросы финноугроведения. // Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финноугроведов. Сыктывкар, 1979.

В. П. Федотова
Петрозаводск

О СЛОВАРЕ «ДЕСКРИПТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ»

Дескриптивные слова в прибалтийско-финских языках исследованы мало, однако исследователей давно привлекал этот пласт лексики. Л. Хакулинен характеризовал ее как «особую категорию слов», которая «настолько многообразна и жизненна, что ее следует считать одной из наиболее характерных особенностей словарного состава финского языка» [Хакулинен 1955: 18]. В. Руоппила пишет о том, что Леннрот и Генец при исследовании карельских сказок и рун обнаружили большое количество глаголов, означающих разную степень интенсивности действия [Ruoppila 1959: 32]. Проблеме дескриптивных глаголов, в частности, звукоизобразительных слов в эстонском языке, посвящена диссертация В. А. Пылмы, где утверждается, что «большая часть употребляемых в эстонском литературном языке звукоподражательных слов является глаголами» [Пылма 1967: 3]. Дескриптивные слова были объектом исследования А. Рютконе-на [Rytkönen 1935; 1937]. В своих статьях он ставил и пытался решить различные проблемы, касающиеся дескриптивных слов. Это, прежде всего, вопрос о происхождении данных единиц речи. Все исследователи

отмечают, что дескриптивные слова – это характерное явление для финно-угорских языков, в том числе прибалтийско-финских [ОФУЯ 1974: 392], но «очень трудно бывает судить о происхождении общих или очень сходных корней в этих языках: заимствованы ли они друг от друга, возникли ли в разных языках самостоятельно или происходят из общего прибалтийско-финского праязыка» [Пылма 1967: 7]. В конкретном же языке первоначальное звучание многих изобразительных слов затемнилось, поэтому трудно определить в их принадлежности к дескриптивным словам [Palm 1966: 382; Rytkönen 1935: 96].

При обращении к дескриптивным словам исследователи используют различные термины: это описательные конструкции (Хакулинен), звуко-изобразительные конструкции (Пылма) и, в сочетании со словами нейтрального значения, колоративные или изобразительные конструкции [ОФУЯ 1974: 392]. А. Рютконен утверждает, что, в соответствии с синтаксисом Э. Н. Сетяля, под дескриптивными глаголами (как и вообще дескриптивными словами) подразумевают слова, образность которых создается звуком [Rytkönen 1937: 103]. Л. Хакулинен относит к дескриптивным словам, прежде всего, обычные звукоподражательные глаголы, то есть такие описательные глаголы, которые своим звучанием копируют или первоначально копировали звук [Хакулинен 1955: 18].

При исследовании карельской фразеологии наше внимание привлекли сочетания слов, которые ранее финские исследователи называли колоративными конструкциями [Rytkönen 1937: 103; Penttilä 1957: 481] ввиду своей близости к метафорическим фразеологизмам [Федотова 1985: 38], но от внесения их в фразеологический словарь пришлось отказаться, так как эти конструкции сильно отличаются от фразеологических единиц, и сблизает их с фразеологизмом только нередкое использование дескриптивных глаголов в переносном значении.

С точки зрения семантики дескриптивные слова изучались, прежде всего, с целью выявления их роли и места в языке. Исследователи приходили к выводу, что это образные слова [Ruoppila 1959: 34; Rytkönen 1937: 103], в которых объединились звучание и значение [Palm 1966: 382; Virolainen 1953: 280]. Такая лексика, во-первых, характеризуется наглядностью и точностью при передаче значения, во-вторых, эти слова часто являются звуковыми метафорами (Ruoppila 1934: 25).

Использование описательного глагола в сочетании с глаголом, обладающим основным значением, максимально конкретизирует действие или процесс, выраженный последним. В качестве доказательства Л. Хакулинен называет работу А. Каннисто, в которой приводятся 165 различных финских глагола, означающих «беганье», причем его список Хакулинен не считает исчерпывающим [Хакулинен 1955: 21]. Яркая образность дескриптивных слов в сочетании со словами обычного значения часто создает метафорически связанные сочетания слов [Virolainen 1953: 280; Rytkönen 1937: 103]. В. А. Пылма [Пылма 1967: 11] считает, что

возможности метафорического употребления звукоизобразительных слов практически не ограничены. Перенос значения по сходству природных звуков, то есть метафоризация дескриптивных слов, по мнению Пылма, является причиной довольно обширной их многозначности, когда практически однозначными являются только звукоизобразительные глаголы эстонского языка, которые передают специфические звуки живых существ [Пылма 1967: 43]. Несмотря на то, что дескриптивные глаголы многозначны, замечено, что в финском литературном языке и диалектах они нередко употребляются без главного (нейтрального) глагола [Rytkönen 1935: 90].

Все исследователи дескриптивных слов, прежде всего, обращают внимание на звуковой состав лексем. Большой интерес представляют высказывания о том, что при сложении семантики дескриптивного слова имеет значение, какой гласный звук участвует в его основе, например, выявлено, что гласные *i* и *e* формируют глаголы, которые выражают действие или процесс, совершающиеся легко и быстро, в то время как *o* и *ö* в основе образуют глаголы, выражающие более медленное или даже неуклюжее движение [Virolainen 1953: 278; Palm 1966: 383; Rytkönen 1935: 92]. Замечено, что лабиальные гласные также выражают все, что является пухлым, круглым и глупым, медлительным и ленивым [Rytkönen 1935: 93, Virolainen 1953: 278].

Отмечается, что при использовании дескриптивного глагола в сочетании с глаголом нейтрального значения нет единообразия в формах глаголов: глаголы могут быть в одной форме, инфинитивной или личной [Rytkönen 1935: 90], а может быть и так, что один из них стоит в форме 1 инфинитива, а другой – в личной форме, при этом глагол нейтрального значения чаще имеет неизменяемую форму инфинитива, а дескриптивный глагол, раскрывающий обстоятельства, сопровождающие действие, имеет личную форму [Rytkönen 1935: 90].

В настоящее время проблемы дескриптивных слов начинают интересовать вновь исследователей различных языков; об этом свидетельствует специальный симпозиум, посвященный изучению экспрессивной лексики в прибалтийско-финских языках, проведенный в рамках Всемирного конгресса финно-угроведов в августе 2000 года, прошедшего в г. Тарту (Эстония), на котором выступило 18 человек. Тематика выступлений свидетельствует о том, что экспрессивная дескриптивная лексика анализируется с различных точек зрения: а) современное состояние изученности проблемы; б) современные методы исследования и их применение на практике; в) адаптация заимствованных слов и их этимология; г) сравнение различных языков с точки зрения наличия дескриптивной лексики; д) проблемы экспрессивных средств языка в малочисленных прибалтийско-финских языках [Leskinen 2001: 5]. Выявлен факт, что в словаре KKS, 1–3 тома, дескриптивные слова составляют около 30% лексики [Leskinen 2001: 9]. Как свидетельствует известная нам научная литература, дескриптивные слова в

прибалтийско-финских языках были объектом изучения, однако имеется еще много вопросов, ответить на которые можно только при максимально полном охвате конкретного лексического материала, раскрывающего роль и место таких единиц в речи и языке.

Словарем «Дескриптивные глаголы в карельском языке» (Петрозаводск, 2002 г.) начинается исследование данного пласта карельской лексики. В словаре приводятся около 1000 глаголов с дескриптивным, экспрессивным значением, наиболее характерных для различных наречий карельского языка.

При отборе материала для словаря было необходимо, в первую очередь, определиться, какие глаголы в карельском языке считать дескриптивными. Не подлежит сомнению, что это, прежде всего, глаголы звукоподражательные и звукоизобразительные, они считаются абсолютно мотивированными словами, «значение которых как бы само собой вытекает из их звуковой формы» [Гак 1977: 34]. Эти глаголы нередко используются в высказывании одиночно: *oikkua* ‘ойкать’, *ol'ottua* ‘величать на свадьбе’, *baijuttua* ‘баюкать’, *bamahtua* ‘бахнуть’, *bruakkua* ‘каркать’, *bul'bettua* ‘булькать’, *gagattua* ‘гоготать’, *hahattua* ‘хохотать’, *kapsuttua* ‘постукивать’, *koputtua* ‘стучать’, *krabissa* ‘скрести, скрябать’, *lallattua* ‘напевать’, *lallattia* ‘лялякать’, *maskata* ‘чмокать’, *maskua* ‘мять, мякать’, *n'aukuo* ‘мяукать’, *n'ackia* ‘чавкать’.

В сочетании с глаголом нейтрального значения используются глаголы, которые раскрывают характер действия, выраженного глаголом с определенным конкретным значением, дают стилистико-экспрессивную характеристику действия как объективную выразительность [Гак 1977: 161]. В русском языке для этого имеется большое количество глагольных синонимов, раскрывающих разную степень интенсивности и эстетичности действий: бить – шлепать, ходить – шаркать, идти – ковылять, тащиться, бросить – швырнуть, уходи – проваливай и т. д. На наш взгляд, такие глаголы также можно отнести к типу дескриптивных глаголов. Многие из этих глаголов имеют самостоятельные конкретные значения, но в сочетании с другим глаголом становятся явно описательными, при этом именно в таком случае они используются в переносном значении, таким образом, создается метафорическое сочетание слов, которое очень близко к фразеологизму, напр.:

hakata ‘рубить’; при сочетании с другими глаголами действие определяется как энергичное, быстрое: **ajua hakata** ‘ехать быстро, гнать, мчать (=ехать – рубить)’: *hot kuin ajo hakkasi, niin ei tavottan* (кль) ‘хоть как он мчал, так и не догнал’; **ajoi hakkai** *ül'en n'äbieh* (KKS, смз) ‘он мчал очень быстро’; **pidi ajua hakata**, *hebo muilah sai* (ккр) ‘надо было мчать, лошадь в мыле была’;

kajahtua ‘прозвучать, отозваться эхом; звякнуть’; **kuolla kajahtua** ‘умереть внезапно (=умереть – звякнуть)’: *tervennäköni ol'i ukko, a kuolla kajahti* (юшк) ‘здоровым с виду был муж, а вот умер внезапно’;

kellottua ‘выпячиваться, торчмя торчать’; процесс происходит спокойно, без труда; **elyä kellottua** ‘жить-поживать (=жить – выпячиваться)’: mie vain **elyä kellotan** oikein hyvin (вкн) ‘а я прекрасно **живу-поживаю**’;

lat't'ata ‘складывать’; **paista lad'd'ata** ‘разглагольствовать (=говорить – складывать)’: **pagizou lad'd'uau**, ülen äijän pagizou (олн) ‘он **разглагольствует**, очень много говорит’;

plakuttua ‘постукивать, хлопать, шлепать’; действие, процесс совершается спокойно, размеренно; **astuo plakuttua** ‘топать (=идти – постукивать)’; jallal **plakuttau astuu** (ктж) ‘пешком **топает**’; **elyä plakuttua** ‘жить-поживать (=жить – шлепать)’: kuni surma ei ota, ka pidäv **elyä plakuttua** (ккр) ‘пока не умрёшь, так надо **жить-поживать**’; **puajie plakuttua** ‘калякать (=говорить – шлёпать)’: **puajiu plakuttau**, mitä piä kautau (кльв) ‘он **калякает** о чём попало’.

В сочетании с глаголом известного конкретного значения используются дескриптивные глаголы, которые не являются звукоподражательными или звукоизобразительными с современной точки зрения и вообще их значение настолько затемнилось, что без глагола с нейтральным значением или контекста их употребление было бы совершенно непонятно, но такие глаголы одним своим звучанием дают определенную характеристику известному глагольному действию или процессу:

čäl'l'ätä – основное глагольное действие определяется этим глаголом как совершающееся плохо, кое-как: **leikata čällätä** ‘стричь [волосы] кое-как, кромсать (=остричь – ?)’: tukat **leikkai čälläi**, nügöi pidäü smuutunnu kävellä (ктж) ‘он **остриг** волосы **кое-как**, теперь надо ряженым ходить’; **niittä čäl'l'ätä** ‘скосить кое-как (=скосить – ?)’: niittu on **niitettü čäl'l'ättü** ku n'üht'ittä (СКЯ, ктз) ‘покос **выкошен кое-как**, как будто выдерган’; **ommella čäl'l'ätä** ‘сшить кое-как (=сшить – ?)’: **čäl'l'äi ombeli** pluat'an, a pidiä ei sua (ктж) ‘она **сшила кое-как** платье, а носить нельзя’; **pestä čäl'l'ätä** ‘вымыть кое-как, ополоснуть (=вымыть – ?)’: **čäl'l'äi pezi** astiet (КРС: 26, олн) ‘он **кое-как вымыл** посуду’; **revustua čäl'l'ätä** ‘запачкать, заляпать (=загрязнить – ?)’: kaiken lat't'ien **čäl'l'ättih revustettih** (МСКЯ: 41, ктз) ‘они весь пол **заляпали**’;

hauhattua – действие, процесс происходит быстро, энергично, интенсивно’; **astuo hauhattua** ‘быстро идти, нестись (=шагать – ?)’: kunnabo nügöi nengä terväh **astut hauhataf**? (ктз) ‘куда это ты сейчас **несёшься?**’; **raišta hauhattua** ‘пустословить, трепаться (говорить – ?)’: kaikkii suudiu da **pagizou hauhattua** (ктз) ‘он всех пересудит, **треплется**’; **tuulla hauhottua** ‘сильно дуть (*o vempе*), свистать (=дуть – ?)’: **tuuloo hauhattoa**, vies ligonuh olgah, ga kuivau tänäpäi (KKS, смз) ‘**ветер свищет**, даже замоченное в воде высохнет сегодня’;

kamaittua – процесс происходит спокойно; **ajua kamaittua** ‘ехать потихоньку, катить (=ехать – ?)’: roigu **ajau kamaittau** minun ottamah (ктж) ‘сын **катит**, чтобы взять меня’; **eliä kamaittua** ‘жить-поживать (жить – ?)’:

elonaigu parani, nugoï vai **elia kamaittua** (мгр) ‘жизнь улучшилась, сейчас лишь **жить-поживать**’;

n'äivehtie – процесс совершается медленно неохотно; **kazvua n'äivehtie** ‘медленно расти, тянуться (=расти – ?)’; **näivehti kazvoi hienozeh da vienozeh** (KKS, смз) ‘он **тянулся** тоненьким и слабеньким’; **šüvvä n'äivehtie** ‘лениво есть (=есть – ?)’: ül'en rahoin – **n'äiveht'ii šüüü** (KKS, тнг) ‘он очень плохо, **лениво ест**’.

Материал карельского языка свидетельствует о том, что карельские дескриптивные глаголы четко делятся на звукоподражательные и незвукоподражательные. Звукоподражательные, или звукоизобразительные, дескриптивные глаголы копируют природные звуки или звуки какого-либо действия или процесса, иногда это прямое звукоподражание: **bučk** > **bučkata** ‘бухнуть’; **buh** > **buhkata** ‘бухнуть’; **bug** > **burissa** ‘ворчать’; **ha** > **hahattua** ‘хохотать’; **hel** > **helhettua** ‘звенеть’; **kap** > **kapsuttua** ‘стучать, топать’; **kr** > **kraputtua** ‘скрести, скрябать’; **la** > **lailattua** ‘голосить’; **oh** > **ohkua** ‘охать’; **ol'o** > **olottua** ‘величать на свадьбе’; **ram** > **ramahuttua** ‘бахнуть’; **pläčk** > **pläčküttüä** ‘шлепать’; **račk** > **račkata** ‘хрустнуть’, **rouš** > **rouškata** ‘хрупнуть’; **ta** > **tatattua** ‘тараторить’; **uh** > **uhkata** ‘ухнуть’; **öh** > **öhkiä** ‘хрюкать от сытости, охать’. Эти глаголы в своем прямом значении употребляются как самостоятельно, так и в сочетании с глаголом определенного значения. Дескриптивные глаголы, в основе которых нет звукоподражания, более частотны в карельском языке: **kokottua** ‘возвышаться’; **kokšahtua** ‘быстро прыгнуть, порхнуть’; **küçüttüä** ‘горбиться’ – приведенные дескриптивные глаголы имеют конкретные известные значения; однако имеется большое количество дескриптивных глаголов, конкретное значение которых к настоящему времени утратилось, их происхождение неизвестно, не исключено, что это можно было бы восстановить через другие финно-угорские или через русский языки: **kurahuttua**, **künkittiä**, **käkäldiä**, **kökšiä**, **lekerdiä**, **lellettiä**, **loikottua**. Такие глаголы одиночно используются редко, так как их значение затемнено и выявляется только из контекста высказывания: **sügüzül vihmat čäl't'ätäh kai dorogat** [КРС: 26] ‘осенью дожди испортят все дороги; **kaikki siemenet agl'aimma t'all'a pellolla**, а **nowssun nimida ei** [ПСКЯ: 351, тлч] мы извели все семена на это поле, а ничего не возшло.

Дескриптивные слова в карельском языке, как и других финно-угорских языках, призваны сделать разговорную речь более образной и выразительной, они наделены экспрессией и, как замечает Л. Хакулинен, «при образовании значения большую роль в них играет чувство, тонкие художественные различия оттенков чувственного восприятия, чем логическое выражение сущности понятия» [Хакулинен 1955: 21]. Поэтому сочетания дескриптивных слов конкретного значения похожи на метафорические фразеологизмы: **karjuo halkiel't'a** ‘орать’ (=кричать – раскальваться); **paista halgiel't'a** ‘говорить очень громко’; **astuo helküttüä** ‘вышагивать’ (=шагать – звенеть); **juošša helküttüä** ‘бежать быстро’

(=бежать – звенеть); **juvva helkättiä** ‘пить, хлестать’ (=пить – звенеть); **ruadua helkättiä** ‘трудиться, вкалывать’ (=работать – звенеть).

Интересной представляется проблема полисемии дескриптивных глаголов в карельском языке. Однозначными являются дескриптивные глаголы, основанные на звукоподражании и звукоизображении: *oikkua* ‘ойкать’, *hahattua* ‘хохотать’, *ahnie* ‘ахнуть’, *aikkua* ‘ойкать’.

Такие глаголы в высказывании используются одиночно и их дескриптивное значение прозрачно. Что же касается дескриптивных глаголов, не отражающих звуки, а показывающих характер действия, то здесь дело осложняется тем, что они выступают самостоятельно, но чаще всего в сочетании с глаголом нейтрального значения. Один и тот же дескриптивный глагол может находиться при глаголах различной семантики, поэтому здесь, очевидно, нельзя говорить о многозначности конкретного дескриптивного глагола, а имеет место конкретизация значения обычного глагола, когда действие или процесс нуждаются в уточнении того, как они происходят: дескриптивные глаголы *brivata* ‘брить’, *čopottua* ?, *hakata* ‘рубить’, *hapittua* ‘вышагивать’ при глаголе *astuo* ‘шагать’ раскрывают разную степень быстроты движения; дескриптивные глаголы *brekottua* ? и *cuipottua* ? при глаголе *istuo* ‘сидеть’ показывают, что в первом случае человек бездельничает, во втором – скромничает; дескриптивные глаголы – *bamauttua* ‘грохнуть, грохать’, *bučkata* ‘бахнуть’, *bučkuttua* ‘колотить’, *bäčkätä* ‘хлопнуть’, *činkuttua* ‘хлопать, ударять, шлепать’ – с разных сторон конкретизируют понятие ‘бить – ударять’; дескриптивные глаголы *čurahuttua* ‘прокатить’, *čäl'l'ätä* (?), *hakata* ‘рубить’ при глаголе *niittä* дают соответственно значения ‘скосить быстро’, ‘скосить кое-как’, ‘косить энергично’. Особенно детально с помощью дескриптивных глаголов характеризуются понятия ‘говорить’ и ‘работать’: *paista bal'battua* ‘трепаться’; *paista briäkkiä* ‘пустословить’; *paista brällättiä* ‘говорить громко’; *paissa haleta* ‘говорить очень громко’; *guadua ahkertua* ‘старательно работать’, *guadua čihaittua* ‘поработать немножко’, *guadua čihvata* ‘работать кое-как’, *guadua čopottua* ‘работать медленно, ковыряться’, *guadua čuhkata* ‘вкалывать’, *guadua derie* ‘работать ловко’, *guadua hakata* ‘поработать изрядно’.

Проблемы семантики дескриптивных глаголов с точки зрения многозначности и синонимии требуют глубокого исследования.

Не подлежащее сомнению стилистическая роль дескриптивной лексики, так как она явно используется для выражения степени экспрессивности высказывания.

Главным выразителем экспрессии в звукоподражательных и звукоизобразительных дескриптивных глаголах является их звучание (глаголы копируют звук, которым сопровождается действие), но эта копия не является полностью созвучной природному звуку, поэтому такие глаголы используются для характеристики действия или процесса в глагольно-глагольных сочетаниях, особенно это касается описательных глаголов с

затемненным значением и происхождением. Следует подвергнуть специальному исследованию весь материал, имеющийся у нас, чтобы сделать правильные выводы о том, как это происходит.

Что касается синтаксической роли дескриптивных глаголов в предложении и высказывании, то они являются предикатами, если это одиночные глаголы, и представляют группу предиката, если это сочетание двух глаголов – нейтрального и дескриптивного: *tüt't'ozet lopšutetah miäčül'l'a šeinia vaš* [ПСКЯ: 143, твр] ‘девочки **шлёпают** мячом об стену’; *paimoi liruttau* [МСКЯ: 188, ктз] ‘пастух **звонко играет** на свирели’; *haravalda varži ločkahti* [ПСКЯ: 141, твр] ‘у граблей ручка **сломалась с треском**’; *rojan provodi da vai itköv loilottav* (влз) ‘(она) сына проводила и лишь **плачет навзрыд**’; *vala loilota toziembah* (ККС, смз) ‘**лей быстро**, на самом деле’.

Порядок слов в глагольно-глагольном словосочетании с дескриптивным компонентом не отличается устойчивостью, на первом месте стоит более значимый для данного контекста элемент: *tuuli ikkunan avai helähütti* (ктз) ‘от ветра **внезапно открылось** окно’ – здесь более значимым является факт открытия окна, на втором месте находится дескриптивный глагол *helähüttiä* ‘звякнуть’, *dostalin ku lampan helähütiin murendiin, sorriin lattiale* (ктз) ‘ведь я последнюю лампу **кокнул**, уронил на пол’ – здесь же более важным оказалось сообщение о том, как произошло действие, и дескриптивный глагол оказался на первом месте. На основе нашего материала можно утверждать, что в составе глагольно-глагольного сочетания при использовании в предложении или высказывании дескриптивный и основной глагол в разных наречиях представлены по-разному. В северных собственно карельских говорах дескриптивный глагол, как правило, имеет личную форму, соответствующую контексту, а основной глагол конкретного значения стоит в форме I инфинитива: *ihan pihah ajua karahutti, šemmoni kiireh oli* (кль) ‘прямо во двор **промчался** он, такая спешка была’; *tüttö še kašvua karettelou, ta jo on še tüttö šuuri* (кль) ‘девочка та **быстро растёт**, и уже она большая девочка’; *äkkieh kuolla kellahti talošta izändä* (юшк) ‘вдруг **скоропостижно умер** в доме хозяин’. Иногда из этого правила есть исключения: *mie vain elän kellotan oiken hüvin* (вкн) ‘а я лишь живу-поживаю очень хорошо’. В ливвиковском, людиковском и тверском наречиях, как правило, оба глагола – основной и дескриптивный – имеют одну форму, личную или I инфинитива, в соответствии с контекстом: *urasti ajetah karahutetah, kai pölä povzoo savu roono* (вдл) ‘по-сумасшедшему они **мчатся**, аж пыль поднимается, как дым’; *ajaw karauttau küliä müöt', kanat randoih l'en'n'et'äh* [ПСКЯ: 88, тлч] ‘он **мчится** по деревне, аж куры во все стороны разлетаются’; *d'uoksow kepittäw, kui Sen'an ubeh* (ккр) ‘он **несётся**, как Сенин жеребец’.

При составлении словаря дескриптивных глаголов сложной была проблема перевода на русский язык. В имеющихся словарях карельского языка этот вопрос решался по-разному. В «Словаре карельского языка» Г. Н. Макарова часто глагольно-глагольное сочетание переводится двумя

глаголами: **langeta briilahtuakseh** sellälleh [МСКЯ: 28, ктз] ‘упасть, грохнуть на спину’; в «Словаре карельского языка» А. В. Пунжиной есть такие же переводы: pudro **kiehuw bul'bettaw** [ПСКЯ: 22, тлч] ‘каша кипит, булькает’; в «Карельско-русском словаре» Л. Маркиановой и Т. Бойко нередкое такое сочетание переводится глагольным словосочетанием с зависимым от глагола наречием, указывающим на обстоятельство действия: gapsata süvvä [КРС: 155, олн] ‘быстро съесть’. В нашем словаре дескриптивных глаголов перевод глагольно-глагольных словосочетаний дается разными способами, призванными наиболее точно раскрыть значение дескриптивного глагола. Это перевод глагольно-наречным словосочетанием, глаголом с зависимым от него уточняющим действием именем, деепричастием, и синонимом глагола конкретного значения, который наиболее полно передает значение глагольно-глагольного сочетания слов; иногда глагольно-глагольное сочетание с дескриптивным словом можно перевести русским фразеологизмом.

Для того, чтобы описать с необходимой полнотой дескриптивные слова в карельском языке, нужно подвергнуть имеющийся материал более глубокому исследованию; далее, требуется работа по сбору дополнительного материала в тех ареалах, которые представлены недостаточно, это касается, прежде всего, собственно карельского наречия; было бы чрезвычайно интересно в полевых условиях провести перекрестную сверку тех дескриптивных слов, которые пока еще не зафиксированы во всех наречиях, чтобы выявить их распространенность по ареалам и употребительность в разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Гак 1977 – Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
КРС – Маркианова Л., Бойко Т. Карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1996.
МСКЯ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Составитель Г. Н. Макаров, Петрозаводск, 1990.
ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
ПСКЯ – Словарь карельского языка (тверские говоры). Составитель А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
Пылма 1967 – Пылма В. А. Звукоизобразительные глаголы в эстонском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Таллин, 1967.
СКЯ – Макаров Г. Н. Словарь карельского языка. Рукопись (хранится в Институте ЯЛИ КНЦ РАН).
Хакулинен 1955 – Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, часть II. Лексикология и синтаксис. М., 1955.
Федотова 1985 – Федотова В. П. Фразеологизмы в карельском языке. Петрозаводск, 1985.
KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1–5. Helsinki, 1968–1997.

- Leskinen H. 2001 – Leskinen H. Ekspressiivisanaston asema itämeren-suomalaisten kielten tutkimuksessa // Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta, Jyväskylän Yliopisto, 2001.
- Leskinen J. 2001 – Leskinen J. Saatesanat // Itämerensuomalaista ekspres-siivisanaston tutkimusta, Jyväskylän Yliopisto, 2001.
- Palm 1966 – Palm M. Deskriptiiviverbiemme kompositiosta // Virittäjä, 1966.
- Penttilä 1957 – Penttilä A. Suomen kielioppi. Helsinki, 1957.
- Ruoppila 1959 – Ruoppila V. Kansanomaisen kerronnan tyylikeinoja // Virittäjä, 1959.
- Rytkönen 1935 – Rytkönen A. Deskriptiivisistä sanoista // Virittäjä, 1935.
- Rytkönen 1937 – Rytkönen A. Koloratiivinen konstruktio // Virittäjä, 1937.
- Virolainen 1953 – Virolainen S. Tyylihavaintoja kannakselaisesta kansankielestä // Virittäjä, 1953.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ

(все районы входят в состав Республики Карелия)

вдл – Видлица (Олонецкий р-н)	олн – Олонец (Олонецкий р-н)
вкн – Вокнаволоок (Калевальский р-н)	смз – Сямозеро (Пряжинский р-н)
ккр – Койкара (Кондопожский р-н)	срв – Суоярви (Суоярвский р-н)
квл – Калевала (Калевальский р-н)	твр – Говоры тверской области
ктж – Куйтежа (Олонецкий р-н)	тлч – Толмачи (Тверская область)
ктз – Коткозеро (Олонецкий р-н)	тнг – Тунгуда (Беломорский р-н)
мгр – Мергега (Олонецкий р-н)	юшк – Юшкозеро (Калевальский р-н)

В. В. Rogozina
Петрозаводск

ДЕФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеология представляет собой языковую универсалию: нет языка, в котором не было бы фразеологических выражений. Однако, по словам В. Г. Гака, в каждом языке фразеологические единицы (ФЕ) имеют определенную специфику, которая объясняется лексико-грамматическими и стилистическими особенностями языка. Национальная специфика фразеологии может проявляться: 1) в значении фразеологизмов; 2) в их грамматических моделях; 3) в их лексическом составе; 4) в особенностях их употребления [Гак 1977: 262].

Наиболее крупные лексико-грамматические классы слов, объединенных общими морфолого-семантическим признаками, составляют грамматическую категорию. В данном случае мы рассматриваем категорию глагола, конкретные значения которого проявляются в

соответствующих контекстах. Рассмотрим это на примере глагола *ajada* 'ехать', имеющего обобщенное значение движения. Номинативное (прямое) значение глагола *ajada* непосредственно связано с отражением в сознании вида движения (*ajada hebol*, *ajada mašinal*, *ajada rachil*'). У глагола *ajada* выявляется 13 лексико-семантических вариантов, из них 3 варианта выражены безличными глаголами. С глаголом *ajada* образовано большое количество ФЕ: *ajada ezinenan* 'быть первым' (букв. 'ехать впереди носа'), *ajada čugüü* 'ползти на четвереньках' (букв. «ехать на свинье»), *ajada matüü* 'выругаться' (букв. 'ехать матом'), *ajab sumegüü* 'моросит' (букв. 'едет моросью'), *ajada atavoks* 'вытоптать' (букв. 'ехать в отаву'), *ajada sil'mid ristmaha* 'поехать свататься' (букв. 'ехать глаза крестить'), *ajada lodole* 'обмануть' (букв. 'загнуть на отмель'), *ajada hondoho hengehe* 'загнуть до полусмерти' (букв. 'загнуть до плохого сердца'), *ajada mustaha nahkaha* 'загнуть до смерти' (букв. 'загнуть до черной кожи'), *ajada käzid iškmaha* 'поехать на заключение брачного договора' (букв. 'ехать бить руки'), *ajada verhile pirgoile* 'поехать в чужую семью' (букв. 'ехать на чужие пироги'), *ajada kablhou* 'блудничать' (букв. 'ехать на копыле'), *ajada mustale mecale* 'поехать к черту' (букв. 'ехать на черный лес') и т. д. В этих выражениях отражена национальная специфика вепсского языка и его самобытность. На примере глагола *ajada*, образующего в сочетании с существительными ФЕ, запечатлен богатый исторический опыт народа, отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей.

Вместе с тем, необходимо отличать фразеологизмы от свободных и синтаксически несвободных (цельных) словосочетаний. В строгом грамматическом смысле фразеологизмы отличаются от свободных словосочетаний тем, что отдельные слова в словосочетаниях сохраняют все признаки слова, в то время как компоненты ФЕ утрачивают их полностью [Молотков 1967: 9]. К свободным словосочетаниям относятся: *ajada hebol* 'ехать на лошади', *ajada nagl* 'забить гвоздь', *ajada hebo* 'загнуть лошадь', *ajada pirgad* 'делать пироги' и т. д. Компоненты таких словосочетаний могут заменяться, например, *ajada mašinal* 'ехать на машине', *ajada kalu* 'забить палку', *ajada živat* 'знать животное', *ajada skancad* 'катать сканцы'. К устойчивым сочетаниям относятся: *ajada čugüü* 'ползать на коленках' (букв. 'ехать на свинье'), *ajada sumegüü* 'моросить' (букв. 'гнать мелким дождем'), *ajada ezinenan* 'брать верх' (букв. 'ехать первым') и т. д. Замена компонентов в них ведет к утрате фразеологизма.

Поэтому по своему значению фразеологизмы могут соответствовать отдельному слову, а словосочетания обычно нельзя заменить одним словом. Но и словосочетание, и фразеологизм могут иметь общую структурную схему. Например, в нашем случае «глагол + существительное».

Темой данной статьи является деформация ФЕ, не сопровождаемая дефразеологизацией. Это проявляется при сравнении однотипных фразеологизмов в диалектах вепсского языка. В вепсском языке существует три диалекта: средний, южный и северный, и не всегда удается найти аналогичные фразеологизмы в перечисленных диалектах. Например, в средневепсском диалекте, а именно в д. Озера Ленинградской области, существует выражение: *ajada pizaimoile* 'разбить в щепки, на мелкие куски' (букв. 'есть на куски'), а в д. Корвала, той же области, бытуют ФЕ *ajada pilaimoile, ajada pilazmoile, ajada paloile, ajada henoile paloile*, тем не менее, смысл ФЕ и в первом и во втором случаях остается постоянным – что-то разбить на мелкие куски, измельчить.

Деформация ФЕ в лингвистической литературе определяется обычно как «фигура, состоящая в разрушении семантической монолитности фразеологического сращения, в оживлении составляющих идиому слов и использовании их самостоятельных семантических единиц» [Ахманова 1966: 166].

Рассмотрим деформацию, как распространение отдельных компонентов ФЕ определениями, дополнениями и т. п. Иначе говоря, рассмотрим включение в состав ФЕ слов «свободного употребления, не включаемыми в нее, а присоединяемыми к ней в пределах микро – или макроконтекста» [Колшанский 1969: 59].

Шарль Балли называет использование в «художественной речи» слов «свободного употребления» «обновлением образа», считает, что «художественная речь нередко воскрешает и обрабатывает образы обычной речи, придавая им большую выразительность» (Балли 1961). В иностранных языках эти «обновления» особенно заметны в художественной литературе. В вепсском младописьменном языке мы рассматриваем деформацию в диалектной и письменной речи. Рассмотрим такой пример как *ajada čuguu* 'ползти на четвереньках' (букв. 'есть на свинье'). В словарной статье большого «Словаря вепсского языка» Зайцевой М. И., Муллонен М. И. фразеологизм представлен только южным диалектом села Сидорово Бокситогорского р-на Ленинградской области [Зайцева, Муллонен 1972: 26]. В средневепсском диалекте данная ФЕ подверглась деформации; прилагательное *must* 'черный' как бы вовлекается в сферу фразеологизма, придавая ему дополнительное значение *ajada mustou čuguu* 'быть смертельно пьяным', 'ползти на четвереньках' (букв. 'есть на черной свинье'); *minun-se ka mest jonus, ajap mustou čuguu* 'Мой-то опять напился, ползет на четвереньках'. ФЕ *ajada matüu* 'выругаться' (букв. 'есть матом') зарегистрирована в куйско-пондальском говоре средневепсского диалекта. В среднем и южном диалектах вепсского языка данная ФЕ распространяется прилагательным *kol'mkerdaine* 'трехразовый, трехкратный', например, *ajada kol'mkerdaižou matiu* 'грубо выругаться' (букв. 'есть (трехразовым) трехкратным матом'). Это показывает,

что с деформацией потенциальное значение, реализуемое во фразеологизме, не только не исчезает, но и закрепляется, усиливается, сочетаясь со словами свободного употребления.

По мнению К. Д. Приходько, своеобразным стилистическим приемом «обновления» фразеологизма является деформация его путем окказиональных синонимических замен отдельных компонентов, где замены диктуются исключительно ситуацией [Приходько 1977: 57]. Словосочетание *ajada kirvez* букв. ‘затупить топор’ в следующем контексте воспринимается как ФЕ: *vaise hänen nenha ajan kirvhen* ‘он такой упрямый’ (букв. ‘Только топор затуплю об его нос’).

Особым приемом деформации ФЕ является создание псевдофразеологизма. Псевдофразеологизм представляет собой пародию на всем известный фразеологизм. Следует отметить, что это довольно редкое явление, например, *ajada kablhou* ‘блудничать, распутничать’ (букв. ‘ехать на копыле’) и *ištta aižou* ‘блудничать, распутничать’ (букв. ‘сидеть на оглобле’) имеют одно и то же значение.

Из приведенных примеров следует, что включение в состав ФЕ слов свободного употребления, распространяющих отдельные компоненты, не приводит к дефразеологизации, если из ситуации ясно, в прямом или переносном смысле употреблено словосочетание. Это доказывает, что многие ФЕ претерпели массу изменений, и варьируются по диалектам вепского языка. В связи с тем, что вепсы проживают в настоящее время разрозненными диалектными группами и не общаются друг с другом, то вполне могут быть ФЕ, все значения которых в диалектах не представлены полностью, или же слегка искажены. С другой стороны, сходные по внешней форме ФЕ могут расходиться по внутренней образности и, следовательно, иметь разные значения. Варианты фразеологизмов по диалектам свидетельствуют о богатстве выразительных возможностей вепского языка и, естественно, тем самым обогащают письменный вепский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова, 1966 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов, М., 1966.
Балли 1961 – Балли Ш. Французская стилистика, М., 1961.
Гак 1976 – Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., «Просвещение». 1976.
Зайцева, Муллонен 1969 – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка, Л., 1972.
Колшанский 1969 – Колшанский Г. В. О природе контекста // ВЯ, № 4, 1969.
Молотков 1967 – Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка, М. 1967.
Приходько 1977 – Приходько К. Д. Деформация фразеологических единиц, не приводящая к дефразеологизации (на материале французского языка) // Морфолого-семантические исследования (на материале германо-романских языков). Ростов-на-Дону, 1977.

В. Д. Рязоев
Петрозаводск

НАЧИН ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ НА «ОЛОНЕЦКОЕ НАРЕЧИЕ» КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Начало XIX века богато изданиями переводной литературы религиозного содержания на языки окраинных национальностей и народностей России. Можно упомянуть «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на олонецкий язык» (1804), «Евангелие от Матфея» (1820) и не изданное «Евангелие от Марка» на тверском диалекте карельского языка. Причины столь бурной переводческой деятельности обусловлены, в том числе, и социальными причинами, которые уже подвергались исследованию ранее [см. Пулкин 2000]. Все названные тексты интересны для лингвистов тем, что являются памятниками письменности на диалектах карельского языка уже более чем двухсотлетней давности. В данной статье мы обратились к переводу двух глав Евангелия от Матфея, которое, как утверждают переводчики, представлено на «олонецком наречии» карельского языка. Подвергнутые анализу главы были переведены учениками богословия Новгородской семинарии Василием Сердцовым и Иваном Дейхоранским. В целях «учинения поверки», переведенные главы были представлены через митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Министру Духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну, который докладывал комитету Российского Библейского общества о переводе. Дальнейшая судьба перевода прослеживается из архивных материалов, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия [«Из дела Указов Новгородской духовной консистории – о переводе Евангелия на карельский язык олонецкого наречия, выполненного учениками Новгородской семинарии Сердцовым и Дейхоранским», ф. 126, оп. 3, д. 1/13]. Однако, уже беглый просмотр названных текстов показал нам, что их язык – это отнюдь не «олонецкое наречие», которое иначе и сами носители языка и наука называют ливвиковским наречием карельского языка, а является сплавом людиковского наречия с другими наречиями карельского языка – ливвиковским и собственно карельским.

Но прежде рассмотрим краткую историю создания перевода. В Новгородскую Духовную консисторию поступает указ комитета о необходимости «узнать достоверно, довольны будут олонецкие корелы таковым переводом на их наречие...». В дальнейшем было определено: «сняв копию с образцового перевода... и сделать поверку переводу учеников Сердцова и Дейхоранского и представить в консисторию...» [л. 2]. До данного указа было обращение в Тверскую консисторию с просьбой поручить сверку перевода к тому времени известным переводчикам Евангелия

Копія

Маттея съветіи 1, тшчя 2, слова вѣстии

Гл҃а 1.

Саконъ родунъ Исусанъ. Христанъ, Нон-
ванъ 3, Давидъ Нойганъ Авраамановъ.

2. Авраамъ родий Исаканъ; Исаканъ родий Я-
наканъ; Яканъ родий Уванъ и веландъ Еананъ;

3. Уванъ родий Яфарсанъ и Яфанъ Тамарисъ-
тійи; Яфарсанъ родий Дарманъ; Дарманъ родий
Аврааманъ;

4. Аврамъ родий Амитаданъ; Амитаданъ
родий Ахассананъ; Ахассананъ родий Салмоанъ;

5. Салмоанъ родий Воозанъ, Рахавасътійи; Во-
озанъ родий Овиданъ, Руоисътійи; Овиданъ родий Ис-
сееанъ;

6. Исееанъ родий Давиданъ Нункиеланъ; Давиданъ
Нункиеланъ родий Соломоанъ, кайвесътійи Ирданъ.

7. Соломоанъ родий Ровоаманъ; Ровоаманъ родий
Авнанъ; Авнанъ родий Асанъ;

1, та ввѣстѣи мѣсе: а, и твѣрѣ: а.

2, 14 — — — 7 — — — 70.

3, 2 — — — канъ Латинское; 9 —
Сербское

Ксерокопия первой страницы перевода Евангелия от Матфея
на карельском языке

от Матфея Г. Е. Введенскому и М. А. Золотинскому, на что был получен отрицательный ответ, ибо «...онный перевод по своему наречию для корел Тверской губернии непонятен, и мы, понимая онный токмо по начальным слогам... и не зная тамошнего наречия, как о правописании, так и о сочинении слов достаточно судить не можем» [Макаров 1963: 78].

Получив сей указ, Олонецкое духовное правление обращается в Петрозаводское духовное правление об «учинении поверки» перевода Евангелия на олонецкое наречие, поскольку «... есть корелы олонецкого наречия ... и Петрозаводского духовного правления, откуда и сами ученики Сердцов и Дейхоранский уроженцы, посему с прописанием сего указа об учинении по нему ... исполнения...» [л. 8].

«1 ноября 1820 г. Петрозаводское духовное правление сообщает: “о получении сего указа и приложенного при нем образца консистории, отрапортовали. А так Петрозаводской градской Троицкой церкви священник Иван Федоров хорошо умеет говорить по-корельски: то во исполнение оного указа, присланной при нем образца перевода Евангелия, на корельском языке составленного, послать ему при предписании с тем, чтобы он рассмотрел перевод сей ... во всем ли достаточен онный, и есть ли окажется в нем какой недостаток: то переписав с него два экземпляра копий, один точно так, как в подлиннике изображено, а другой со своими замечаниями, представив с оные вместе и с подлинником немедленно при репорте в высшее Духовное правление”. Ноября 2 дня; отрепортовано за № 619; перевод послан за № 620» [л. 7].

Ноября 29 дня 1920 года в Петрозаводское Духовное правление поступает «Репорт» от священника Петрозаводской градской Троицкой церкви Ионна Федорова: «Во исполнение данного мне из оного Духовного Правления предписания сего ноября от 2 числа за № 620» приложенного при нем образца перевода Евангелия на корельском языке составленного, мною поверка учинена, из него две точные копии переписаны, одна без всякой перемены, а другая с поправками моими, как при подлинником в оное духовное правление, почтеннейше представляю, с таким притом донесением, что сей перевод Евангелия на корельском языке, для одних только корел: Олонецкого уезда и Петрозаводского уезда приходов: Святозерского, Салменецкого, Пряжинского, Виданского, Вешкельского и Сямозерского, может быть полезен и понятен, что же касается до приходов Петрозаводского уезда Шелтозерского Бережного и Горнаго, Рыборецкого, Шокшинского, Мунозерского, Линдозерского и Лычно-Островского, то жители их многие корельских слов олонецкого наречия не понимают, потому что у них язык корельский есть вовсе испорченной, и неправильной, а иные хотя и понимают, но в другом смысле. Кроме же сей корелы, живущие в Повенецком уезде, называемые лопляне: в разговорах между собой ни тех, ни других так же знать не могут многих слов, и есть язык их так же неправильный, и испорченный. Священник Ионна Федоров» [л. 17]. Таково заключение «учиненной сверки»

перевода Евангелия, его пригодности. Каков ответ в Новгородскую консисторию, а последней – в Российское Библейское общество, данное дело ответа не дает, во всяком случае дальнейший перевод Евангелия был прекращен, ибо цельного перевода в архивных материалах пока что не обнаружено.

В деле хранятся два экземпляра перевода: один, на листках синей бумаги – это вариант, исправленный Иваном Федоровым (лл. 3–6), и экземпляр на листках белой бумаги (лл. 10–14) – копия с подлинника, в конце которой записано: «С подлинного верно присутствующий священник Тихон Артемьев».

Следует отметить практическое знание карельского языка Иваном Федоровым. Его исправления, в основном, касаются передачи карельской фонематической системы средствами русского алфавита, исправление явно ошибочных форм слова (у переводчиков *riiãxписсьñiaïu*, у Федорова – *riiãxкиссьñiaïu* ‘от грехов’ и т. д.) и носят чисто «косметический» характер.

Как было отмечено, исполнение «указа» требовало знания «числа людей, говорящих оным [языком], много ли из них разумеющих по-русски и знающих читать». Подобных сведений «репорт» Ивана Федорова не содержит, он всецело ориентирован на первое требование «указа»: «узнать достоверно, довольны ли будут олонецкие корелы таковым переводом на их наречие». И как свидетельствовал перечень приходов, было признано, что перевод этот может быть полезен, для южных людиков и соприкасающихся с ними говоров ливвиковского диалекта. В то же время автор записки резко выделяет северных людиков, вепсов и лоплян (собственно карелов), считая их язык неправильным и испорченным. Однако, во исполнение «указа» многие уездные правления представили данные о количестве жителей, говорящих на карельском и владеющих русским языком, что дает интересную и исчерпывающую картину языковой ситуации того времени. Так, например, в Повенецком уезде в погостах: Семчезерском «говорящих по-корельски 1182 души, из них знающих читать 4, а разумеющих по-русски не имеется, Линдозерском, говорящих по-корельски 156 душ, разумеющих же по-русски и знающих читать не имеется, ... в Ребольском погосте говорящих по-корельски 834, разумеющих по-русски 40, а знающих читать 5 душ находится» и т. д. Как видно из данного перчня, паства того времени была неграмотной, поэтому преодоление языкового барьера стало перед церковью одной из центральных задач на длительную перспективу. В этой связи интересно отметить «Олонецкие Епархиальные Ведомости» № 14 за 1914 г., где священник А. П-ий пишет: «И вот, в результате непонимания друг друга (прихожанином пастыря) страдали духовные интересы прихожан, страдал, думается мне, и пастырь, что «овцы» не слушались его, не слушались потому что, не понимали его зова» [Ведомости 1914: 319].

Что же представляет собой «олонецкое наречие» перевода двух глав Евангелия от Матфея? Насколько его язык – «олонецкий»? После проведенного лингвистического анализа можно утверждать, что это конгломерат трех карельских диалектов, в котором преобладающим является людиковская диалектная основа, что, в какой-то степени, объясняется тем, что сами переводчики были из «Петрозаводского духовного правления». Перевод выполнен церковной кириллицей, которая в количественном отношении превосходит гражданскую кириллицу. Так, в тексте встречаются и «и» восьмеричное, и «і» десятеричное, и ф (фета), и θ (фита), и три разновидности е: е, е, η. Поскольку двоичное или же троичное обозначение фонем не несет фонематического значения, все это не затрудняет чтения текста. Определенную трудность представляет передача передней и задней огласовки слов, то есть передача ä, ö, ü и их сочетаний (дифтонгов). Г. Е. Введенский и М. А. Золотинский ввели в русский алфавит я (ä), ö (ö), ю (ü), тем самым упростив и облегчив чтение и письмо. Но Сердцов и Дейхоранский в передаче фонологической системы карельского языка всецело опирались на фонемную систему русского языка, что значительно усложнило прочтение данного документа. При чтении порой приходится полагаться лишь на интуицию. Так ä одиночное передается через я (гяньень ‘его’), при смягчении же согласного через *ĩä* (niähtii ‘видели’), ü – *ĩü* (nellitoyjkiümend ‘четырнадцать’, *ĩuxhess’* ‘вместе’). Как для передачи, так и для чтения трудными являются дифтонги с передними гласными. Невозможно вывести определенные закономерности; при чтении больше приходится полагаться на контекст и синтаксические связи (miüaüo nyigma tiäxten’ ‘мы увидели звезду’, güöüo ‘они’, riüä uogund’ ‘крик, рев’) и т. д. Переводчики чувствовали несоответствие своего перевода карельскому языку и для облегчения чтения в сносках делали пометы о произносительных особенностях тех или иных сочетаний гласных. Так, на листе 3: «*ĩä* выговор мягче: а, и тверже: я; *ĩü* – выговор мягче у – ю», на обратной стороне листа: «*äü* выговор какъ французское *eu*», на листе 4: «и долгое выговор какъ бы *ĩü*, *ä* (долгое выговор какъ бы *ä*, *ëe*, посему *ĩä* выговор протяжно», на обратной стороне 5 листа: «*ö* выговор: протяжно какъ бы *öö*», на 6 листе «*io* иначе ё». Если переводчики Евангелия от Матфея на язык тверских карел осознали невозможность передачи фонемной системы карельского языка средствами русского (иносистемного) языка и ввели дополнительные буквы в кириллицу, то переводчики на «олонецкое наречие» стремились решить эту проблему средствами только иносистемного языка. Тут их ожидала неудача, поскольку фонемная система языка-оригинала (в нашем случае русского) не совпала с фонемной системой карельского языка, его законами.

И, таким образом, анализ показывает, что язык перевода предоставляет смешение всех трех диалектов карельского языка, что не дает права считать его переводом на «олонецкое наречие», т. е. на ливвиковский

диалект. Для анализируемого перевода присущи черты как людиковского и ливвиковского диалектов, так и собственно карельского.

Одним из характерных признаков людиковского диалекта является нарушение чередования ступеней согласных при формообразовании: одиночные согласные в ливвиковском и собственно карельском диалектах охвачены альтернативой, в то время как у людиков находятся вне чередования (санондь **родунь** Иисусань, ср. ливв. Iisusan govun sanondu ‘родословная Иисуса Христа’, Давидь пойгань Авраамань, ср. ливв. David roijan Avraaman ‘Давида сына Авраама’, дялгессь элявундадь, ср. ливв. jälles elävyndee ‘после переселения’, кядень ишккугудь, ср. ливв. käin iškietüü ‘после рукобития’, мейдёнкера, ср. ливв. meijän kel ‘с нами’, пагиставь, ср. ливв. paistah ‘они говорят’, нягимма тїяхтенъ, ср. ливв. näimmö teehten ‘мы увидели звезду’, тїедустелгать лапсегъ нїа, ср. ливв. tijjustelkaa lapseh näh ‘узнайте про ребенка’, синуссь лїяхтовъ ведаттай, ср. ливв. sinus lähtöü viettäi ‘ты станешь вождем’ и т. д.).

Для ливвиковской речи характерно также выпадение интервокальных согласных и стяжение гласных в дифтонг. В этом отношении представленные в переводе такие формы, как гейдень эдэлль, ср. ливв. heijän iel ‘до них’, формы I инфинитива санода ‘сказать’, отгада ‘взять’, отрицательная форма императива 2 л. ед. ч. элїа варайда, ср. ливв. älä vараа ‘не бойся’ и т. д., являются чисто людиковскими.

В темпоральных оборотах, заменяющих придаточные предложения, встречаются партитивные формы II причастия имперсонала на -d, несвойственные ливвиковскому диалекту (и кераттугуд кайкидь энзимїайжидь папїудь и книжникойдь рагвагассь, ср. ливв. kerättüü kaikkii enzimäzii rappiloï da kniiguniekkoi rahvahaz ‘и собрав всех первосвященников и книжников народных’, тїуаўбтїугюдь геїдь, ср. ливв. heidü tüöttüü ‘послав их’, пейточи куччугудь волхвидь, ср. ливв. peitoči tiedoiniekkoi kučuttuu ‘тайно пригласив волхвов’, нягтїгюдь ‘увидев’. В этот ряд можно поставить и употребление партитива мн. числа на -d: эдь оле pienembi тїагїжидь линнойд, ср. ливв. et ole pienembi tägäzii linnoi ‘ничем не меньше здешних городов’, элїа варайда отгада Марїадь, ср. ливв. älä vараа ottaa Marii ‘не бойся принять Марию’.

Чужды для ливвиковского диалекта и формы I генитива на -den, встречающиеся в переводе: мїани гейдень эделль, ср. ливв. meni heijän iel ‘шла звезда перед ними’, а нягтї ўгюдь тїяхтенъ сеижаттунудень, ср. ливв. nähtüü teehten seizattunoon ‘увидев же звезду остановившуюся’. Чисто людиковскими являются наречные формы куга ‘где’, сига ‘там’, нёўгадай ‘теперь’.

Людиковский диалект противостоит ливвиковскому как по образованию, так и по спряжению возвратных форм глагола. В настоящее время ливвики употребляют суффиксальные образования на -u- (-ü-), -vu- (-vü-) и -kseh, у людиков же, за исключением переходных говоров, граничащих с ливвиками, преобладающими являются суффиксальные образования

при помощи (-u-, -zu-). Однако, перевод представляет собой пеструю картину: в нем встречаются чисто людиковские формы возвратных глаголов (кудамь куччuzовъ, ср. ливв. kudai kuččuvi, kuččuvuhes 'который именуется', гянь Назорекси нимиттазовъ, ср. ливв. häi Nazorejaksi kuččuhes, nimittähes 'он именуется, называется Назаретом') и ливвиковские формы на -kseh (тулимма кумартаксе гянеде, ср. ливв. tulimmo kumardaakseh hänel 'пришли поклониться ему', пидавь родидаксе Христале, ср. ливв. pidee rodiokseh Hristale 'надо родиться Христу', озуттиге 'показалось', родинугезе Ганесса, ср. ливв. rodinnuhes hänes(päi) 'родился от нее (Марии)'). Подобные формы действительно не чужды святозерским, пряжинским и виданским говорам людиковского диалекта, но не характерны для северных людиков и ливвиковского диалекта. И, думается, не случайно Иван Федоров среди людиковского ареала выделяет приходы Петрозаводского уезда: Шелтозерский бережной и горный, Рыборецкий, Шокинский, то есть приходы вепсов, а также Мунозерский, Линдозерский и Лычно-Островский, то есть северных людиков, язык которых, по его мнению, «вовсе испорченной, и неправильной». Важно то, что рецензент перевода уже в то время подметил территориальную и диалектную дифференциацию карельского языка,

В употреблении же падежных форм имен часто встречаются формы собственно карельского наречия, особенно в форме инессива с окончанием на -сса (элявундассай Вавилонасса, ср. ливв. elävündähsäh Vavilonas 'до переселения в Вавилон', озуттиге гянеде унисса, ср. ливв. ozuttiheze hänel unis 'приснилось ему во сне', Вифлеемасса Ивдеалайжесса, ср. ливв. Vihlejemas Ivdeilazes 'в иудейском Вифлееме'). Встречаются также случаи употребления формы адессива имен на собственно карельский лад: гянедеде оли се миедеде, ср. ливв. hänel oli se mieles 'это было у него на уме', кӱзӱй гейлла, ср. ливв. kysyi heil 'спросил у них'. Подобное смешение говорных особенностей можно встретить и сейчас в святнаволоцком людиковском говоре, граничащем и соседствующем на севере с представителями собственно карельского наречия.

Есть ряд и фонетических особенностей, отдаляющих язык перевода от ливвиковского диалекта. В последнем глагол 'идти, уйти' выступает во всех говорах в форме тена, в то время как собственно карельских и людиковских говорах в более древней форме männä (с.-кар.), määndä (люд.): вараидзи мӱндӱ 'боялся идти'.

В переводе встречаются формы императива 2 л. мн. ч., образованные от согласной основы, типа анкаттъ вӱасти 'дайте знать', а также формы I стяженного инфинитива типа antta, в то время как у собственных карелов и ливвиков подобные глаголы одноосновны. Можно назвать и ряд других фонетических особенностей, характерных для людиковского диалекта (редукция конечного h, употребление свистящих и шипящих), отсутствующих в ливвиковском диалекте.

Резюмируя сказанное выше, отметим, что язык перевода двух первых глав Евангелия от Матфея – не есть перевод на «олонецкое наречие», он представляет смешение трех диалектов, с преобладанием людиковских особенностей. Какова бы ни была языковая основа перевода, он не теряет значимости языкового памятника по карельскому языку, ибо он свидетельствует о том, с какими трудностями столкнулись переводчики при передаче фонемной системы карельского языка фонемными средствами иносистемного языка, о тех трудностях, решения для которых они не нашли. В переводе хотя и отмечено, что это «олонецкое наречие», но он далек от ливвиковской основы и лишь территориально примыкает к нему.

ЛИТЕРАТУРА

- Ведомости 1914 – Олонецкие Епархиальные Ведомости, 1914, № 14.
Макаров 1963 – Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20–х гг. прошлого века // Прибалтийско-финское языкознание. М.–Л., 1963.
Пулькин 2000 – Пулькин М. В. Межэтническое взаимодействие в православных приходах Олонецкой епархии: пути и формы преодоления языкового барьера (XVIII в.– начало XX в.) // Нестор, № 1. 2000.

.....

Е. В. Захарова
Петрозаводск

ПЕРЕВОД ЛИТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА ФИНСКИЙ ЯЗЫК КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Для многих народов библейские тексты являются первыми письменными памятниками, с появлением которых связано создание алфавита и письменности. Миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии началась с создания алфавита для славян, хотя для первого перевода Кирилл применил уже существовавшую глаголицу [Алексеев 1999: 146]. Все древние восточные церкви служили литургию на местных языках, поэтому с приходом христианства и переводами Св. Писания связано создание алфавитов для бесписьменных прежде языков: коптского, сирийского, армянского, грузинского, эфиопского, готского. Первые, пусть и не всегда удачные, попытки создания письменности у финно-угорских народов, проживающих на территории России, также были связаны с обращением этих народов в христианскую веру. На западе Средиземноморья и в Европе, где литургию служили на латыни, новые алфавиты при крещении созданы не были, использовался латинский алфавит [Алексеев 1999: 146].

Одна из центральных проблем любой национальной филологии – это изучение истории появления и распространения национальных версий Св. Писания. «Стремление придать Св. Писанию такой литературно-стилистический облик, который достоин его значимости и способен поставить его в ряд классических творений национальной литературы, было осознано и сформулировано Мартином Лютером; со временем оно вышло за пределы протестантской среды и стало господствовать вне зависимости от конфессиональных особенностей той или иной национальной общности. Так, перевод Св. Писания стал мощным фактором становления и развития европейских национальных языков» [Алексеев 1999: 219].

До XI века весь христианский мир составлял одну церковь, вселенскую, или католическую (греч. *Ecclesia catholica*, в славянском переводе Символа веры «соборная церковь»). В IX веке начался и в XI веке окончательно завершился распад ее на две церкви – восточную и западную, причем каждая из них оставила за собой название католической (Восточно-католическая и Римско-католическая церкви). Благодаря апостольской традиции, заключающейся в необходимости миссионерской деятельности, экспансия церкви достигла далекого севера. Около времени разделения церквей (X–XI вв.) в состав православной церкви вошли славяне, а затем и соседствующие с ними на севере финно-угорские народы. Однако, на земли проживавших к западу от Новгорода языческих племен корелян, ижоры, еми и суми претендовала также католическая Швеция. Таким образом, миссионерская деятельность христианской церкви на территории Финляндии проходила в условиях постоянного соперничества между Русской православной церковью и католической, а после XVI века лютеранской церковью Швеции. В силу исторических причин христианство на территории Финляндии представлено как восточной, так и западной его ветвями.

Церковно-книжная традиция сыграла известную роль в формировании финского литературного языка, нормы старофинского языка вырабатывались в основном в процессе переводческой деятельности. Как Мартин Лютер, осуществивший перевод Библии на немецкий язык, стал основателем литературного немецкого, так и литературный финский язык начинается с Агриколы, с его перевода Библии на финский язык.

Первый православный текст на финском языке появился в 1780 году. Это было краткое, всего в два десятка страниц, издание православного Катехизиса (*Lyhykäinen Katekismus-Käännetty Wenäjän kielestä suomexi, grekan uskon hyödytexexi suomen maalla. St. Petersburg, 1780*), предназначенное для знающих грамоту православных финнов. Это был перевод с русского языка, выполненный настоятелем лютеранского прихода Сортавалы пробстом Самюэлем Алопаэусом. Перевод был выполнен по заказу духовного капитула Порвоо, одобрен Санкт-Петербургским архиепископом, а финансировал издание Святой синод. На протяжении пятидесяти лет это было единственное православное издание на финском языке.

В 1815 году Святой синод издал указ о переводе богослужебных текстов для православных прихожан [Piironen 1948: 3]. Однако, переводы стали появляться только в середине XIX века. В 1862 году вышел в свет служебник «Palvelu-kirja Jalouskoisessa kirkossa» (Suomennos. Pyhä Synodi, 1862), куда входят «Kultasuun Jumalallinen liturgia» («Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста») и «Vasileo Suuren Jumalallinen liturgia» («Божественная литургия свт. Василия Великого»). То есть первые православные литургические тексты на финском языке появились в 1862 году. В 1867 году вышел перевод воскресного богослужения («Jalouskoinen Jumalan palvelus sunnuntaina». Liturgia. Suomennos. Pietari 1867). Эти переводы были выполнены с церковнославянского преподавателем финского языка Петербургской духовной семинарии Томасом Фриманом (Thomas Friman) [Härkönen 1936: 6–11].

В 1881 году выходит перевод литургии свт. Иоанна Златоуста («Pyhän isämme Johannes Krysostomon Jumalanpalvelus. Liturgia». Pyhä Synodi. Pietari 1881), выполненный Сергеем Окуловым, основателем братства Св. Сергея и Германа, чьей заслугой является появление православного вестника «Aamun Koitto». Известно также, что Сергей Окулов работал над созданием греко-славяно-финского словаря, но записи пропали во время зимней войны [Parrukoski 1981: 110]. В 1910 году выходит второе, исправленное издание переведенных Окуловым литургических текстов. Около тридцати лет перевод Окулова использовался в православном богослужении. В 1942 году переводческий издательский комитет получил задание исправить и улучшить существующий перевод. Это предложение породило многочисленные споры и дискуссии, в которых принимали участие и лингвисты [Saarikoski 1943 : 58]. Только в 1954 году свет увидел новый трейник «Божественная литургия. Литургия святых отцов наших свт. Иоанна Златоуста и свт. Василия Великого» («Jumalallinen liturgia. Pyhän isämme Johannes Krysostomoksen ja Basileios Suuren Jumalallinen liturgia». Papin käsikirja. Ortodoksisen Kirjallisuuden Julkaisuneuvosto. Pieksämäki 1954).

Наибольшее количество изданий выходит в 1977, 1978 и 1980 годах. В основном это переводы с церковнославянского или греческого языков. К 220-летнему юбилею финской православной литературной традиции дьякон Петри Пиироинен составил библиографию изданий финской православной литературы, куда вошли книги о православной культуре, философии, искусству, литургические тексты и жития святых. Всего с 1780 года вышло свыше 1000 изданий.

Матти Есканен в статье «Liturgiansuomennosten kielestä» [Jeskanen 1979] выделил три этапа в истории практики переводов литургических текстов на финский язык: 1) переводы Т. Фримана 1860 г., 2) переводы С. Окулова 1881 и 1910, 3) послевоенный перевод 1942–1954 гг., 4) переводы 1970-х годов. Сопоставив и проанализировав отрывки из переводов всех четырех этапов, Матти Есканен пришел к следующему выводу:

наиболее отличаются от переводов предыдущего этапа переводы С. Окулова. Его переводы в значительно большей степени соответствуют нормам финского языка. И вызвано это не изменениями в лингвистической традиции в организации текста, способах перевода или отборе языковых средств. Дело в том, что перевод Фримана редактировал настоятель Сортальского прихода Федор Львов. Он требовал буквального перевода, а как известно, ввиду существующих между языками различий очень редко можно добиться адекватной передачи оригинала путем дословного перевода. В частности, буквальный перевод стал причиной нарушения характерного для финского языка порядка слов и опускания вспомогательного глагола «olla»: «ainoa ruhä» вместо «ainoa on ruhä», «Yksi ruhä, yksi Herra» вместо «Yksi on ruhä». Такие конструкции встречаются в пословицах (oma maа mansikka, muu maа mustikka), а в современном финском языке характерны для заголовков статей и рубрик («Ydinaseet yhä uhka», «Kanttorit huolestuneitä kirkkolaulutyön tilasta», «Kreikkalaiset kadottamassa uskon Jumalaan?»). В остальных случаях, как правило, требуется вспомогательный глагол «olla».

«В мировом масштабе буквалистическая традиция перевода господствовала в христианской среде до 20 в.» [Алексеев 1999: 82]. Отказ от буквализма в переводе вызван необходимостью сохранения лингвистических норм воспринимающего языка, пренебрежение которыми может вызвать помехи в сфере коммуникации. Дословный перевод возможен только в том случае, когда смысловая и стилистическая функция лексических средств и грамматических форм двух языков совпадают. Даже при наличии прямого словарного соответствия между словами двух языков далеко не всегда возможен дословный перевод. Адекватным считается перевод, передающий содержание и форму оригинала в их неразрывной связи, воссоздающий как смысловую сторону, так и стилистическое своеобразие подлинника. Это особенно важно при переводе религиозных текстов. Сохранение содержания текста неизменным с теологической точки зрения – чрезвычайно сложная задача. Это основной принцип перевода православных текстов.

Йоханнес Сеппяля, уже более 30 лет занимающийся переводами православных литургических текстов на финский язык и известный в православной общине и далеко за ее пределами как разносторонний языковед, указывает на то, что проблема перевода псалмов с оригинала не решена до сих пор не только в финском, но и в других языках [Seppälä 1971: 93]. Канонические переводы выполнены в прозе. Хотя поэтические переводы и существуют, они не канонизированы. Вообще, многие поэтические тексты оригинала имеют только прозаический перевод, поскольку переводчики опасаются, что при выполнении поэтического перевода может быть утрачено нечто важное, что может привести даже к неверному истолкованию сакрального смысла данного отрывка. Это касается и перевода православных гимнов, которые по сути своей являются догматическими, то есть

выражают внутреннее существо религии. Поэтическая форма оригинала не сохранена в переводах, в силу опасности ложных трактовок содержания. Но даже и в прозаическом переводе избежать догматических ошибок, приводящих к неправильному истолкованию учения веры – непременная задача. Сеппяля указывает на проблему отсутствия в финском языке (да и во многих других языках) православной догматической терминологии. Со временем стало ясно, что использование в той или иной мере «западной» терминологии (лютеранской или католической) привело к возникновению ошибочных – с точки зрения учения православной веры – даже опасных толкований.

Переводчик так или иначе сталкивается с проблемой выбора адекватных средств выражения, соответствий, которых, кстати говоря, может и не существовать в языке перевода, нахождения другого способа перевода, а также создания нового равноценного речевого построения при отсутствии словарных соответствий. Различия исходного и переводного текстов называют «компенсирующими» расхождениями. Компенсирующие расхождения исходного и переводного текстов являются межъязыковыми трансформациями. Межъязыковые трансформации делятся на грамматические, вызываемые отсутствием эквивалентных форм и конструкций в языке перевода (важны в переводе особенно в связи с вопросом наличия-отсутствия категории рода в языке, а также времени, числа и т. д.), и лексические трансформации, связанные с семантическими особенностями обоих языков. Разница в смысловой структуре слова, в его употреблении, его сочетаемости, вызываемых им ассоциаций, характере фразеологии и образности, в особенностях словарного состава каждого языка – все эти явления ставят перед переводчиком сложные задачи.

Уже первое издание 1881 года, выполненное Сергеем Окуловым, свободно от буквализмов. В результате текст являет собой образец безупречной финской речи. Выдержан характерный для финского языка порядок слов, инфинитивные конструкции заменены придаточными предложениями: «Herralta anomme –lopettaa» заменено «anokaamme – – että Hän sallisi meidän viettää – – viimeisen ajan –.» Синтетические именные конструкции заменены аналитическими: «päivää-- anomme» заменено «anokaamme, että päivä olisi», «pääsemistämme – – rukoilkaamme» исправлено на «rukoilkaamme – – päästämään meidät» [Jeskanen 1979 : 58]. Текст перевода Сергея Окулова близок разговорной речи, прост и легок для понимания. В переводах 1970-х годов нередко случаи замены придаточных предложений именными конструкциями: «Rukoilkaamme Herraa, että Hän päästäisi>päästämään.» Однако, в финском языке 60–70-х годов ярко выражена тенденция упрощения письменной речи по образцу устной, для которой характерно избегание подобных конструкций. Та же тенденция характерна для переводов Сергея Окулова, который, взяв за образец синтаксические конструкции бесписьменного карельского языка, предвосхитил языковую традицию 60–70 годов, направленную на упрощение литературной речи.

В 1942 году представитель комитета по переводу Пааво Саарикоски выделил три группы предпосылок для изменений в тексте переводов: 1) исправления, связанные с историей церкви, 2) исправления на основании сравнения с греческим оригиналом, 3) исправления, обусловленные требованиями и правилами современного финского языка. Большая часть изменений в послевоенном переводе незначительны и связаны прежде всего со стилистикой и орфографией. Это говорит о том, что используемые уже несколько десятилетий тексты Сергея Окулова в достаточной степени выполняли свои функции [Saarikoski 1943].

Однако, в процессе переводов 1970-х годов литургические тексты, используемые на протяжении более 30 лет, претерпели значительную правку. Из рассматриваемых М. Есканеном 14 фраз лишь 4 остались без изменений. За основу был взят принцип максимально возможной близости с оригиналом. В результате «Kristuksessa diakonien» было заменено «Kristuksessa palvelevien», поскольку греч. «diakonos» переводится как *palvelija* ‘служитель’. Матти Есканен указывает на то, что лексема «diakonos» могла еще в греческом языке получить дополнительное семантическое значение «лицо, принявшее постриг» и обрести характер термина. Уже в качестве термина это слово было заимствовано церковнославянским, а затем, в качестве заимствованного термина пришло в финский язык. Есканен справедливо считает, что давно укоренившийся в языке заимствованный термин не стоит заменять калькой, затрудняющей понимание значения слова. К тому же, если уж следовать данному принципу, следовало бы заменить «*rappien*» на «*vanhemprien*», ведь греч. «*presbyteros*» в финском языке передается лексемой *vanhempi* ‘старший’. В переводе 1970-х годов Матти Есканен зафиксировал обратный случай, когда кальки заменены заимствованием: «*uhteinen ja apostolinen seurakunta*» заменили на «*katolinen – Kirkko*». Такая замена может привести к непониманию сути высказывания, ведь в финском языке развилось и стало основным значение совершенно отличное от того, которое имела лексема *katholiko*’s (дословно *uhteinen* ‘единый’ во время появления оригинального текста [Jeskanen 1979: 63].

Матти Есканен отмечает также случаи замены лексики в переводах 70-х годов: лексема *suojelija* заменена лексемой *vartija* («*sielujemme ja ruumiittemme suojelija*» – «*sielumme ja ruumiimme vartija*»). Несмотря на то, что новый вариант представляет более близкую передачу греческого оригинала, по мнению Матти Есканена, это неудачная замена, так как в финском христианском лексиконе издавна бытуют лексема *suojelusenkeli* и словосочетание «*Jumalan suojelus ja varjelus*» с закрепленной семантикой. Вновь введена лексема *uhrialttari*, от которой отказался еще Окулов, поскольку «*alltari*» само по себе имеет значение ‘жертвенный стол’ (*uhriröytä*) [Jeskanen 1979: 68]. В процессе поиска эквивалентов для лексем *пресвятой, пречистый, премудрый* появились такие конструкции как *kaikkiryhä* и *kaikkiviisas*. В финском языке встречаются прилагательные

на «kaikki-», но несколько иного типа: *kaikkinäkevä*, *kaikkietävä*, *kaikkivoimallinen*, *kaikkivoira*. Префиксу со значением превосходной степени индоевропейских языков соответствует так называемые редубликатные частицы (*redublikaatiopartikkelit*): *uusi* ‘совершенно новый’, *tyrötyhjä* ‘совсем пустой’, *vihoviimeinen* ‘самый последний’, *puhtihdas* ‘совершенно чистый’. Но для лексемы «ryhä» такой частицы нет [Jeskanen 1979: 79].

С точки зрения теории перевода исправления 1970-х годов не во всех случаях были адекватны. Стремление максимально приблизиться к структуре греческого текста на уровне словообразования и синтаксиса породило определенные неточности. В результате перевод 70-х годов отмечен наличием малоудачных буквализмов и тяжеловесных синтетических структур, затрудняющих понимание.

В 1978–1979 учебном году Духовная семинария, православный приход Куопио и Валаамский монастырь вернулись к старым текстам. В 1979 году церковное правление потребовало от издательского совета представления отчета о том, как можно избавиться от мешающих пониманию витиеватых конструкций. Издательский совет единогласно принял за образец тексты Сергея Окулова. С небольшими поправками этот текст перепечатывается до сих пор, и употребляется в литургической практике православных финнов. Фактически, этот текст являет собою плод многолетнего развития, в процессе которого были унаследованы и суммированы результаты многочисленных переводческих начинаний и предприятий.

Переводы библейских текстов всегда рассматривались как языковой образец и носитель языковой нормы. Изучение истории появления и бытования текстов Св. Писания у православных финнов дает значительный материал для изучения филологической культуры и переводческого дела. Своей лингвистической стороной переводы объективно отражают сложившиеся к этому времени нормативные традиции финского языка. Изменения, возникшие в процессе перевода и его бытования отражают ту культурную и историческую среду, в которой они возникли.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1999 – Алексеев. А. А. Текстология славянской Библии. С.-Петербург, 1999.
- Härkönen 1936 – Härkönen I. Suomenkielisen kr.-kat. kirjallisuuden alkuvaiheet. 1936.
- Jeskanen 1979 – Jeskanen M. Liturgiansuomennosten kielestä // *Ortodoksia* 28, 1979.
- Merikoski 1944 – Merikoski K. Sergei Okulov. Palanen Raja-Karjalan sivistyshistoriaa. Helsinki, 1944.
- Parrukoski 1981 – Parrukoski H. Sergei Okulov // *Ortodoksia* 31, 1981.
- Piironen 1948 – Piironen E. Suomenkielinen ortodoksinen kirjallisuus. Kuopio, 1948.
- Saarikoski 1943 – Saarikoski P. Liturgian uuden korjausohjelman johdosta // *Ortodoksia* 6, 1943.
- Seppälä 1971 – Seppälä J. Psalmeista ja niiden kirkollisesta käytöstä // *Ortodoksia* 22, 1971.

М. В. Пулькин
Петрозаводск

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРЕЛЬСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА (1907–1917 гг.)

Возрождение и расцвет братского движения в России связан с 1860-ми гг. – временем оживления церковно-приходской жизни, реформ в религиозной сфере [Флеров 1857: 45–68]. Возможности развития Православия виделись в этот период в возвращении к истокам: реорганизации церковных приходов на древнерусских началах и возрождении братств. Начало их воссоздания связано с теми территориями, где изначально формировалось братское движение. Так, в 1863 г., «из соображений чисто практического характера, в целях вытеснения поляков-католиков, в Вильно начало создаваться так называемое Западно-русское братство Министерства народного просвещения» [Римский 1999: 364]. Впрочем, здесь восстанавливать братства было достаточно просто: «официально братства не были запрещены, никакого закона о них не существовало, и остатки их сохранились в западных епархиях с глубокой старины» [Римский 1999: 364].

Вскоре стихийное развитие братств было поставлено под контроль государства. Опубликованные в мае 1864 г. «Основные правила для учреждения православных церковных братств» подробным образом регламентировали существование этих церковных организаций. «Основные правила» предполагали открытие и деятельность братств под строгим контролем епархиального архиерея и губернатора, которые утверждали устав каждого братства и надзирали за его деятельностью [Ивановский 1883: 43]. После издания правил и до 1880 г. возникло всего 63 братства [Рункевич 1901: 155]. К 1914 г. численность братств достигла 400 [Дорофеев 1998: 11]. Новые – а по сути дела, хорошо забытые старые – церковные организации сразу же приступили к активной деятельности: «взяли под свое крыло церковные школы епархии <...> оживили дело церковной и особенно внебогослужебной проповеди, а также миссионерской деятельности и весьма значительно продвинули вперед дело просвещения народа путем распространения книг и брошюр религиозно-нравственного содержания» [Рункевич 1901: 201].

Все перечисленные формы деятельности рассматриваемых организаций в полной мере относятся к Карельскому братству. Его специфической чертой стала этническая направленность – концентрация главных усилий «братчиков» на церковном просвещении карелов. Формирующееся братство сразу же столкнулось со значительными труднос-

тиями. Прежде всего, обнаружались принципиальные разногласия между его организаторами. Архангельский архиепископ Иоанникий полагал, что принятый в Финляндской и Олонецкой епархиях устав братства «сильно снижает роль епархиальных архиереев и не указывает конкретно на источники денежных средств его бюджета» [Витухновская 2000: 82]. Финляндского архиерея Сергия (будущего патриарха) не устраивал мелочный надзор, предусмотренный разработанным в Архангельске уставом.

Но все же главным источником противоречий стали социолингвистические проблемы, а точнее говоря, дискуссионным оставался вопрос о роли финского языка в деятельности братства. Финляндский владыка Сергей был сторонником использования финского языка. Он писал: «Запрещать распространение Священного Писания на финском языке в Беломорской Карелии значит совершенно устраниться от руководства духовным питанием тамошних карел. К финскому языку они привыкли и так его знают, что когда им в Ухту предложили на выбор финский и карельский тексты, они выбрали финский. Не находя у наших книгонош понятных им финских книг православных, карелы будут брать книги у лютеранских агитаторов и получать, конечно, книги лютеранские» [Цит по: Витухновская 2000: 83]. Напротив, архангельский архиерей требовал запретить использование финского языка в просвещении и подготовке богослужбных текстов. В конечном итоге это привело к возникновению двух братств. «Георгиевское братство, учрежденное в конце ноября 1907 г., действовало на территории Олонецкой и Архангельской епархий, а братство Михаила Архангела, открытое 17 февраля 1908 г. – в епархии Архангельской. Такая ситуация сохранялась ровно до того момента, когда в Архангельской епархии сменился епископ». После этого братства объединились [Витухновская 2000: 93].

В дальнейшем роль финского языка в деятельности братства стала довольно заметной. Так, «в пределах Финляндской Карелии» братство отпечатало 18000 экземпляров книги Н. Ю. Варжанского «Доброе исповедание», переведенной на финский язык [РГИА, ф. 796, ф. 442, д. 2678, л. 28]. В Олонецкой Карелии языковые проблемы решались на компромиссной основе. Как указывалось в Уставе братства, оно, в первую очередь, обязывалось заботиться о «подъеме, развитии и укреплении религиозно-нравственного сознания православных карел через распространение среди них Священного Писания на карельском, славянском, русском и финском языках, молитвенников, книг и брошюр религиозно-нравственного содержания, а также сочинений, имеющих местный интерес, *на карельском и русском языках* (курсив здесь и далее мой. – М. П.), и направленных к разъяснению ложно-социальных и религиозных учений, распространяемых, особенно в последнее время, среди карел» [Устав 1907: 546].

В январе 1907 г. в селе Видлицах состоялся первый в истории епархии пастырско-миссионерский съезд, участники которого постановили начать

деятельность братства в Олонецкой епархии и Финляндии. О главной причине создания братства на съезде говорилось весьма определенно: «Мы были разбужены народом другой веры, устремившимся сюда, чтобы оторвать карел от России и православной веры, которым они беззавестно всегда были преданы и поныне остаются преданными. <...> Финны идут на нас замечательно согласно, нога в ногу, систематически и упорно добиваясь своих целей. Таким соединенным силам врагов России и карел нужно противопоставить также соединенные силы» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 107/89, л. 18]. Итак, главной целью братства стала борьба против финской пропаганды. В этом противостоянии неизбежно возростал интерес к карельскому языку.

Во время Видлицкого съезда была намечена обширная издательская и переводческая программа, к осуществлению которой планировалось приступить немедленно. Во-первых, к предстоящему в скором времени празднику Рождества Христова намечалась публикация соответствующих фрагментов Евангелия параллельно на русском и карельском языках. Во-вторых, «в возможной скорости» планировалось перевести и издать на средства братства «Евангелия на двенадцатые праздники» на этих же двух языках с приложением к ним поучений на карельском языке. В-третьих, на этом же языке – Устав и Описание открытия братства, а также его воззвание, адресованное карелам. В-четвертых, братство одобрило и распорядилось напечатать подготовленное протоиереем Н. Чуковым на русском и карельском языках «краткое руководство для преподавания Закона Божия детям младшего возраста». И, наконец, в-пятых, братство наметило опубликовать молитвы перед святым причащением и благодарственные после причащения [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 107/89, л. 21].

Вскоре после своего создания братство приступило к активной деятельности, и уже в 1908 г. съезд братства подвел первые итоги и наметил основные приоритеты. Во-первых, участники съезда высказали пожелание, «чтобы при замещении священнических мест в карельских приходах делался тщательный выбор кандидатов, лучших как по образованию, так и по своим нравственным качествам, *обязательно знающих карельский язык* или, по крайней мере, расположенных выучить его». Кроме того, церковники просили епархиальное начальство «поставить в обязанность наличному составу духовенства изучить карельский язык в три года» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 105/61, л. 31, об.].

Во-вторых, братство поддержало идею использования карельского языка в богослужении и церковно-просветительской деятельности: «ввиду значительного еще количества взрослых, мало понимающих русский и церковно-славянский язык, признать необходимым», чтобы некоторые составляющие богослужения: «чтение Апостола, Евангелия, Символа веры, Отче наш некоторых молитвословий всенощного бдения, а также проповедь отправлялись *на местном карельском наречии*». Учитывая

накопленный к этому времени опыт, братство рекомендовало соблюдать особую осторожность «при передаче образной русской речи, причем собственные имена оставлять без изменения их славянского произношения».

В-третьих, братство способствовало переводу богослужебных книг на карельский язык. В частности, оно признало полезным издание Евангелий и молитвословов «с двойным текстом карельским и церковнославянским. <...> Притом карельский текст печатать русскими буквами, с соблюдением ударений, в целях же пополнения недостающих в русском алфавите букв для выражения своеобразных карельских звуков выработать соответствующую русскую транскрипцию» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 105/61, л. 32, об.]. В-четвертых, братство полагало, что использование карельского языка должно сочетаться с антилютеранской пропагандой. В протоколе в этой связи говорилось: «признать полезным издание пособия для законоучителей по изъяснению ими в школах православного вероучения сравнительно с лютеранским и переводом на карельский язык брошюр, где изъяснялось бы отличие и превосходство православия над лютеранством».

В-пятых, предполагались организационные меры, направленные на подготовку кадров, необходимых для полноценного использования карельского языка во всех сферах деятельности. Братство поддержало идею о стипендиях для карелов, введении преподавания карельского языка в учительской и духовной семинариях, епархиальном женском училище, а также о «о преобразовании Юргильской второклассной школы в церковно-учительскую женскую с введением в курс ее карельского языка и сведений о лютеранстве для подготовки учительниц в карельские школы». С целью непосредственного контроля за ходом исполнения планов братство предлагало учредить особое карельское викариатство «с пребыванием викария в Александро-Свирском монастыре» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 105/61, л. 32–33, об.].

К 1910 г. братство стало заметной организацией в Карелии: его отделения появились в Петрозаводске, Повенце, Пудуже, Вытегре, Лодейном Поле, Олонце и селе Вознесенье. В число членов братства было привлечено «исключительно только одно интеллигентское население городов», главным образом, городское духовенство и местная администрация. Основу деятельности братства составляли собеседования для местного населения на церковные темы. В этой сфере братство, судя по отчету, добилось успеха. Как говорилось в этом документе, «почти все население поголовно заинтересовано чтениями и на них являются лица даже не понимающие русского языка с единственной целью посмотреть картины». В дальнейшем члены братства по мере сил начали вести собеседования параллельно по-карельски и по-русски. Для более успешной организации этих собеседований братство решило издать русско-карельский словарь, «специально приносивший к наречию карел

Олонецкого уезда, отличающемуся в значительной степени от наречия карел Петрозаводского уезда». Кроме того, Олонецкое отделение братства подготовило переводы ряда статей, предназначенных для чтений [Обзор деятельности 1910: 6–8].

Одну из своих приоритетных задач братство видело в улучшении образования. Так, Олонецкое отделение Православного Карельского братства в декабре 1909 г. обратилось к председателям уездных советов земских начальников с просьбой «взять на себя труд открытия и организации в уездных городах филиальных отделений названного братства». При этом, в качестве главного аргумента в пользу этого начинания, приводилось следующее: «так как влияние финнов заключается в более высоком культурном уровне их, поэтому школа должна служить несокрушимым орудием, самую могучую культурную силу, противодействующую лютеранству и панфиннизму». Уже при самом возникновении Карельского братства был отмечен факт такого значения школы и потому «все заботы <...> были устремлены к всестороннему улучшению училищ, чтобы они сделались наиболее продуктивными и возможно лучшими проводниками церковных и народных начал и идей братства в подрастающее поколение» [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 106/1, л. 122, об.]. С аналогичными обращениями в губернские органы власти выступили Повенецкое и Вытегорское отделения Карельского братства [НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 106/1, л. 154, 156 об.].

Как видно из речи одного из идеологов братства, священника Дмитрия Островского, важной составной частью деятельности Карельского братства стало формирование библиотек при церквях карельских приходов. Начало было положено «в скором же времени после открытия братства»: в приходы поступил перевод «некоторых литургийных евангельских чтений со славянского на корельский язык и было также переведено на этот язык одно далекое от совершенства русское поучение на день Сретения Господня». Для того, чтобы добраться до отдаленных карельских деревень, один из членов братства, К. И. Дмитриев, придумал «сумочные библиотеки», включающие в себя некоторое количество «дешевых, в то же время очень полезных» изданий на карельском языке. Библиотеки создавались и на постоянной основе: во все 48 карельских приходов Олонецкой епархии в первые годы деятельности братства было разослано большое количество «братских изданий» на карельском языке [Островский 1909: 8].

В 1910 г. составлен подробный отчет о деятельности Архангельского Православного Беломорского Карельского братства во имя архангела Михаила. В отчете особо подчеркивалось, что «братство продолжало держаться той же цели, какую имело в виду и в предшествовавшие годы, т. е. продолжало удовлетворять нужды корельских приходов в церковно-экономическом, религиозно-нравственном, образовательном и других отношениях». Для решения проблемы языкового барьера между

пастырями и прихожанами братство предприняло меры, вполне соответствующие системе Н. И. Ильминского [Подробнее об этом см.: Афанасьев 1914: 1–31]. В отчете братства говорилось: «В целях приготовления в корельские местности кандидатов на священно- и церковно-служительские и учительские должности из местных жителей братство содержало и обучало на свой счет одного корельского мальчика в мужском духовном училище, одну корельскую девочку в женском епархиальном училище» [Отчет о составе 1911: 867]. В этом же году «Совет братства не мог не посочувствовать двум карельским юношам, кончившим курс Кемского городского училища и выехавшим почти без всяких средств в Архангельск для продолжения образования своего в учительской семинарии». Юноши получили от братства «посильное пособие» [Отчет о составе 1911: 869].

Данные отчета Архангельского Карельского братства за 1914 г. показывают, что подбор учителей и священников из числа карелов и решение таким способом проблемы языкового барьера превратилось в одну из главных форм деятельности братства. По данным отчета братство, «заботясь о приготовлении в корельские местности кандидатов на священнослужительские и учительские должности из местных уроженцев, содержало *а)* в местной Островлянской второклассной школе четырех карельских мальчиков; *б)* в епархиальном женском училище двух воспитанниц, из которых одна, прошедши весь курс за счет братства, с 1914/15 учебного года поступила учительницею в одну из корельских школ; *в)* в мужском духовном училище одного мальчика» [Краткий отчет 1915: 193–194]. Направляющихся в карельские приходы церковников и учителей братство продолжало поддерживать. Так, в 1913–1914 гг. «в целях скорейшего замещения вакантных должностей в карельских местностях братство в двух случаях оказало пособие вновь назначенным лицам на путевые расходы». Наконец, для церковно-просветительской деятельности среди карел необходима литература на «туземном» языке. Братство, судя по финансовому отчету, потратило в 1914 г. 13 руб. «на выпуск карельских Евангелий и словарей» [Краткий отчет 1915: 194].

Таким образом, переводческая и церковно-просветительская деятельность Карельского братства была организованной и систематической, в особенности по сравнению с хаотичными попытками одиночек-энтузиастов из числа местного духовенства [Пулькин 2000: 275–290] или полным равнодушием чиновников к этнической специфике Карелии [Pulkin 2002: 134–141]. С успехами братства могли бы сравниться аналогичные начинания, предпринятые в Олонецкой духовной семинарии, но там успешная деятельность была прервана по инициативе местного духовенства. Но все же речь шла не столько о реальных достижениях, сколько о грандиозных планах. Кроме того, в переводческой деятельности, организованной братством в начале XX в., не удалось

избежать общих трудностей, связанных с передачей богословских терминов на карельском языке: перед переводчиками богослужебных книг возникала острая проблема «недостаточности» карельского языка для церковных нужд, а использование финских слов оставалось недопустимым по политическим соображениям.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев 1914 – Афанасьев П. О. Н. И. Ильминский и его система школьного просвещения инородцев Казанского края // Журнал Министерства Народного просвещения. 1914. Ч. 52.
- Витухновская 2000 – Витухновская М. А. Карельские православные братства: формирование и первые годы существования // Православие в Карелии: М-лы науч. конф. Петрозаводск, 2000.
- Дорофеев 1998 – Дорофеев Ф. А. Эволюция церковных братств Руси/России. Опыт конкретно-исторического исследования: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1998.
- Ивановский Я. 1883 – Ивановский Я. Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб., 1883.
- Краткий отчет 1915 – Краткий отчет о составе, деятельности и средствах Архангельского Православного Беломорско-Карельского братства во имя св. архангела Михаила за 1913–1914 гг. // Архангельские епархиальные ведомости. 1915. № 12.
- Обзор деятельности 1910 – Обзор деятельности отделов Православного Карельского Братства в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1910.
- Островский Д. 1909 – Островский Д. Задачи, деятельность и значение Православного Карельского братства во имя св. великомученика Георгия. Петрозаводск, 1909.
- Отчет о составе 1911 – Отчет о составе, деятельности и средствах Архангельского Православного Беломорского Карельского братства во имя св. архангела Михаила за 1910 и 1911 гг. // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 22.
- Пулькин М. В. 2000 – Пулькин М. В. Межэтническое взаимодействие в православных приходах Олонецкой епархии: пути и формы преодоления языкового барьера // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2000. № 1.
- Римский 1999 – Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России в 1860–1870-е гг.). М., 1999.
- Рункевич 190 – Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901.
- Устав 1907 – Устав Православного Карельского братства во имя св. великомученика и победоносца Георгия // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 22.
- Флеров 1857 – Флеров И. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб., 1857.
- Pulkin 2002 – Pulkin M. Karjalan kieli virkavaltaa palvelemassa // Carelia. 2002. N 2.

СОКРАЩЕНИЯ

НА РК – Национальный архив Республики Карелия
РГИА – Российский государственный исторический архив

С. В. Ковалёва
Петрозаводск

К АНАЛИЗУ СУБЪЕКТИВНЫХ ПАРАМЕТРОВ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

1. Анализ языковых ситуаций, оставаясь одной из традиционных и приоритетных сфер изучения в социолингвистике, в последнее время всё чаще осуществляется исследователями с точки зрения определения витальности языков. Системный качественный и количественный анализ языковой ситуации позволяет вычислить так называемый коэффициент витальности (или жизнеспособности) составляющего данную языковую ситуацию idioma (или идиомов). В частности, решению проблем витальности языков Российской Федерации посвящена вышедшая в 2000 году Социолингвистическая энциклопедия «Письменные языки мира. Языки Российской Федерации.» (Книга 1). Проблема жизнеспособности, по мнению составителей энциклопедии, касается не только языков, относящихся к числу малочисленных (количество носителей которых не превышает 50 000 человек). Вопросы выживания и полноценного функционирования затрагивают и языки с большим количеством носителей, поскольку численность носителей языка, или его социальная база, не является единственным показателем витальности языка. «Жизненность языка зависит от целого ряда объективных (социальных, культурных, демографических, экономических), а также субъективных факторов – этническое самосознание, ценностные ориентации носителей языка» [Социолингвистическая энциклопедия 2000: X]. В свою очередь, объективные факторы складывания языковой ситуации делятся на экстралингвистические (или внешние по отношению к языку) и собственно лингвистические. К внешним факторам относятся демографические, социальные, экономические, культурные и т. д.

Влияние внешних факторов на язык может быть как позитивным, так и негативным. Так, например, характер расселения носителей языка, удельный вес коренного населения и компактность его проживания, будучи одним из важнейших экстралингвистических факторов, для карельского языка является весьма неблагоприятным. Карелия, согласно представленной в энциклопедии типологии на основе перечисленных критериев, отнесена к третьему (последнему) типу республик, т. е. титульная нация составляет менее чем 30%.

«Если внешние факторы длительное время являются негативными, то процесс сохранения и изменения языка может приостановиться или прекратиться совсем. Если языками перестают пользоваться их носители, то

языки вымирают, однако они могут и возрождаться, если начинают выполнять социально значимую функцию.» [Там же: XII.]

В качестве основных факторов, влияющих на жизнеспособность языка, специалистами, как указывалось, выделяются демографические характеристики, социальный статус и степень институциональной поддержки. Однако, в современных работах социолингвистов, особенно зарубежных, субъективные факторы языковой ситуации признаются «...наиболее значимыми в процессе сохранения языков национальных меньшинств» [Там же: X]. Так, Новожилова Е. М., изучая субъективные оценки вепсов Ленинградской области в связи с языковой ситуацией, в статье «Отношение к языку как фактор языковой устойчивости», приводит мнение о значимости субъективных факторов учёных Х. Джэйлса, Р. Борхиса и Д. Тайлора. Они пишут, что «... одним из самых важных факторов является субъективное восприятие своего языка носителями, их желание или нежелание сохранять его, наличие или отсутствие веры в необходимость его существования» [Новожилова 2001: 244]. Учёные называют «субъективной этнолингвистической жизнеспособностью» степень восприятия группой своего языка как жизнеспособного [Там же: 245]. Оценка перспектив своего языка напрямую влияет на его использование, что косвенно отражается на жизнеспособности языка в целом [Там же: 245]. Эти выводы представляются нам заслуживающими серьёзного внимания.

В своей работе «Мультилингвизм» Дж. Эдвардс разграничивает функции языка на инструментальные и сентиментальные. Последние связаны с этническими чувствами того или иного народа. По мнению учёного, потеряв реальную коммуникативную роль, язык часто сохраняет эмоциональное значение [Алпатов 1997: 132]. В этом смысле для сохранения жизнеспособности языка субъективные факторы (рост престижности языка среди носителей, позитивные установки на его сохранение и т. д.) даже при неблагоприятных объективных условиях могут стать стабилизирующими. Следовательно, и изучение таких параметров имеет важную роль.

В лингвистике существует специальная область исследования, непосредственно связанная с изучением оценочных характеристик, – лингвистическая аксиология. Языковая практика непременно вызывает возникновение разного рода оценок. Социолингвистика, изучая установки носителей языка, прямым образом имея дело с оценочными данными, связана с лингвистической аксиологией. Оценочные признаки, которые в социолингвистике традиционно выделяются для описания языковой ситуации (наряду с количественными и качественными), иначе называются аксиологическими [ЛЭС 1990: 616].

В отечественной теории социолингвистики изучению субъективных параметров языковой ситуации отводится значительное место. «...Субъективные суждения носителей языка должны сопоставляться с данными лингвистического анализа, но независимо от их истинности или ложности, они подлежат изучению как один из существенных элементов

языковой ситуации» [Швейцер 1971: 45]. Субъективные суждения, или оценки, осуществляются в плане коммуникативной пригодности, эстетической и культурной престижности, а также перспектив функционирования языка.

Существует специальный термин, впервые введённый Вайнрайхом, имеющий непосредственное отношение к оценочным характеристикам, – языковая лояльность. Это – особое отношение к языку, которое создаёт ему престиж [Вайнрайх 1979: 126].

В последнее время получает распространение так называемая языковая экология (впервые термин был употреблён Э. Хаугеном (Haugen E. Ecology of language 1972), важнейшей задачей которой является сохранение языков, находящихся под угрозой исчезновения, а также укрепление позиций языков со слабым общественным статусом. В связи с этим стоит упомянуть, что ещё чешскими учёными на теоретической основе Пражской лингвистической школы была разработана пятиступенчатая типология функций языка, среди которых на первом месте стоит унифицирующая, а на втором – престижная функция. Унифицирующая функция проявляется в том, что благодаря языку возникают узы, объединяющие ту или иную общность; на одном конце такого континуума находится прагматическое осознание полезности и целесообразности использования одного языка в целях коммуникации в рамках национальной общности, а на другом – сильное эмоциональное отношение к своему собственному языку как к национальному сокровищу. Престижная функция имеет два аспекта – социальный и индивидуальный; социальный аспект характерен для небольших национальных и языковых общностей, достигших стандартизации языка с запозданием и ощущающих потребность доказать себе и другим, что их язык ничуть не менее развит, чем другие языки; индивидуальный же аспект этой функции языка проявляется в том, что член языкового коллектива сознательно стремится к культивированному варианту национального языка и умеет оценить его использование другими. Речь здесь идёт о выше упомянутых инструментальных и эмоциональных функциях языка.

Унифицирующая функция коррелирует с установкой на приверженность к своему языку (языковую лояльность). Функция престижа коррелирует с установкой на языковую гордость [Хауген 1975: 245].

2. Анализ субъективных параметров современных языковых ситуаций в отношении прибалтийско-финских языков также предпринимался в последнее время некоторыми исследователями. Изучению субъективного фактора ситуации, сложившейся с вепским языком в Ленинградской области, посвящена упоминаемая выше статья Е. М. Новожиловой «Отношение к языку как фактор языковой устойчивости» [Новожилова 2001: 239–246]. Установки карельского населения Олонецкого района относительно сохранения и бытования карельского языка были описаны в работе финской исследовательницы Райи Пюёли «Venäläistyvä aunuksenkarjala» [Pyöli 1996].

Проводя поэтапно социолингвистическое обследование в период 1993–1994 годов и 1998–2001 годов среди карел, жителей сельской местности и городов, мы также включали в анкеты вопросы, направленные на изучение субъективных характеристик языковой ситуации. Воспользуемся данными анкет для анализа некоторых из них.

Как известно, одним из основных показателей национального самосознания является признание родным языка своей национальности. Согласно данным переписи населения 1989 года, 50% карел не считают родным карельский язык. Предпочтение другого языка родному, нежелание знать родной язык специалистами сводится в такое понятие, как языковой нигилизм [Социолингвистическая энциклопедия 2000: XXII]. Посмотрим, насколько широко это явление (представляющее собой фактор негативного воздействия на функциональное развитие языка) нашло отражение в ответах исследуемой группы информантов.

За 1992–1993 годы нами было опрошено 182 информанта карельской национальности, жителей как города, так и села, в возрасте от 9 до 79 лет. В качестве основных критериев классификации информантов на подгруппы мы выбрали такие, как возрастная и проживание в городе или селе. Проанализируем ответы сельских жителей.

Среди сельских детей первой возрастной группы (9–10 лет) количеством 36 человек только один ребёнок родным назвал карельский язык (отметим, что все информанты причислили себя к карельской национальности). В процентном отношении ответы детей можно представить следующим образом: родным языком назвали русский язык 97%, карельский язык – 3%. При этом родным языком отца был назван русский в 21% ответов, карельский – в 79%. Родным языком матери русский назвали 26%, карельский – 74% детей.

В следующей возрастной группе жителей сельской местности, среди молодёжи 17–19 лет, количеством 32 человека, число совпадений родного языка и национальности было таким: примерно 64% отвечавших родным языком назвали карельский, более 30% – русский и примерно 6% – оба языка. При этом родным языком отца у 85% был назван карельский язык, 15% – русский, родным языком матери – в 92% карельский, в 4% – русский, в 4% – оба языка.

Далее шла группа из 15 человек в возрасте от 20 до 30 лет. 80% анкетированных родным языком назвали карельский язык, 20% – русский. Родным языком отца 100% информантов указали карельский язык, родным языком матери – 85% карельский язык и 15% – русский.

В возрастной группе 30–40-летних на вопросы анкет отвечали 11 человек. Из них родным карельский назвали 74%, русский 9%, оба языка – 17%. При этом родным языком отца в 90% ответов был назван карельский, в 10% – русский язык; родным языком матери соответственно карельский – 83%, русский – 17%.

В группе 40–50-летних было 10 информантов. Из них 70% указали в качестве родного языка карельский, 15% – русский, 15% – оба языка.

Родным языком отца был назван карельский в 70% ответов, русский – в 15%, оба языка – в 15%; родным языком матери – 85% карельский язык, 15% русский язык.

50–60-летних информантов было 18 человек. 90% родным назвали карельский язык, 10% – оба языка (русский и карельский). Все анкетированные в качестве родного языка матери и отца указали карельский язык.

Самая старшая возрастная группа (старше 60 лет) состояла из 10 информантов. Карельский назвали родным все анкетированные, равно как и родным языком отца и матери.

Таким образом, количество совпадений родного языка и национальности в ответах карел, жителей сельской местности, в целом значительно выше, чем 50% (от 64% до 90%, а в старшей возрастной группе – 100%-ое совпадение). Только школьники 9–10 лет в качестве родного назвали карельский язык в 3% ответов.

В тот же период был собран анкетный материал от информантов, карел по национальности, жителей городов Петрозаводска и Олонца. Количество анкетированных составило 50 человек; по возрастной категории было выделено две группы – 25 человек в возрасте до 50 лет и 25 человек старше 50 лет. Родным языком в более молодой группе был назван карельский в 89% ответов, русский – в 20%. При этом в 100% ответов родным языком обоих родителей информантов назывался карельский язык. Во второй группе в качестве родного карельский назвали все информанты; родным языком родителей также был указан карельский язык.

На основании собранной в ходе данного конкретного исследования информации можно сделать следующие выводы. Учитывая, что опрошенные дети 9–10 лет не вполне осознанно могли определиться в выборе родного языка (вполне возможно, что уже сейчас, по прошествии 10 лет, те же информанты родным назвали бы карельский язык), примем во внимание ответы более старших информантов. Здесь, тем не менее, следует отметить, что ответы школьников по определению родного языка практически полностью совпали с языковой практикой детей. Согласно данным анкет, в общении с родителями дети стопроцентно используют русский язык; со сверстниками они общаются также на русском языке и только 37% разговаривают по-карельски с представителями старшего поколения (бабушками и дедушками). На основе самооценки уровень владения карельским языком школьники определили следующим образом: 75% опрошенных по-карельски понимают, но не говорят.

В ответах более старших по возрасту жителей села родной язык и национальность совпали практически у 80%, в ответах городских жителей – у 90%. Показатель, на наш взгляд, в целом весьма высокий, хоть большинство совпадений и пришлось на ответы более старших групп. Конечно, следует оговориться, что анализ ответов такой немногочисленной группы информантов (чуть менее 150 человек) не может претендовать на

то, чтобы абсолютно адекватно отразить объективную картину приверженности родному языку и признания родным языку своей национальности среди карел, как коренного населения республики. Тем не менее, данное конкретное исследование показало, что уровень «языковой лояльности» среди информантов достаточно высокий, и нет основания говорить о присутствии в исследуемой группе такого явления, как названный выше «языковой нигилизм».

В последнее время специалисты утверждают, что только лишь признание родным языку своей национальности недостаточно для того, чтобы судить об уровне национального самосознания. Чтобы показать реальное соотношение между национальным самосознанием и функционированием того или иного языка, следует также получить ответы на такие вопросы, как: 1) Владеете ли Вы родным языком? 2) Пользуетесь ли Вы родным языком? 3) На каком языке Вы говорите в семье? 4) На каких языках Вы общаетесь в других ситуациях? [Социолингвистическая энциклопедия... 2000: XXXIX]. Подобные вопросы были включены нами в социолингвистическую анкету, и результаты опроса оказались следующими.

Среди сельской молодёжи 17–19 лет (напомним, что информантов было 32 человека) говорят по-русски 60%, используют карельский язык – 33%, оба языка – 7%. С братьями и сёстрами при общении пользуются только русским языком 80%, двумя языками – 20%. Со сверстниками общаются на русском языке 90%, иногда переходят на карельский – 10%. И только с представителями старшего поколения разговаривают по-карельски 50%, только по-русски – 20%, на обоих языках – 30%.

В возрастной группе 20–30-летних жителей села в общении с родителями используют карельский язык 30%, с братьями и сёстрами говорят по-русски 80%, на двух языках – 20%, с друзьями все общаются только по-русски, со старшим поколением пользуются карельским языком 60% отвечавших. Половина опрошенных общаются по-карельски со своими детьми.

Из 11 информантов в возрасте от 30 до 40 лет все свободно говорят по-карельски. 60% используют карельский язык в общении с родителями, 40% пользуются двумя языками. С братьями и сёстрами говорят по-карельски 40%, по-русски 40%, пользуются двумя языками 20%. В общении с друзьями также используются как русский, так и карельский языки. Кроме того, 30% информантов указали, что пользуются карельским языком на работе.

В группе 40–50-летних 10% общаются с родителями по-русски, 90% – по-карельски. В таком же процентном соотношении информанты общаются с другими родственниками. Со сверстниками разговаривают по-карельски 70%, по-русски 30%. С детьми все информанты говорят как на русском, так и на карельском. На работе иногда используют карельский язык одна треть отвечавших. При этом информанты указали, что лучше владеют русским языком 30%, одинаково хорошо русским и карельским – 70%.

Среди информантов 50–60-ти лет все хорошо владеют карельским языком, половина также умеет читать по-карельски. 90% отвечавших в общении с родственниками пользуются карельским языком, 70% говорят по-карельски с детьми и 60% применяют карельский язык на работе.

В самой старшей группе отвечавших одинаково хорошо владеют русским и карельским языками 70%, лучше владеют карельским языком – 30%. С родственниками говорят по-русски и по-карельски 90%, пользуются только русским языком – 10%. С детьми общаются на русском языке 20%, на двух языках – 80%.

Таким образом, в целом данные анкет показали, что степень соответствия родного языка и национальности и реальным его функционированием возрастает по мере увеличения возраста информантов.

Социолингвистическое обследование было продолжено в 1998–2001 годах. В анкеты кроме вопросов о языковой биографии были включены также вопросы, позволяющие определить установки анкетированных по отношению к карельскому языку. В качестве информантов вновь были привлечены разновозрастные группы карел, в основном городских жителей.

Значительную помощь в определении установок носителей языка в отношении карельского языка оказали материалы проведённого в 2000 году анкетирования среди учащихся 5–7-х финно-угорских классов национальной школы г. Петрозаводска и их родителей. Анкетные материалы были предоставлены нам завучем и психологом школы. Данные анкетирования представили интерес не только с точки зрения выявления языковой компетенции информантов и их языкового поведения. В анкетах были высказаны чрезвычайно ценные предложения по организации обучения карельскому языку и повышению его статуса в обществе.

Поскольку в анкетировании принимали участие уже более старшие по возрасту дети (по сравнению с анкетированием школьников в 1993 году), анализ ответов позволил определить уже достаточно осознанные языковые установки 11–13-летних представителей карельской национальности.

В общей сложности было проанкетировано 25 карельских детей, ещё трое учащихся назвали себя как карелами, так и русскими. Из этого количества информантов 14 (что составляет ровно половину) человек понимают по-карельски; 11 детей говорят по-карельски (т. е., могут общаться вне школьной программы); практически все овладевают навыками письма и чтения на карельском языке в школе. Из всего числа опрошенных дома говорит по-карельски один ребёнок, один пользуется двумя языками, ещё один информант указал, что чаще пользуется русским, чем карельским. Все остальные 25 детей (практически 90%) говорят дома только по-русски.

Анализ ответов позволил также установить перспективы применения карельского языка учащимися. Знание карельского языка, по мнению детей, может пригодиться: 1) при общении в деревне с родственниками; 2) на национальных праздниках, концертах, конкурсах; 3) в жизни; 4) для поступления в учебное заведение; 5) при общении с другими карелами. Ответы школьников, таким образом, очертили те сферы применения карельского языка, в которых он реально функционирует в настоящее время – бытовое общение, сфера культуры, сфера образования. Была упущена в ответах сфера массовой коммуникации; но, согласно, анкетам, большинство детей, изучающих карельский язык, читают газеты, смотрят телепрограммы и слушают радиопередачи на карельском языке.

Наряду с детьми анкеты распространялись и среди родителей-карел. Было опрошено 36 человек. Интересно отметить, что национальность детей и родителей в большинстве ответов совпала; лишь трое детей, родители которых карелы, назвали себя русскими. В одной семье, где отец карел, а мать русская, ребёнок назвал себя карелом. Помимо степени владения карельским языком, информанты сообщали сферы его использования и мотивы того, почему они отдали детей в национальную школу и предпочли, чтобы их дети изучали карельский язык.

Степень владения карельским языком взрослыми была определена так: около 65% свободно владеют карельским языком, 32% понимают по-карельски, 3% не владеет родным языком. 92% информантов говорят дома только по-русски, только 8% используют как русский, так и карельский языки.

87% родителей школьников посчитали, что карельскому языку следует обучать в школах и дошкольных учреждениях. 73% высказались за преподавание карельского языка в вузах.

Мотивами обучения своих детей в национальной школе были названы следующие: 1) соответствовать своей национальности; 2) чтобы не исчезла культура финно-угорских народов; 3) в целях общения; 4) для того, чтобы владеть родным языком; 5) для общего развития; 6) возможно, это повлияет на выбор профессии; 7) для дальнейшего обучения в вузе; 8) познакомиться с традициями родного народа; 9) некоторые дети изучали карельский язык в детских садах.

Среди предложений по обучению родному языку и закреплению роли языка в обществе родителями были высказаны такие, на наш взгляд, важные, как: организовывать национальные праздники; привлекать детей в национальные кружки; проводить бесплатные курсы родного языка; показывать кукольные спектакли на родном языке; издавать больше литературы на национальных языках; проводить ежегодные конкурсы знатоков родного языка; организовать летний лагерь для детей с обучением на родном языке; стремиться к неформальному общению с представителями финно-угорских народов; запланировать больше урочных часов родного языка; выпустить достаточное количество хороших

учебников; организовывать частые встречи с носителями родного языка (поэтами и писателями); знакомить с творческими национальными коллективами; больше внимания уделять разговорной практике. Было предложено организовать изучение карельского языка на радио и телевидении (15-минутные передачи), создавать детские передачи на карельском языке. Родители высказали пожелания принимать в национальную школу всех желающих, а не по национальному признаку; улучшить материально-техническую базу национальной школы. Один из информантов считал, что если когда-либо выпускник школы станет руководителем республики, то будет обеспечено должное финансирование национальной школы. Высказывались мнения об открытии большего количества языковых садов и школ, о правительственной поддержке таких учреждений, а также о создании программ по поддержанию национальных языков.

К сожалению, достаточно сложно с финансовой точки зрения проводить в настоящее время подобные исследования в более широком масштабе. Тем не менее, изучение именно субъективного фактора помогает, на наш взгляд, составить более достоверную картину языковой ситуации. Как показал анализ конкретных исследований, установки носителей карельского языка в целом достаточно позитивные. (Кстати, впоследствии нами были специально составлены анкеты для изучения установок в отношении карельского языка представителей других национальностей, проживающих в Карелии.) Карельский язык используется в тех сферах, в которых он реально функционирует (бытовая сфера, образование, культура). Упрочение позиций карельского языка представляется его носителям прежде всего посредством школы (большинство высказывались за увеличение количества урочных часов); значительное место было отведено также средствам массовой информации и государственной поддержке.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 1997 – Алпатов В. М. Рецензия на книгу Дж. Эдвардса «Мультилингвизм» // Вопросы языкознания, 1997.
- Вайнрайх 1979 – Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.
- Данеш, Чмейркова 1994 – Данеш Ф., Чмейркова С. Экология языка малого народа // Язык. Культура. Этнос. М., 1994.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.
- Новожилова 2001 – Новожилова Е. М. Отношение к языку как фактор языковой устойчивости // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Выпуск 1. С.-Петербург, 2001.
- Социолингвистическая энциклопедия 2000 – Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. Москва, 2000.
- Хауген 1975 – Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. 7. М., 1975.
- Швейцер 1971 – Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. М., 1971.
- Pyöli 1996 – Pyöli R. Venäläistyvä Aunuksenkarjala. Joensuu, 1996.

Е. И. Клементьев
Петрозаводск

ВЕПСЫ: СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Проблема сохранения и развития прибалтийско-финских языков в республике остается одной из сложных и трудно решаемых проблем, хотя в этом направлении за последнее более чем десятилетие произошли весьма существенные перемены. Воссозданы вепская и карельская письменности, подготовлены и изданы учебные пособия по карельскому и вепскому языкам вплоть до 9 класса, что позволяет начать переход к более глубокому освоению навыков родной речи. С конца 1980-х годов в республике действует сеть школ, где изучаются родные языки. На двух диалектах карельского языка издаются газеты («Oma tuua», «Vienan viesti»). Имеют газеты на языках своих народов вепсы («Kodima») и финны («Karjalain sanomat»), на финском языке выпускаются два журнала («Carelia» и «Kipinä»). На всех трех языках ведутся радио- и телепередачи. Издан ряд поэтических и прозаических произведений на вепском языке. Традиционно публикуются произведения авторов, пишущих на финском языке.

И тем не менее нерешенных проблем более чем достаточно. Чтобы убедиться в этом, обратимся к материалам социологического исследования 2002 г., которые позволяют ответить на ряд важных вопросов: какова современная языковая ситуация в вепской среде? Какой язык (языки) вепсы признают родным? Какова функциональная нагрузка на взаимодействующие языки в различных сферах общения? Каково современное состояние финно-угорской школы? Что вепсы думают о перспективах сохранения и развитии родных языков? Каким образом, по их мнению, следует защищать культурно-языковые интересы народа? Число таких вопросов можно множить и множить.

В настоящей статье представлены некоторые результаты опроса 240 вепсов, проживающих в 4 населенных пунктах своего традиционного ареала расселения – в Вепской национальной волости (Шелтозеро, Шокша, Рыбрека, Вехручей), а также в Петрозаводске. Выборка была организована таким образом, что она в миниатюре воспроизводила половозрастную структуру вепского населения Карелии. Соблюдено представительство опрошенных по уровню образования и занятости. Это позволяет считать полученные в ходе опроса данные репрезентативными, а выводы – достаточно надежными.

Языковая компетенция вепсов

Под этноязыковой компетенцией исследователи обычно понимают ту или иную степень владения взаимодействующими языками, достаточную

для взаимопонимания и согласованных действий между людьми разных национальностей [Губогло 1984: 17].

Владение языками обычно оценивается в двух аспектах – фактическом, т. е. фиксируется степень знания опрашиваемым каждого из двух взаимодействующих языков по единой шкале ответов, и психологическом, т. е. замеряется оценка степени владения этими языками в сравнении. Учитывая, что все вепское население Карелии владеет русским языком, мы ограничились выяснением того, как вепсы оценивают знания языка своей национальности, а также вепского языка по сравнению с русским языком. Широко бытует мнение, что при сравнительной оценке степени знания двух взаимодействующих языковых систем люди не всегда исходят из принципа «равного права языков». Считается, что если языком своей национальности человек владеет в такой же мере, как и другим языком, тем более лучше владеет языком своего этноса, последний обладает большей притягательной силой. Так ли это? В какой мере этническое и языковое самосознания совпадают или не совпадают?

Выяснилось, что более половины опрошенных (58 %) свободно владеет языком своей национальности, причем, 36,3 % из них читают и пишут на вепском языке. Доля вепсов, хорошо знающих свой родной язык, по сравнению с серединой 1980-х годов несколько сократилась [ср. Строгальщикова 1989: 40], а доля умеющих читать и писать возросла. Последнее, безусловно, связано с появлением вепскоязычной газеты, с публикацией ряда книг на вепском языке и развитием национальной школы. Слабо владеют вепским языком, т. е. говорят с большими затруднениями, но все же могут объясниться на нем 18,8 %, понимают лишь отдельные слова вепской речи 16,7 % и около 7 % опрошенных заявили, что они вообще не знают вепского языка. Таким образом, степень знания вепсами языка своей национальности может быть оценена как средняя. Причем, удельный вес знающих язык своей национальности среди взрослого населения не увеличился.

Наиболее сильным фактором, дифференцирующим вепсов по степени владения языком своей национальности, является возраст. Вепсы 50 лет и старше, 30–49-летние навыки родной речи освоили преимущественно в родительской семье (соответственно 90,5 и 72,7 %). Резкий разрыв внутрисемейных межпоколенных языковых связей характеризует языковую компетенцию 16–29-летних: среди них овладевших языком своей этнической общности в раннем детстве только 16,2 %, и почти половина молодого поколения вепсов вообще не знает вепского языка. Очевидно, что освоение родного языка в раннем детстве – одно из важнейших условий, предопределяющих его сохранность и устойчивое бытование.

Данные табл. 1 показывают, что языковая связь между поколениями в вепском этносе резко подорвана; современная семья, где есть дети дошкольного и школьного возраста, не часто может помочь детям массово осваивать навыки родной речи в раннем детстве. Поэтому «на плечи»

национальной школы ложится мощная нагрузка и ее развитие имеет принципиально важное значение в познании молодым поколением вепсов родного языка, который может стать барьером на пути языковой и этнической ассимиляции вепсов.

Т а б л и ц а 1

Владеют вепским языком	Возрастные группы, лет			
	16–29	30–49	50 лет и >	Средняя
Свободно владеют	13,5	55,5	75,9	58,0
Понимают, объясняются	21,6	25,8	14,6	18,8
Понимают отдельные слова	43,2	22,7	6,6	16,7
Не владеют	21,6	6,0	2,9	6,7

Широкое распространение русского языка в вепской среде оказывает не только сильное влияние на языковое поведение вепсов (см. ниже), но на психологическую оценку знания языков. Так, 54,2 % всех опрошенных вепсов заявили, что русским языком они владеют лучше, чем вепским. Лишь небольшая часть вепсов (7,9 %) считает, что они свободнее владеют вепским, чем русским языком. В равной мере, без затруднений могут пользоваться двумя языковыми системами почти 38 %. Таким образом, в настоящее время наиболее характерной чертой языковых процессов остается активный «переход» вепсов к полному одноязычию со сравнительно высокой долей билингвов.

По возрастным группам оценки степени владения тем или иным языком очень контрастны (табл. 2). Молодое (16–29-летние) и среднее поколение вепсов (30–49-летние) значительно выше оценивают знание русского языка по сравнению с вепским. Лишь среди вепсов старшего поколения высока доля опрошенных, чье двуязычие можно считать параллельным или дуальным. Однако и среди них лишь примерно каждый 7–8 лучше знает вепский язык, чем русский.

Т а б л и ц а 2

Каким языком свободнее владеют?	Возрастные группы, лет			
	16–29	30–49	50 лет и >	Средняя
Вепским	0,0	1,5	13,1	7,9
Русским	97,3	72,7	33,6	54,2
В равной мере двумя языками	2,7	25,8	53,3	37,9

В значительной мере влияет на степень знания вепского языка и уровень образования, тесно коррелирующий с возрастом. Четко прослеживается закономерность: чем выше образование, тем хуже знания вепского языка. Если среди вепсов с неполным средним образованием о свободном владении вепским заявили 71 % опрошенных, то со средним общим – 65,4 %, со средним специальным – 56,2, с высшим – 27,6 %. В последней образовательной группе наиболее велика доля вообще не владеющих навыками вепской

речи – около 38 %, а примерно каждый третий из них с большими затруднениями может объясниться на вепском языке.

Женщины лучше знают язык своей национальности (54,4 % свободно владеют вепским языком), чем мужчины (39,4 % хорошо знают вепский язык), хотя в раннем детстве они примерно в равной мере общались к вепскому языку.

Таким образом, современный этап этноязыкового развития вепсов характеризуется дальнейшим, более глубоким освоением навыков русской речи, начиная с раннего детства. Трудности сохранения вепсами родного языка связаны, в частности, с тем, что более двух третей вепских семей являются национально-смешанными (семьи состоят из представителей двух национальностей) или многонациональными (семьи состоят из представителей трех и более национальностей). В таких семьях, естественно, чаще всего говорят на взаимопонятном для всех русском языке.

В целом в вепском этносе сегодня и с точки зрения знания языка своего народа, и психологических ориентаций происходит весьма активное движение к одноязычию, хотя степень билингвизма (равноценная оценка знаний вепского языка и русского), судя по среднему значению показателя, еще сравнительно высока.

Речевое поведение

Для оценки функциональной нагрузки на языки были выделены 7 сфер речевой деятельности: общение с родителями, общение мужа с женой, опрашиваемого с братом или сестрой, с другими родственниками, с друзьями, с односельчанами и на работе.

На вепском языке, как и следовало ожидать, реже всего говорят на работе (свыше 66 % вообще не пользуются вепским языком, 6 % говорят очень редко, остальные – иногда). Редко звучит вепская речь в общении братьев и сестер: почти половина не пользуется вепским языком, каждый четвертый – от случая к случаю. В общении супругов ситуация более контрастна: примерно в трети семей вепская речь звучит довольно часто, но в половине семей супруги обращаются друг к другу только по-русски.

Одна из особенностей современной языковой ситуации в вепской среде – более активное, чем 10–15 лет назад, использование вепского языка во внутрисельском общении: почти 49 % опрошенных заявили, что с односельчанами они довольно часто говорят на вепском языке. Это, пожалуй, наиболее показательный пример увеличения функциональной нагрузки на вепский язык. Даже в общении с родителями вепская речь звучит реже – около 28 % говорят с ними довольно часто, но в 44 % случаев – очень редко, отдавая предпочтение русскому языку.

Родной язык

При анализе языковой ситуации, наряду с изучением языковой компетенции и речевого поведения, особое внимание исследователи уделяют родному языку, точнее, масштабам совпадения/несовпадения национальной принадлежности и родного языка, темпам этой подвижки. Это связано прежде всего с тем, что фокус этнического самосознания сильно ориентирован на язык своего этноса как на один из наиболее мощных этнообъединяющих факторов. Являясь средством внутринационального общения и формой культуры этноса, язык по праву считается конституированным признаком национальности [Губогло 1998: 51].

Выбор родного языка фиксировался прямым вопросом – «Какой язык Вы считаете родным?» Начиная с переписи населения 1926 г., соблюдалась последовательность вопросов «Национальность», затем «Родной язык». Некоторые исследователи допускают, что такой подход «неизбежно программирует ответ на следующий вопрос – о родном языке». Он якобы приводит к признанию значительным числом лиц, не знающих языка конкретного народа, в качестве родного. Однако такая гипотеза требует проверки на крупных социологических исследованиях [Степанов 2002: 13].

Опрос показал, что у 40,4 % опрошенных вепсов национальная принадлежность и родной язык совпадают, 26,3 % родным назвали русский, 32,1 % родным считают и вепсский, и русский языки, остальная часть опрошенных (1,2 %) затруднились в выборе родного языка. По сравнению с концом 1980-х годов доля вепсов, у которых национальность совпадает с родным языком, возросла более чем на 10 %. Возросла и доля признающих родным два языка – вепсский и русский. Это прослеживается в оценках и мужчин, и женщин – каждый третий из них родным признал два языка.

Считается, что если язык своей национальности хорошо осваивается в раннем детстве, он обычно признается родным. Показательно, что понятие «родной язык» в финском языке напрямую ассоциируется с языком матери, языком приобретенным в раннем детстве. Исследование подтвердило это общесоциологическое положение с одной существенной оговоркой: для сохранения языковой идентичности не менее важна высокая степень владения языком своего этноса. Установлено, что у 74 % опрошенных первым освоенным языком был язык родителей, но в лишь 52–53 случаях из 100 он признавался родным, каждый третий родным называл два языка, 13,5 % в качестве родного языка называли русский язык. Если же вепсский язык осваивался в раннем детстве в общении с родственниками, то доля признающих его родным резко сокращалась (до 5%), а удельный вес вепсов с русским языком, напротив, столь же резко возрастал (почти до 53 %). Несколько увеличивалась доля вепсов с двумя родными языками (около 38 % всех ответов).

Как соотносятся различная степень владения вепским и родной язык?

Выяснилось, что при свободном владении вепским языком около 58 % признавали его родным, т. е. несколько чаще называли его родным, чем в случае, если навыки родной речи приобретались в раннем детстве. Среди тех, кто на вепском языке может лишь с трудом объясниться, этноязыковые предпочтения существенно менялись: только у четвертой части опрошенных национальность совпадала с родным языком. Родным в этом случае около 35 % опрошенных называли русский язык и примерно 40 % – два языка. Если же опрашиваемый понимал отдельные слова вепской речи, то доминирующее место в языковом сознании занимал русский язык: почти 60 % признавали его родным, а треть – русский и вепский языки и около 3 % вепский язык. Таким образом, незнание языка своей национальности не всегда влечет за собой его непризнание как родного.

Если опрашиваемые признавали, что они более свободно владеют вепским языком, то примерно в 95 случаях он признавался родным. При более свободном владении русским языком 16 % родным называли вепский язык, 47 % – русский, около 35 % – два языка. Если знание двух языков признавалось равнозначным, то в 65 случаях из 100 родной язык и национальность совпадали, а более трети родным языком признавали русский язык. В целом параллельное двуязычие достаточно слабо влияет на устойчивость языкового самосознания вепсов, а двуязычие напрямую не связано с языковой ассимиляцией. Думается, что именно такая ситуация – хорошее владение двумя языковыми системами – наиболее адекватно отвечает перспективам языкового развития вепского этноса, определяя устойчивость языковой и этнической идентичностей.

Является ли она таковой? Насколько статична/нестатична данная ситуация? Каковы перспективы этноязыкового развития вепсов? Попытаемся ответить на этот вопрос с точки зрения межпоколенных языковых различий опрошенных.

Таблица 3

Какой язык является родным?	Возрастные группы, лет			
	16–29	30–49	50 лет и >	Средняя
Вепский	5,4	18,2	60,6	40,4
Русский	56,8	27,3	17,5	26,3
В равной мере два языка	32,4	53,0	21,9	32,1
Затруднялись ответить	5,4	1,5	0,0	1,2

Приведенные в табл. 3 данные показывают, что вепсы продолжают стремительно идти к одноязычию: среди 16–19-летних удельный вес признающих родным русский язык в три с лишним раза выше, чем среди вепсов старшего поколения. Более половины молодого поколения вепсов

признают родным русский язык, хотя в последнее десятилетие и отмечается тенденция роста национального самосознания вепсов и престижа национального языка. Среди молодежи, по сравнению с вепсами среднего поколения, сокращается доля признающих родным два языка. К настоящему времени молодое поколение вепсов уже «перешагнуло» тот рубеж в развитии языковой ассимиляции (50 %), который исследователями считается пороговым на пути к полной языковой ассимиляции этноса. Отсюда со всей очевидностью следует: разрыв межпоколенных языковых связей по линии родного языка продолжает нарастать. Вряд ли следует надеяться, что 5,4 % вепсов 16–19-летних, признающих родным вепский язык, способны привить детям устойчивую вепскую языковую идентичность или передать им хорошие навыки родной речи. Поэтому, еще раз повторимся, роль школы в сохранении вепсами своего языка следует признать исключительной.

Рост образования в определенной мере содействует сохранению языкового паритета, но в большей степени способствует проникновению языковой ассимиляции вглубь этноса (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Считают родным	Уровень образования				
	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее	Средняя
Вепский	55,8	34,8	36,8	21,3	40,4
Русский	20,9	23,9	26,3	40,4	26,3
Два языка	22,1	41,3	36,8	34,0	32,1
Затруднились ответить	1,2	0,0	0,0	4,3	1,2

Беспокоит ли вепсов будущее своего народа ?

Каждому опрошиваемому предлагалось определить позицию в вербальной ситуации и ответить на вопрос: «К какой из перечисленных ниже групп Вы бы себя отнесли ?» со следующим набором вариантов ответов:

1. к тем, кто беспокоится за будущее вепского народа, сохранение языка и культуры вепсов и сам что-то делает для этого («оптимисты», «активисты-практики»),
2. к тем, кто беспокоится за будущее вепского народа, но ничего не делает в этом направлении («наблюдатели»),
3. пожалуй, к тем, кто не интересуется этими проблемами («пессимисты»),
4. к тем, кто считает, что вепский язык все равно не сохранится и работа в этом направлении – пустая трата времени («нигилисты»).

Большая часть опрошенных (более 53 %) выбрала первый вариант ответа, еще почти 27% также высказали беспокойство за будущее народа, хотя и остаются сторонними наблюдателями. «Пессимистов» оказалось 10 % и только 9 % не верят, что вепский язык сохранится в перспективе.

Среди «оптимистов» существенно повышена доля вепсов с высшим образованием, занятых преимущественно умственной деятельностью (свыше 70%), женщин (почти 63 %).

Беспокоящихся о будущем своего народа среди свободно владеющих вепским и русским языком в равной мере около 64 %. И именно они принимают самое активное участие в решении культурно-языковых задач. Еще почти 18 % этой же языковой группы тревожатся о перспективах сохранения вепскоязычной культуры, хотя и остаются пассивными наблюдателями. Парадоксальность нынешней этноязыковой ситуации состоит в том, что среди вепсов, выше оценивших знания вепского языка по сравнению с русским, самый высокий процент (21 %) считающих, что вепский язык все равно не сохранится. Это весьма высокий показатель неустойчивости современного языкового самосознания и состояния вепского этноса. Оказалось, наконец, что среди вепсов с родным русским языком много и «активистов» (45,4 %), и «наблюдателей» (около 35 %). Правда доля «пессимистов» среди них высокая – каждый седьмое мнение.

Судя по данным опроса, беспокоящихся за будущее своего народа среди признающих родным два языка больше, чем тех опрошенных, у которых национальность и родной язык совпадает – соответственно 65 % и 59 %. Причем, еще более 27 % вепсов, считающих родным и вепский, и русский языки, высказали беспокойство за судьбу народа, хотя они ничего не делают по сохранению культуры и родного языка. Наконец, почти треть вепсов (31,7 %) с родным русским языком также заявили, что они не только беспокоятся за будущее своего народа, языка и культуры, но и принимают в возрождении и сохранении культурно-языкового наследия народа самое непосредственное участие. Среди вепсов, признающих русский язык родным, меньше всего (около 5 %) не верящих в перспективы сохранения вепского языка.

Все это свидетельствуют о том, что большинство опрошенных, при всех сомнениях, тревогах и противоречивых высказываниях будущее вепского народа связывают с культурно-языковым паритетом. Сохранение культуры и языка своего народа они рассматривают в неразрывной связи с распространением двуязычия и русскоязычной культуры в вепской среде.

Следует ли защищать культурно-языковые интересы вепского народа?

Проблема правовой защиты культурно-правовых интересов прибалтийско-финских народов Карелии, в том числе вепсов, требует специального анализа. Не вдаваясь в такой анализ, замечу лишь, что поднималась она многократно. Так, в первом языковом законопроекте, подготовленном Министерством юстиции РК (проект датирован 23 марта 1994 г.) «О языках народов Республики Карелия» отмечается, что республика гарантирует

«условия для использования в различных сферах государственной и общественной жизни языков народов, проживающих на ее территории, заботится об их возрождении, сохранении и развитии», в том числе через их изучение, подготовку педагогических кадров, развитие литературы, науки и искусства, телевидения и радиовещания, издание книг, газет и журналов на этих языках, выпуск словарей, справочников, учебной и учебно-методической литературы и т. д. [Текущий архив Госкомнаца РК].

В законопроекте, подготовленном группой разработчиков в 1996 г, ст. 5 гласила: «Республика Карелия гарантирует право вепсов – коренного малочисленного народа республики и финнов – реабилитированного народа на сохранение и развитие своих культур и языков, их право на получение образования на родном языке, выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования». Далее излагались меры по возрождению, сохранению и развитию их языков и культур [Карелия, 1996].

Еще в 2000 г. Госкомнацем РК был подготовлен языковой законопроект с идеей так называемых «региональных языков». По этому законопроекту карельский, вепский и финский языки, как региональные, имели равные права. Судя по сферам, подверженным правовому регулированию, язык (имеется в виду, видимо, карельский, так как слово «язык» употреблено в единственном числе) является языком официального опубликования законов и иных правовых актов, это язык подготовки и проведения выборов и референдумов, язык работы государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, учреждений, язык официального делопроизводства, официальной переписки, судопроизводства и средств массовой информации, язык наименований географических объектов, язык воспитания и обучения [Клеерова, 2000: 171, 174]. Независимо от того, о каких языках или языке идет речь, он (они) получал(и) статус не просто официального(ных), а государственного(ных) языка(ов). Или все три языка, будучи «региональными», т. е. равными в правах, становились государственными ?

По Конституции (Основному Закону) Республики Карелия, принятой в январе 2001 г., «Государственным языком Республики Карелия является русский. Республика Карелия вправе устанавливать другие государственные языки на основе прямого волеизъявления населения Республики Карелия, выраженного путем референдума. В Республике Карелия народам, проживающим на ее территории, гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития».

На IV съезде карел, проходившем в июне 2002 г., был предложен компромиссный путь: «Предложить Председателю Правительства и законодателям принять закон РК, в котором наделить карельский, вепский и финский языки статусом, *приближающимся по объему функций к региональному статусу языка*» (выделено мной – Е. К.). Однако судя по функциям, каким наделялся региональный язык, речь

идет не о приближении к региональному, а к статусу государственного языка. Съезд принимает следующее решение: «Просить депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия внести в Конституцию Республики Карелия статью о придании карельскому языку статуса второго государственного языка и ускорить принятие закона Республики Карелия о языках» [Текущий архив Госкомнаца РК]. Очевидно, что и при внесении изменений в Конституцию Республики Карелия, и при принятии так называемого закона о региональных языках, карельский язык приобретал статус государственного. Какой же статус оставался за вепсский и финским языками? Нуждаются ли вепсы в защите своих культурно-языковых интересов?

За принятие закона, защищающего культурно-языковые интересы вепсского народа, «проголосовали» почти 70 % мужчин и женщин, опрошенные разных возрастных групп (около 70 %). Повышена доля ратующих за принятие такого закона среди вепсов с высшим образованием (свыше 89 % ответов), понижена – среди имеющих среднее специальное образование (60 %) и среднее образование (63 %). Идею принятия такого законопроекта поддержали как неработающие (за исключением безработных), так и занятые в самых различных отраслях производства, но реже работники торговли и сферы обслуживания (53 %), чаще других – работники науки, образования, культуры, СМИ (более 85 %). За необходимость принятия такого закона высказались опрошенные различных типов семей: одно-, двух-, трехпоколенных, однонациональных, национально-смешанных и многонациональных. Выяснилось, что независимо от того, каким языком опрашиваемые лучше владеют, большинство участников опроса (около 70 %) отдали свои «голоса» в поддержку такого законопроекта. Однако среди вепсов, лучше владеющих вепсским языком, оказалось сравнительно много (каждый шестой) выбравших вариант ответа «мне все равно, будет приниматься такой закон или нет».

С вариантом ответа «с принятием такого закона не следует спешить, достаточно того, что делается в настоящее время» согласились лишь 3,8 % опрошенных, ровно 5 % оказалось тех, кому безразлично – будет ли приниматься такой законопроект или нет. Каждый пятый опрошенный не определился по данному вопросу.

Таким образом, большинство опрошенных вепсов считают, что закон, защищающий культурно-языковые интересы народа, следует принять. Однако вепсы вопрос огосударствления вепсского языка никогда не поднимали и не поднимают.

ЛИТЕРАТУРА

- Губогло 1984 – Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984.
Губогло 1998 – Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.

- Клеерова 2000 – Клеерова Т. С. Законопроект как способ решения языкового вопроса в Республике Карелия (реальная практика и перспективы развития) // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): Материалы Международной научно-практической конференции 6 июня 2000 г. Петрозаводск, 2000.
- Степанов 2001 – Степанов В. В. Российская перепись 2002 года: пути измерения этничности больших и малых групп // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2001.
- Строгальщикова 1989 – Строгальщикова З. И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Текущий архив Госкомнаца РК.

И С Т О Ч Н И К И

- Газета «Карелия» от 3 сентября 1996 г.
- Газета «Коммунист Прионежья» от 3 декабря 1987 г.
- Газета «Коммунист Прионежья» от 4 августа 1988 г.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник 111. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, ноябрь 1990 г. С. 17.;
- Основные итоги переписи населения 1994 года. Петрозаводск, 1995. С. 11.

.....

К. Н. Сануков
Й о ш к а р - О л а

РЕПРЕССИРОВАНИЕ ФИННО-УГОРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СССР В 1930-х ГОДАХ

В сталинской национальной политике с конца 1920-х годов центральное место заняла борьба с «буржуазным национализмом». А последнему приписывалось «смыкание с зарубежными интервенционистскими силами» для расчленения СССР [О так называемом... 1990: 76–84]. В этом отношении показательна политика советского руководства в отношении финно-угорских народов.

Носителями местного буржуазного национализма, естественно, предстали силы национальной гуманитарной интеллигенции. Она отражала и проводила в жизнь духовные чаяния своих народов, была выразительницей их стремления к возрождению и всестороннему развитию. Чтобы покончить ради великой советской империи с национальной самобытностью, надо было уничтожить людей, ратующих за нее, за родной язык и культуру.

Следует, конечно, иметь в виду, что до революции и в первые послеволюционные годы интеллигенция финно-угорских народов России была малочисленной и почти исключительно гуманитарной. Это были, в основном, священники и учителя, также некоторое количество

агрономов, лесничих, фельдшеров и др. Из этой же среды вышли первые писатели, журналисты, общественные деятели.

В 1920-х годах национальная политика в СССР имела немало положительных аспектов. Хотя тогда проводилась усиленная работа по марксистско-ленинскому перевоспитанию старой интеллигенции, и принимались меры по выращиванию новой, «рабоче-крестьянской», интеллигенции, все же старые «буржуазные» кадры использовались в просвещении и культуре. Они воспользовались этими возможностями, чтобы изучать и пропагандировать язык, историю, культуру, этнографию, фольклор родных народов.

И. В. Сталин и его приближенные на словах выступали за развитие национальных культур. Но уже в начале 1920-х годов Сталин показал свое враждебное отношение к местным кадрам, обвиняя их в «национал-уклонизме», призывал «выдрать с корнем буржуазный национализм». С конца 1920-х годов в практической деятельности партийно-советских органов стали проявляться ущемления, ограничения деятельности интеллигенции. Это происходило на волне разгрома «правых», под влиянием «шахтинского дела», «дела Промпартии» и других сфабрикованных процессов, направленных против так называемых «буржуазных специалистов», привлекавшихся до этого Советской властью к сотрудничеству. Если в крупных центрах погром осуществлялся, в первую очередь, в отношении научно-технических деятелей, то в финно-угорских регионах, за неимением таковых, объектом нападков стала гуманитарная интеллигенция. В смысле этнического развития народов это даже имело большее значение, потому что именно с деятельностью этой социальной группы были связаны перспективы национального возрождения, сохранения и совершенствования языка, национальной культуры, традиций, развития печати, школьного образования на родном языке, подготовки национальных кадров.

Обвинения в «буржуазном национализме» в финно-угорских регионах были тесно связаны с «финляндским фактором». Как известно, в условиях революции 1917–1918 гг. советское правительство вынуждено было признать независимость Финляндии. После этого была предпринята попытка осуществить там «пролетарскую» революцию и спровоцировать гражданскую войну, но Финляндия отстояла свою независимость. В ходе этих событий определенные силы в Финляндии пытались осуществить распространявшуюся с начала XX века панфиннистскую идею «Великой Финляндии», имея в виду расширение ее территории за счет Восточной (Российской) Карелии.

В октябре 1920 года между Советской Россией и Финляндией был заключен мирный договор. Но взаимоотношения между соседними странами и после этого на многие годы оставались напряженными. С финской стороны наблюдались попытки вооруженным путем пересмотреть вопрос о Восточной Карелии. В Финляндии официально стало действовать Карельское академическое общество, придерживавшееся идеи «Суур-Суоми»

(«Великой Финляндии»), причем заявления некоторых его деятелей вызвали подозрение в стремлении расширить ее территорию путем присоединения земель даже восточнее Карелии.

Финские ученые, особенно объединенные вокруг Финно-Угорского Общества, по инерции пытались продолжать изучение своих восточных родственников, поддерживать связи с научными кругами финно-угорских регионов СССР, хотя делать это становилось год от года труднее, ибо Советский Союз все более отгораживался от других стран, становился все более закрытым обществом.

Советские ученые, помня о плодотворном сотрудничестве с финскими учеными в конце XIX – начале XX вв., стремились со своей стороны продолжить или восстановить былые контакты. В частности, активно и результативно стало работать основанное в феврале 1925 года Ленинградское общество изучения культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН). На местах, в финно-угорских автономных областях, были созданы краеведческие общества, которые тоже стремились сотрудничать с финскими и эстонскими коллегами.

Все это вызывало недовольство и подозрительность у руководящих партийно-советских органов, у ОГПУ. В их недрах в соответствии со сталинскими установками об усилении классовой борьбы и смыкании местных «буржуазных националистов» с зарубежными интервенционистскими силами на рубеже 1920–1930-х годов стала разрабатываться версия о том, что «фашистская» Финляндия готовит нападение на Советский Союз с целью захвата территорий до Урала с помощью своей агентуры среди карел, коми, марийцев, удмуртов, мордвы.

С сожалением приходится отмечать, что в финно-угорских регионах России преследования на национальной почве и шпиономания были начаты раньше, чем в других местах. Уже на рубеже 1920–1930-х годов здесь развернулись репрессии против национальной гуманитарной интеллигенции, ратовавшей за возрождение своих народов и за установление тесных общественно-культурных связей с родственными народами Финляндии, Эстонии, Венгрии. Была проверена и раскритикована деятельность ЛОИКФУНа, ему были предписаны главные направления и задачи работы, среди которых на первом месте указано: «Борьба с фашистскими притязаниями Финляндии и других в отношении территориальных захватов в СССР и против антисоветских клеветнических кампаний в буржуазных республиках» [Советская этнография 1931: 156]. В центральной печати появилась серия громных статей [Пальвадре 1931; Худяков 1931].

В частности, М. Ю. Пальвадре в пространной статье с характерным названием «Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма» писала, что этнографическая наука в Финляндии «вполне открыто встала на службу империалистическим захватническим идеям в соседней с нами Финляндии, где некоторые общества с фашистами во главе, наравне с фашистскими организациями, сводят свою работу в основном к тому, чтобы

«научно» доказать право Финляндии на обладание территорией от Ботнического залива до Новгорода и Урала. Это означает стремление к захвату части (и какой части!) территории Советского Союза, с огромными природными богатствами в виде лесов, горных ископаемых и т. д. Это означает желанье хищной буржуазии подчинить себе множество народностей, самостоятельность и расцвет (экономический и культурный) которых им были обеспечены только Октябрьской революцией... Идея Великой Финляндии до Урала является лозунгом буржуазной этнографической науки в Финляндии» [Советская этнография 1931: 29].

В 1930 году, в связи с обсуждением политических уроков «дела Промпартии», на пленумах обкомов ВКП/б/ в Марийской, Удмуртской, Коми автономных областях, в Карельской АССР были названы фамилии многих старых («буржуазных») специалистов, получивших образование и начавших просветительскую деятельность еще до революции, после нее ставших «внутренними эмигрантами» и продолжавших работать на ниве культуры и просвещения. И указывалось: мы были вынуждены их использовать, а теперь есть свои, советские, марксистско-ленински подкованные молодые кадры, поэтому «попутчики» должны быть отстранены от работы с людьми и вообще из общественной жизни.

При этом проявилась особенность, связанная с «финляндским фактором». Жертвы политических репрессий из среды финно-угорской интеллигенции, дополнительно к прозвищу «буржуазные националисты», как правило, еще объявлялись агентами и шпионами «фашистской Финляндии» (иногда – Эстонии), стремившимися оторвать свои народы и территории их проживания от Советского Союза и присоединить к Финляндии или – как минимум – образовать Федерацию финно-угорских народов под протекторатом Финляндии. При этом в искаженном виде преподносилась история изучения и пропаганды финно-угорского родства, провокационно использовались факты научных связей и сотрудничества ученых по изучению языка, этнографии, культуры родственных народов.

Первым таким крупным сфабрикованным процессом было «дело федералистов» в Марийской автономной области [Архив].

В конце января-начале февраля 1931 года известный ученый-языковед В. М. Васильев, руководитель Марийского отделения Восточного педагогического института Л. Я. Мендияров, директор Марийского областного музея Т. Е. Евсеев, историк, преподаватель педагогического техникума Ф. Е. Егоров, директор этого техникума Н. И. Иванов, специалист молочного дела, преподаватель сельскохозяйственного техникума А. Ф. Сайн и другие беспартийные интеллигенты, пользовавшиеся большой популярностью в народе, были арестованы по обвинению в «национализме», в «организации контрреволюционной группировки» и сотрудничестве с финской и эстонской разведкой.

Главное обвинение для членов «группы Мендиярова-Васильева» было предъявлено в том, что они вместе с «националистами» из других

финно-угорских народов якобы хотели Марийскую автономную область и другие финно-угорские территории (Коми, Карелию, Удмуртию, Мордовию) отторгнуть от СССР и присоединить к Финляндии или создать Финно-Угорскую Федерацию под протекторатом Финляндии. Поэтому они имели еще одно название – «группа федералистов».

Их национализм виделся в изучении истории, языка, фольклора, этнографии родного народа, в стремлении сохранить и пропагандировать (в частности, через музейные экспозиции и этнографические очерки) народную самобытность; их обвиняли в «панфинизме» за то, что в своих статьях и лекциях они подчеркивали языковое родство марийцев с финнами, эстонцами, венграми.

Вместе с тем против них выдвигалось вполне реальное обвинение в том, что они проявляли недовольство малорезультативной политикой Коммунистической партии и Советского государства по отношению к финно-угорским и другим нерусским народам, возмущались насильственной коллективизацией и опустошительной вырубкой лесов, что подрывало природную среду обитания и традиционные занятия марийского и других финно-угорских народов. Это сочеталось у них с выражением симпатий к Финляндии, к историческому опыту успешного этнокультурного развития финского народа.

Тимофей Евсеев на допросах признавался:

25 марта 1931 года: «Мы говорили о том, что марийскому народу не дают возможности свободно самоопределиться, что национальная политика Советской власти не дает возможности правильно и быстро развиваться народу мари, что нет свободы, в частности – свободы печати... Неоднократно ругали коллективизацию, хлебозаготовки и другие политические мероприятия Советской власти».

1 апреля 1931 года: «Я был сторонником тех порядков, которые я наблюдал в Финляндии и симпатизировал им, а не порядкам Советского Союза. Трезво сравнивая культуру, общую грамотность населения, вежливость и услуги, которые я видел во время своей поездки в Гельсингфорс от финнов, я невольно сравнивал политический строй Финляндии с советским строем и, сознаюсь, мои симпатии были на стороне первого. Прежде всего, я критиковал и выражал свое недовольство на то, что в СССР нет свободного труда, так как мне казалось, что сколько ни работаешь – соответствующей платы не получаешь, для себя ничего не имеешь от своего же собственного труда, который присваивается государством. Во-вторых, я высказывал недовольство на то, что власть отнимает у крестьян последний хлеб, допускает искривления и т. д. Затем я говорил, что несмотря на заветы Ленина о свободе религии, у нас в СССР этой свободы нет и если когонибудь увидят в церкви, то потом его выгоняют со службы. В Финляндии, конечно, такого положения нет. Кроме того, я не понимал смысла раскулачивания и осуждал и возмущался этим мероприятием, расценивая его как разорение крестьянства».

Леонид Мендиаров в своих показаниях от 28 апреля 1931 года писал: «Финский вопрос среди марийской интеллигенции имеет еще дореволюционную историю. Интерес к Финляндии и финнам возник, прежде всего, на основе существовавшей теории о принадлежности как народа мари, так и финнов к единому когда-то финно-угорскому племени, разъединенному ходом исторических событий. У народа мари, в частности у передовой марийской интеллигенции, Финляндия и финны всегда были окружены особым ореолом, как страна и народ, сумевшие в течение столетий отбиться и от шведского ига, и от русского великодержавного гнета, и создавшие высоко развитую национальную культуру... В начале революции, в ее февральский период, интерес к Финляндии еще более возрастает... В дальнейшем, особенно под влиянием недовольства политикой Советской власти, и в частности национальной политикой, стремление равняться на Финляндию, сумевшую «обойти» Октябрь и установить буржуазно-демократический строй, – временами достигало довольно большой силы».

Одним из наиболее подходящих объектов для «разоблачения» оказался директор областного музея Тимофей Евсеевич Евсеев. Главное в предъявленных ему обвинениях состояло в том, что он с 1906 года поддерживал связи с финскими учеными, в 1908 и 1927 годах ездил в Финляндию, не раз посещал миссию (посольство) Финляндии в Москве. От него требовали признания в шпионском характере этих связей, в обсуждении с финскими «фашистами» вопроса об образовании Финно-Угорской Федерации. Т. Е. Евсеев все это отрицал, настаивал на исключительно научном характере сотрудничества с финнами: «Со стороны гельсингфорских ученых никаких предложений и намеков присоединиться угро-финским племенам в одно целое не было. Шпионажной работой не занимался вовсе, хотя связь с Финно-Угорским Обществом имел с 1906 года, т. е. ровно 25 лет... Политического и экономического характера разговоры не имели...»

И другие долго отрицали шпионский характер своих связей с финнами и эстонцами, но после почти годичного пребывания в тюрьме сначала в Йошкар-Оле, затем в Нижнем Новгороде подписали «признания», что являются финскими агентами. В «Обвинительном заключении по «делу федералистов» было записано: «В феврале месяце 1931 года полномочным представительством ОГПУ по Нижегородскому краю была вскрыта и ликвидирована на территории Марийской автономной области контрреволюционная шпионская группа из национал-шовинистической части марийской интеллигенции, руководимая из-за кордона».

Программно-политические установки группы, пути и методы решения поставленных ею задач представляют особый интерес, поскольку конечной целью группы являлось отторжение Марийской автономной области от СССР и создание под финляндским протекторатом Единой Финно-Угорской Федерации. Идея создания подобной «Федерации», как это точно установлено, инспирировалась фашистскими кругами Финляндии

и Эстонии, с которыми участники группы поддерживали тесную связь, осуществляемую как через Финскую и Эстонскую Миссии в Москве и Финское Генеральное Консульство в Ленинграде, так и путем периодических поездок членов контрреволюционной группы за границу.

Наряду с пропагандой идеи Финно-Угорской Федерации, участники группы вели по заданиям финских и эстонских кругов активную шпионскую и разведывательную работу».

В 1932 г. было устроено более широкое по охвату дело «Союза освобождения финно-угорских народов» (СОФИН), по которому проходили удмуртские и коми интеллигенты и один мордвин во главе с видным ученым и выдающимся поэтом Кузебаем Гердом (К. И. Чайниковым). В «Обвинительном заключении» по нему было написано: «Программно-политические установки организации и ее деятельность ставили своей конечной целью отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР и создание Единой Финно-Угорской Федерации с демократической формой правления под протекторатом Финляндии». Контакты удмуртских, коми, марийских, мордовских ученых с финскими в «Обвинительном заключении» по делу СОФИН интерпретированы так, будто они договаривались, что «восточно-финские народы должны будут поддержать Финляндию во время ее столкновения с СССР, конкретно эта помощь должна выражаться в вооруженном выступлении на Урале, Каме и Севере СССР» [Куликов 1998: 208]

В 1933 г. с подобными обвинениями было инспирировано дело «О контрреволюционной организации национал-шовинистической интеллигенции в Коми области»: «Будучи глубоко враждебной к Советской власти организация ставила своей целью ее свержение путем вооруженного восстания и объединения угро-финских народов СССР в самостоятельную буржуазно-демократическую республику под протекторатом Финляндии» [Покаяние 1998: 43].

В развертывании антифинляндской пропагандисткой кампании особая роль отводилась Карелии, имея в виду, что она граничит с Финляндией и что в ней в начале 1930-х годов проживало 15 тысяч финнов, 2/3 из которых составляли эмигранты из Финляндии. В 1932–1933 гг. была проведена специальная операция по «ликвидации контрреволюционного заговора в Карелии». В партийных документах тогда отмечалось: «Финские фашисты» для достижения своей главной цели – захвата Карелии – создали на территории республики «целую сеть повстанческих групп», назначением которых было «практическое осуществление восстания». Они были изъяты. Но в 1935 году Карельский обком ВКП/б/ отмечал: «Ликвидированные в 33 г. повстанческие организации усилиями финских разведывательных органов возрождаются вновь». Тогда были высланы финны и карельские «буржуазные националисты» из Петрозаводска и проведена очистка 22-километровой пограничной

полосы. Особый отдел Ленинградского военного округа сфабриковал дело «О заговоре, подготовляемом разведкой финского Генерального штаба» [Такала 1996: 515–516]. «Очистка» территории и массовые репрессии были проведены не только в Карелии, но и в отношении ингерманландских финнов в Ленинграде и Ленинградской области. Еще в период массовой коллективизации и раскулачивания оттуда было выселено 15 тысяч финнов. В 1930–1936 гг. как «социально-опасные элементы» из пограничной зоны были этапированы в Сибирь и Среднюю Азию 50 тысяч ингерманландцев; при этом закрыты 300 финских школ, педтехникумы, церкви, все культпросветучреждения, национальный театр, газеты и журналы [Гильди 2000: 132].

Тогда даже с трибуны Конгресса Коминтерна были осуждены «финские фашисты», якобы стремившиеся создать «Великую Финляндию» от Скандинавии до Западной Сибири.

Всё это было своего рода «артподготовкой» в преддверии задуманной войны против Финляндии и преследовало цель психологической подготовки общественного мнения.

А в финно-угорских регионах России эти «дела» стали началом целой череды событий, завершившихся фабрикацией «буржуазно-националистических организаций» и уничтожением первого поколения национальной интеллигенции. Важно также подчеркнуть, что с этого времени практически оказались под запретом исследования по финно-угроведению. Более того: было запрещено даже само упоминание о родстве восточно-финских народов с финнами, эстонцами, венграми, как проявление «панфиннизма» или «панфинноугризма».

Например, в 1934 году в докладе на Марийской областной партийной конференции с возмущением говорилось о преподавании марийского языка в пединституте: «Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венгерцами и т. д. и т. п. Под каким соусом преподносится рассуждение о таких вещах? Мы не можем допускать, чтобы кафедры высшей школы превратить в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов. За это нужно спросить строго!».

В 1937–1938 гг. по приказу Н. И. Ежова № 00447 по стране проходило изъятие «финского контингента». В городе Ленинграде и области в процессе массового Большого Террора было репрессировано 15% финского населения. А численность народа ижора сократилась с 17 тысяч в 1926 году до 7,7 тысяч по переписи 1939 года [Миренко 2000: 288].

Во всех финно-угорских регионах были «раскрыты» «контрреволюционные буржуазно-националистические шпионско-диверсионные организации, руководимые из-за кордона», т. е. из Финляндии, в том числе и в Калининской области – «Карельская националистическая шпионская организация». Неизменным пунктом обвинения в этих «делах» было стремление присоединить земли финно-угров России к Финляндии. Видный

марийский ученый и общественный деятель В. А. Мухин по этому поводу писал на имя Н. И. Ежова: «Посмотрите на карту: как можно Марийскую республику или Удмуртию присоединить к Финляндии?» [Сануков 1999: 60]. Но логика и здравый смысл, даже некое правдоподобие не интересовали тех, кто осуществлял террор против народов и их интеллектуальных сил.

В результате репрессий было нарушено начавшееся было национальное возрождение российских финно-угров. У народов, за полтора десятилетия добившихся немалых положительных результатов в становлении новой культуры, в формировании национальной интеллигенции, эти результаты были подорваны, уничтожен цвет еще недостаточно этнически окрепших народностей, их генофонд. Культуре народов, их национальному самосознанию был нанесен такой удар, что последствия этого оказались необратимыми. Литература и искусство, в целом культура были отброшены далеко назад от достигнутых позиций, и даже через полвека новому поколению интеллигенции не удалось вновь выйти на те рубежи.

Тысячи безвинно убиенных лучших сыновей и дочерей небольших по численности народов – это само по себе громадная потеря. Но страшным последствием кровавого погрома стало и другое. Именно с той поры, когда была истреблена молодая финно-угорская интеллигенция, радевшая за родную культуру, родной язык, и за это объявленная вражеской, страшным дамочковым мечом на долгие годы нависло над народами пугающее слово «национализм». Страх и оцепенение от репрессий 1930-х годов долго не проходили, да и до настоящего времени ощущаются.

Через удушение начавшего утверждаться национального самосознания народы вновь вернули в униженное состояние.

С уничтожением «националистов» в жизнь пришло совершенно новое поколение руководящих деятелей и «интеллигентов». Представители этой новой генерации – «интернационалисты», лишённые национального самосознания, за редким исключением, утверждали себя в общественной жизни отречением от национальных интересов, пренебрежением к языку, культуре народов, из недр которых вышли, но принадлежности к которым они стыдятся. Их усилиями в массовое сознание внедрен комплекс национальной неполноценности.

Таким образом, самочувствие народов на многие десятилетия стало определяться последствиями погрома, учиненного в 1930-х годах, и последовавшим морально-психологическим давлением, когда проводилась линия на преследование национальных чувств, национального самосознания.

Начиная с «дела федералистов» и продолжая Большим Террором, был нанесен удар по идее финно-угорской общности и солидарности. Научные связи не только финно-угроведов СССР со своими коллегами из Финляндии, Венгрии, Эстонии и других стран, но и внутри СССР надолго были парализованы. Только с хрущевской «оттепели» научные и культурные связи в финно-угорском мире стали восстанавливаться, а по-настоящему

они развернулись только с падением в СССР и бывших его республиках тоталитарного строя.

Но и сейчас они, как и в 1930-е годы, кое у кого вызывают подозрение. Об этом, например, свидетельствует статья И. Аверина «Великая Суоми стремится к Енисею» в московской газете «Век»:

«Мусульманский юг России – не единственное слабое звено федеративной системы страны. Окончательно ослабевший центр побуждает автономии других регионов Российской Федерации к самоопределению и поиску политических ориентиров за ее пределами. Наиболее характерные в этом смысле автономные образования народов финской группы восточной части Европейской зоны России: Мордовия, Марий Эл, Удмуртия, Республика Коми. Выбор их симпатии объективно пал на страны, находящиеся в числе геополитических недоброжелателей России: это Венгрия – член НАТО, Эстония – кандидат в члены НАТО и становящаяся все более претенциозной Финляндия, где отчетливо звучат призывы к созданию великой страны Суоми от Ботнического залива до Енисея» [Век 1999].

Эта цитата очень напоминает документы 1930-х годов, свидетельствуя, что история развивается по спирали.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Архив – Архив Управления Федеральной Службы безопасности РФ по Республике Марий Эл. Арх. дело № 1761.
- Век 1999 – Век. 1999, 12–19 сентября.
- Гильди 2000 – Гильди Л. Государственный геноцид финнов в СССР // VI ICSEES World Congress. Tampere, Finland. 29 July – 3 August 2000. Abstracts.
- Куликов 1993 – Куликов К. И. Дело СОФИН. Ижевск, 1993.
- Миренко 2000 – Миренко В. И. Ижоры в советское и постсоветское время // VI ICSEES World Congress. Tampere, Finland. 29 July – 3 August 2000. Abstracts.
- О так называемом 1990 – О так называемом «национал-уклонизме» // Известия ЦК КПСС. № 9. 1990.
- Пальвад্রে 1931 – Пальвад্রে М. Ю. Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма // Советская этнография. № 1–2. 1931.
- Покаяние 1998 – Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 1. Сыктывкар, 1998.
- Сануков 1999 – Сануков К. Н. Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов. Йошкар-Ола, 2000.
- Советская этнография 1931 – Советская этнография. № 1–2. 1931.
- Такала 1996 – Такала И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Historia Fenno-Ugrica 1-2. Oulu, 1996.
- Худяков 1931 – Худяков М. Финская экспансия в археологической науке // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. № 11–12 и др. 1931.

СОДЕРЖАНИЕ

Георгий Мартынович Керт. К 80-летию со дня рождения	3
Библиография работ Г. М. Керта	7
Публикации о Г. М. Керте	22
<i>Марье Йоалайд. Об этимологии фамилии Керт</i>	<i>24</i>
<i>А. В. Суперанская. Титаническая работа поколений</i>	<i>30</i>
<i>А. К. Матвеев. Основа челм- и ее корреляты в субстратной топонимии Русского Севера</i>	<i>38</i>
<i>И. И. Муллонен. Карельская топонимия Валаама</i>	<i>45</i>
<i>Л. В. Михайлова. К истории топонимии Валаама</i>	<i>54</i>
<i>Д. В. Кузьмин. Истоки форманта -šina в карельской топонимии</i>	<i>63</i>
<i>А. Г. Мусанов. Потамонимы Республики Коми</i>	<i>68</i>
<i>И. С. Галкин. Марийские географические термины, связанные с обозначением истока и устья реки</i>	<i>80</i>
<i>О. П. Воронцова. Этнические связи луговых и горных мари по данным топонимики</i>	<i>85</i>
<i>Н. Н. Мамонтова. Карельская ойконимия: состояние, проблемы, перспективы</i>	<i>90</i>
<i>М. Э. Рут. Некоторые наблюдения над русскими «бабами» и саамскими «девушками» в народной астронимии</i>	<i>94</i>
<i>Н. Г. Зайцева. Триада возвратного спряжения в вепсском языке</i>	<i>97</i>
<i>П. М. Зайков. Оппозиция геминированных и негеминированных аффиксов в диалектах карельского языка</i>	<i>106</i>
<i>Н. А. Лыскова. Концепция глубинных падежей в обско-угорских языках</i>	<i>111</i>
<i>О. Ю. Бояркина. Сложноподчиненные предложения в эрзянском языке (на материале романа А. Мартынова «Розень кши»)</i>	<i>124</i>
<i>А. С. Герд. Об одном рефлексе былой интерференции (карельское <i>no</i> – русское <i>но</i>)</i>	<i>129</i>
<i>Ю. Э. Коппалева. Освоение иноязычных названий в процессе формирования диалектной лексики флоры (на материале финских говоров Ингерманландии)</i>	<i>132</i>
<i>Д. В. Цыганкин. О лексике пространственной ориентации в мордовских языках</i>	<i>137</i>
<i>Р. И. Акашкина. Термины родства в мокшанской свадебной поэзии</i>	<i>141</i>
<i>М. Ю. Семенова. Анализ подходов к термину «аллитерация» при изучении фольклорных текстов финно-угорских языков</i>	<i>145</i>

<i>А. П. Феоктистов. Об экспрессивных свойствах орнитонимов в мордовском фольклоре</i>	149
<i>Т. И. Янгайкина. Антонимы в романе И. Девина «Нардише»</i>	154
<i>В. П. Федотова. О словаре «Дескриптивные глаголы в карельском языке»</i>	157
<i>В. В. Рогозина. Деформация фразеологических единиц в вепсском языке</i>	166
<i>В. Д. Рягоев. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка</i>	170
<i>Е. В. Захарова. Перевод литургических текстов на финский язык как филологическая проблема</i>	177
<i>М. В. Пулькин. Языковые проблемы в деятельности Карельского православно-славного братства (1907–1917 гг.)</i>	184
<i>С. В. Ковалева. К анализу субъективных параметров языковой ситуации</i>	191
<i>Е. И. Клементьев. Вепсы: современная этноязыковая ситуация</i>	200
<i>К. Н. Сануков. Репрессирование финно-угорской интеллигенции в СССР в 1930-х годах</i>	210

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
Сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта

Серия ИД. Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Сдано в печать 27.01.2003 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная UNION PRINT S. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 15,4. Усл. печ. л. 12,4. Тираж 300 экз. Изд. № 5. Заказ № 319.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
Петрозаводск, пр. А. Невского, 50